

научно-практический журнал

ПРАВОПОРЯДОК

№ 1 (44)
2025

история • теория • практика

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Электронная версия журнала доступна на сайте <https://правопорядок74.рф>.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ А. В. Доктор юрид. наук, доцент
Челябинский гос. университет, г. Челябинск

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

ВОРОНИН С. В.
редакция журнала, г. Челябинск

ПЕРЕВОД

ВОЛОШИНА М. А.
редакция журнала, г. Челябинск

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ООО «ЭСКУЭЛА»

Россия, 454091, г. Челябинск,
ул. Коммуны, 139-39.

Журнал основан в 2013 г. Выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Рег. номер **ПИ № ФС77-87954** от 6 августа 2024 г.
Подписной индекс: **94267 «Урал-Пресс»**

РЕДАКЦИЯ

Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.
Тел.: +7 (908) 570-73-15
E-mail: pravoporyadok74@bk.ru
Сайт: <http://правопорядок74.рф>

В журнале отражаются результаты фундаментальных
и прикладных научных исследований, эксперименталь-
ных разработок ведущих ученых и исследователей,
аспирантов и докторантов, а также практический опыт
сотрудников правоохранительных органов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен,
названий и иных сведений, а также за соблюдение
законов об интеллектуальной и иной собственности
несут авторы публикуемых материалов.

Подписано в печать: 17.03.2025.
Дата выхода в свет: 21.03.2025.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 16,97.
Тираж 150 экз. Заказ № 105.

Отпечатано в издательстве
Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.
Цена свободная.

© Редакция журнала «Правопорядок: история,
теория, практика», авторы, 2025.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ИГОЛЕВИЧ В. А. Кандидат технических наук, доцент, генерал-майор полиции
(председатель совета).

АГАПОВ П. В. Доктор юридических наук, профессор.

БИРЮКОВ П. Н. Доктор юридических наук, профессор.

БОГДАН В. В. Доктор юридических наук, доцент.

ВАЛЕЕВ Р. М. Доктор юридических наук, профессор кафедры.

ВЫДРИН И. В. Доктор юридических наук, профессор.

ГОНЧАРОВ Д. Ю. Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры.

ГУСАК В. А. Доктор юридических наук.

ЗУЕВ С. В. Доктор юридических наук, профессор.

КОБЕЦ П. Н. Доктор юридических наук, профессор.

КИРЕЕВ В. В. Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры.

КУДИНОВ В. В. Доктор юридических наук.

ЛАЗУТИН Л. А. Доктор юридических наук, профессор.

МАЙОРОВ В. И. Доктор юридических наук, профессор.

ПУЧКОВ О. А. Доктор юридических наук, доцент.

САБИТОВ Р. А. Доктор юридических наук, профессор.

СЕВРЮГИН В. Е. Доктор юридических наук, профессор.

СЕРГЕЕВ А. Б. Доктор юридических наук, профессор кафедры.

СКАРИДОВ А. С. Доктор юридических наук, профессор.

ТУГАНОВ Ю. Н. Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации.

ЧЕРНЯДЬЕВА Н. А. Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры.

ШАРОНОВ С. А. Доктор юридических наук, доцент.

ШАЙХУТДИНОВ Е. М. Кандидат юридических наук.

БАЗЕЛЮК В. В. Доктор педагогических наук, профессор.

КОСТЕНОК П. И. Доктор педагогических наук, профессор.

ТАНАЕВА З. Р. Доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры.

МАХРОВА Т. К. Доктор исторических наук, доцент.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВИННИКОВА Р. В. Кандидат юридических наук.

ВАНЮШИН Я. Л. Кандидат юридических наук, доцент.

ДОЛГОПОЛОВ К. А. Доктор социологических наук,
кандидат юридических наук, доцент.

КОНДРАТЬЕВ С. М. Кандидат юридических наук, доцент.

МАГДЕНКО А. Д. Кандидат юридических наук, доцент.

МАЙОРОВ А. В. Доктор юридических наук, доцент.

МИХАИЛОВ К. В. Кандидат юридических наук, доцент.

ОВЧИННИКОВА О. В. Кандидат юридических наук, доцент.

ТЮЛЬПАНОВ Ф. М. Кандидат юридических наук, доцент.

ШМИДТ А. А. Кандидат юридических наук, доцент.

МАЙСАК В. Н. Кандидат исторических наук, доцент.

СЕМЕНОВ А. И. Кандидат исторических наук, доцент.

ДЕККЕРТ Д. В. Кандидат педагогических наук, доцент.

СУХОРУКОВА А. Х. Руководитель ГУ ФССП России по Свердловской обл.,
генерал-майор внутренней службы.

В НОМЕРЕ

CONTENTS

**История и общая теория
обеспечения правопорядка***(5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки;
5.1.4 Уголовно-правовые науки)**Панькин С. И.*

Нормативные основы, особенности формирования
и деятельности частей особого назначения (ЧОН)
в Челябинской губернии в 1920–1922 гг. 5

Пучков О. А.

Специфика геномных правоотношений:
новые подходы к исследованию 10

Рассохин А. В., Букреев С. А.

Нормативные коллизии
как коррупциогенный фактор 17

Тищенко В. Г., Махрова Т. К.

Формирования казачьих войск Урала
в обеспечении охраны правопорядка
в Российской империи 22

Конституционное право*(5.1.2 Публично-правовые
(государственно-правовые) науки)**Хлебунова С. А.*

Двойственная природа института прекращения
гражданства Российской Федерации 28

Нечкин А. В., Руденко В. В.

Правовой мониторинг в Свердловской области:
состояние законодательства и перспективы
совершенствования 34

**Административное право
и процесс***(5.1.2 Публично-правовые
(государственно-правовые) науки)**Пошелов П. В., Пестерева Ю. С., Шагланова А. Н.*

Проблемы правоприменения нормы,
предусматривающей ответственность
за пропаганду либо публичное
демонстрирование запрещенной атрибутики
и символики 39

Степанова М. Н.

Регулирование правоотношений
в эпоху цифровой трансформации 44

**History and General Theory
of Legal Order***(5.1.1 Theoretical and historical legal sciences;
5.1.4 Criminal Law Sciences)**Pankin S. I.*

Regulatory Framework, Features of the Formation
and Activities of Special Appointment Units
in the Chelyabinsk Province in 1920-1922 5

Puchkov O. A.

Specifics of Genomic Legal Relations:
New Approaches to Research 10

Rassokhin A. V., Bukreev S. A.

Regulatory Conflicts
as a Corruption-Causing Factor 17

Tishchenko V. G., Makhrova T. K.

The Formation of the Cossack Troops
of the Urals in Ensuring the Protection
of Law and Order in the Russian Empire 22

Constitutional Law*(5.1.2 Public law (state law) sciences)**Khlebunova S. A.*

The Dual Nature of the Institution of Termination
of Citizenship of the Russian Federation 28

Nechkin A. V., Rudenko V. V.

Legal Monitoring in the Sverdlovsk Region:
The State of Legislation and Prospects
for Improvement 34

**Administrative Law
and Procedure***(5.1.2 Public law (state law) sciences)**Poshelov P. V., Pestereva J. S., Shaglanova A. N.*

Problems of Law Enforcement of the Norm
Providing for Responsibility for Propaganda
or Public Display of Prohibited
Paraphernalia and Symbols 39

Stepanova M. N.

Regulation of Legal Relations
in the Era of Digital Transformation 44

Шаклеин С. Н.

Повышение эффективности административных наказаний как превенция правонарушений в области дорожного движения 50

Административная деятельность*(5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки)**Грешнова Г. В., Александрина Н. М., Ремизов П. В.*

Административно-правовое регулирование социального обеспечения в Российской Федерации: некоторые проблемы и направления совершенствования 57

Уголовное право и процесс*(5.1.4 Уголовно-правовые науки)**Зуев С. В.*

Отказ от бумажного производства по уголовным делам: отчасти экологический вопрос 62

Кочедыкова В. М.

Уголовно-правовая норма за противоправное осуществление функции управления в отношении юридического лица (рейдерский захват): конструкция состава преступления, квалифицирующие признаки 68

Лобач Д. В.

Проблемы правовой неопределенности уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления против мира и безопасность человечества 74

Морозов М. В.

Аналогия при применении правил квалификации преступлений 80

Моругина Н. А.

Электронное уголовное дело: понятие, история, зарубежный опыт, перспективы 84

Петренко В. В.

Лингвистический анализ диспозиций типичных длящихся преступлений 90

Филипьев Р. А., Драгун О. В.

Некоторые вопросы реализации пристрастия за несовершеннолетними обвиняемыми подозреваемыми 95

Shaklein S. N.

Increasing the Effectiveness of Administrative Penalties as a Prevention of Traffic Offenses 50

Administrative Activity*(5.1.2 Public law (state law) sciences)**Greshnova G. V., Alexandrina N. M., Remizov P. V.*

Administrative and Legal Regulation of Social Security in the Russian Federation: Some Problems and Directions of Improvement 57

Criminal Law and Proceeding*(5.1.4 Criminal law sciences)**Zuev S. V.*

Abandoning Paper-Based Criminal Proceedings: Partly an Environmental Issue 62

Kochedykova V. M.

Criminal-Legal Norm for Unlawful Exercise of Management Function in Relation to a Legal Entity (Raider Seizure): Construction of the Corpus Delicti, Qualifying Features 68

Lobach D. V.

Problems of Legal Uncertainty of Criminal Law Rules Establishing Liability for Crimes Against Peace and Security of Humanity 74

Morozov M. V.

Analogy in the Application of Rules of Qualification of Crimes 80

Morugina N. A.

Electronic Criminal Case: Concept, History, Foreign Experience, Prospects 84

Petrenko V. V.

Linguistic Analysis of the Dispositions of Typical Continuing Crimes 90

Filipyev R. M., Dragoon O. V.

Some Issues of the Implementation of Supervision of Minors Accused Suspects 95

В НОМЕРЕ

CONTENTS

**Теория и практика
противодействия преступности***(5.1.4 Уголовно-правовые науки)**Артёменко Н. Н.*

Имплементация положений Конвенции
о защите культурных ценностей
и иных конвенций в Уголовный кодекс РФ
относительно предмета ст. 164 УК РФ
«хищение предметов,
имеющих особую ценность» 99

Бадиков Д. А., Сучкова Е. А.

Особенности участия специалиста
при расследовании неправомерного оборота
средств платежей 105

Кабанов П. А.

Взгляды Льва Исаевича Шейниса
на криминологию, преступность, её причины
и меры противодействия ей:
историко-криминологическое исследование 109

Кондратюк С. В., Алипова А. М.

Уточненное понятие экстремизма
применительно к новым субъектам России 118

Юзиханова Э. Г., Корсикова Н. А.

Содержание деятельности органов внутренних дел
России по противодействию экстремизму
в молодежной среде 123

Международное право*(5.1.4 Уголовно-правовые науки;
5.1.5. Международно-правовые науки)**Кобец П. Н.*

Практика привлечения общественности
для оказания содействия полиции
по поддержке правопорядка
(зарубежный опыт) 127

**Проблемы правопорядка:
взгляд молодых исследователей***(Шифры специальностей: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4; 5.1.5)**Долженко В. В.*

Уголовное преследование лиц, занимающих высшее
положение в преступной иерархии:
сравнительно-правовое исследование на примере
Российской Федерации и Республики Грузия 134

Сведения об авторах 140

Theory and Practice of Combating Crime*(5.1.4 Criminal law sciences)**Artemenko N. N.*

Implementation of the Provisions of the Convention
on the Protection of Cultural Property
and Other Conventions in the Criminal Code
of the Russian Federation Regarding the Subject
of Article 164 of the Criminal Code
of the Russian Federation
«Theft of Objects of Special Value» 99

Badikov D. A., Suchkova E. A.

Peculiarities of Participation of a Specialist
in the Investigation of Illegal Turnover
of Means of Payment 105

Kabanov P. A.

Views of Lev Isaevich Sheinis on Criminology, Crime,
Its Causes and Measures to Counteract It:
A Historical and Criminological Study 109

Kondratyuk S. V., Alipova A. M.

Refined Concept of Extremism
in Relation to the New Subjects of Russia 118

Yuzikhanova E. G., Korsikova N. A.

The Content of the Activities
of the Internal Affairs Bodies of Russia
in Countering Extremism Among Young People 123

International Law*(5.1.4 Criminal law sciences;
5.1.5 International legal sciences)**Kobets P. N.*

Practice of Involving the Public to Provide Assistance
to the Police in Maintaining Law and Order
(International Experience) 127

**Problems of Legal Order:
the View of young Researchers***(Specialty codes: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4; 5.1.5)**Dolzhenko V. V.*

Criminal Prosecution of Persons Occupying
the Highest Position in the Criminal Hierarchy:
A Comparative Legal Study on the Example of the
Russian Federation and the Republic of Georgia 134

Information About Authors 140

**НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ, ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЧАСТЕЙ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ (ЧОН) В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 1920–1922 гг.**

Станислав Игоревич Панькин

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Уральский филиал,
Челябинск, Россия*
pstanislav78@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-6309-4206>

Аннотация. Статья посвящена истории создания и функционирования военно-партийных формирований советского режима в Челябинской губернии на заключительном этапе гражданской войны. На основании нормативных и архивных документов рассматривается создание, правовое регулирование и функционирование частей особого назначения в регионе. Показаны основные направления деятельности в рамках закрепленных функций, их изменения в рассматриваемый период, а также место и роль частей особого назначения (ЧОН) в системе специальных войск и формирований. Раскрыты особенности комплектования подразделений и обучения коммунаров. Исследованы организационная система управления и структура ЧОН. Приведена дислокация частей по территориям, их количественный и качественный состав. Рассмотрены примеры боевого применения ЧОН в ходе подавления повстанческих выступлений.

Ключевые слова: гражданская война, Челябинская губерния, части особого назначения, повстанческое движение, дезертирство

Для цитирования: Панькин С. И. Нормативные основы, особенности формирования и деятельности частей особого назначения (ЧОН) в Челябинской губернии в 1920–1922 гг. // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 5–9. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-5-9

Research article

**REGULATORY FRAMEWORK, FEATURES OF THE FORMATION AND ACTIVITIES
OF SPECIAL APPOINTMENT UNITS IN THE CHELYABINSK PROVINCE IN 1920-1922**

Stanislav I. Pankin

Financial University under the Government of the Russian Federation, Ural branch Chelyabinsk, Russia
pstanislav78@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-6309-4206>

Abstract. The article is devoted to the history of the creation and functioning of the military party formations of the Soviet regime in the Chelyabinsk province at the final stage of the civil war. On the basis of normative and archival documents, the creation, legal regulation and functioning of special appointment units in the region are considered. The main directions of activity within the framework of the assigned functions, their changes in the period under review, as well as the place and role of the special appointment units in the system of special forces and formations are shown. The peculiarities of recruiting units and training communars are revealed. The organizational management system and the structure of the special appointment units are investigated. The dislocation of units by territories, their quantitative and qualitative composition is given. Examples of the combat use of special appointment units during the suppression of insurgent actions are considered.

Keywords: civil war, Chelyabinsk province, special appointment units, insurgency, desertion

For citation: Pankin SI. Normative foundations, features of the formation of special appointment Units in the Chelyabinsk province in 1920-1922. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):5-9. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-5-9

Введение

Ключевым ресурсом, благодаря которому коммунисты победили в Гражданской войне и удержали власть, являлись вооруженные силы. Главной опорой Российской коммунистической партии (большевиков) (далее — РКП (б)), наряду с регулярными войсками, являлись части особого назначения (ЧОН), обеспечивавшие безопасность режима на подконтрольной территории.

Несмотря на сравнительно большое число публикаций, посвященных ЧОН в РСФСР в целом и на региональном уровне, историко-правовых исследований по теме крайне мало. Так, диссертационное исследование С. А. Марченко посвящено анализу организационно-правовой составляющей в деятельности ЧОН на Кубани. Автор предлагает собственную периодизацию истории ЧОН. Ключевые критерии: принципы комплектования, развитие нормативной базы, материальное обеспечение и подчиненность. По мнению автора, основной задачей была борьба с повстанческим движением [5]. А. Н. Крыжан акцентирует внимание на отсутствии государственного нормативного регулирования деятельности ЧОН, которая осуществлялась партийными директивами и распоряжениями РВС. Автор отмечает чрезвычайный характер и разносторонний функционал ЧОН, включая военные, охранительные, карательные задачи, которые отчасти дублировали полномочия других специальных войск и органов безопасности. По ее мнению РКП (б), стремясь сохранить сложившиеся в ходе войны ЧОН, не смогла определить их место и роль в государственной структуре, что на практике приводило к дублированию функций с иными силовыми структурами [4, с. 106, 108, 113].

На наш взгляд, дублирование полномочий силовых органов советского государства в тот период было весьма распространенным явлением и не составляло проблему. Многие специальные службы или войска существовали незначительное время и упразднялись в ходе постоянного реформирования. Войска ВОХР осенью 1920 г. переформатировали в войска внутренней службы (ВНУС), со значительным сокращением функционала, комиссии по борьбе с дезертирством были упразднены в мае 1921 г. с передачей их полномочий региональным военкоматам и отчасти штабам ЧОН. Относительно Челябинской губернии публикаций по теме также не много [3; 9; 10].

Материал и методы

Статья выполнена на основании нормативных актов РКП (б), регулировавших деятельность ЧОН, документов Государственного архива Челябинской области включая фонды Ф. П-77 (губернский комитет партии), Ф. Р-1166 (штаб ЧОН Челябинской губернии), где отложились отчеты командования, сводки служебно-боевой деятельности, отчеты агентурной разведки, сведения о составе частей и обучении коммунистов. Использовалась и специальная литература по теме. В ходе исследования применялся комплекс исторических и юридических научных методов.

Описание исследования

Ударной силой РКП (б) в ходе гражданского противостояния стали специальные соединения из коммунаров¹, позже получившие наименование ЧОН. С 17.04.1919 г. постановление ЦК РКП (б) утвердило их задачи: борьба с контрреволюцией и обеспечение внутреннего порядка [2, с. 45].

Образованные на базе стихийно возникших партийных отрядов, с середины 1919 г. они формировались преимущественно централизованно. В инструкциях РВСП отмечали специфику их применения, включая запрет на выделения ими пополнений фронту².

В Челябинской губернии, образованной в сентябре 1919 г., за четыре года ее существования дважды вводили военное положение, а первое время она являлась прифронтовой. Недовольство населения военным коммунизмом, в частности террором, продразверсткой и методами их проведения неоднократно выливалось в восстания. В 1920 г. их основой стало массовое дезертирство. В данной связи рассчитывать на надежность тыловых частей РККА, состоявших из мобилизованных крестьян и казаков не приходилось.

На рубеже 1919–1920 гг. ЧОН формировали с максимальным контролем губернского комитета партии. На заседании 06.03.1920 г. приняли решение: форсировать создание ЧОН³. Первый батальон составили коммунисты Челябинска и Копейска. Аналогичные процессы развернулись в Троицке и Верхнеуральске, где сформировали батальон и роту соответственно [3, с. 24].

С введением военного положения в губернии 16.08.1920 г. был объявлен призыв членов РКП (б), в районах формировали новые отряды ЧОН. В ноябре после поражения повстанцев коммунистов демобилизовали, но части не распустили. Уже тогда ЧОН представляли небольшой кадр, с возможностью быстрого развертывания значительных контингентов. На местах, при стихийном формировании, в ЧОН также вступали комсомольцы, ветераны РККА, советские работники. В 1921 г. необходимость мобилизации коммунистов возникала дважды: в феврале-марте из-за Западносибирского восстания и в мае ввиду появления в губернии армии Г. С. Охранюка-Черского. В последнем случае верхнеуральские уездные власти за сутки развернули коммунистический дивизион И. Раваева, разгромивший повстанцев [8, с. 50].

Одной из функций ЧОН была военная подготовка членов РКП (б) по общим стандартам Всеобуча. Крупные подразделения ЧОН, как Челябинский полк, были похожи на запасные части РККА, куда прибывали мобилизованные и, пройдя подготовку в учебных командах, отправлялись маршевыми ротами на фронт. С той разницей, что коммунары после прохождения курса возвращались

¹ Коммунары — общепринятое название бойцов ЧОН, используемое в официальных документах и в обиходе.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 65. Д. 146. Л. 13.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) Ф. П-77. Оп. 1. Д. 71. Л. 13 об.

к прежней служебно-трудовой деятельности. В структуре ЧОН присутствовали кадровый и переменный контингенты. При необходимости членов партии могли мобилизовать и отправить в соответствующий их приписке взвод ЧОН. Кадровый состав включал военнослужащих, занимался боевой работой, учетом и обучением призванных¹. Для прохождения сборов организовывали летние лагеря, либо занятия в свободное время. В Челябинске реализовывали семидневный курс для командиров с интенсивной теорией и практикой².

Рассмотрим систему развертывания и базу ЧОН на примере Троицкого уезда. С 1919 г. в нем находился штаб одноименного укрепрайона, располагавшего стрелковой бригадой, несколькими батальонами и отрядами. Но борьбу с повстанцами местные власти доверяли отдельной роте при уездчека, взводу конных ординарцев и ЧОН. Летом 1920 г. уездная парторганизация в составе семи сельских и двух городских райкомов объединяла 160 ячеек, насчитывавших 3507 коммунистов. С поправкой на половозрастные и профессиональные характеристики потенциальными чоновцами при мобилизации первых очередей могли оказаться до половины от общего количества. Члены ячеек РКП (б) в воинских частях, штабах, военных комиссариатах, органах советской власти, как военнослужащие, сборам по линии ЧОН и мобилизации не подлежали.

В партийных документах для внутреннего пользования коммунистам Троицка дана оценка, как лицам с «полумещанской, полумелкобуржуазной психологией», у сельских коммунистов уезда «преобладал двух собственников», что не совсем совпадало с линией на пролетарский состав РКП (б). Тем не менее, из них летом был сформирован коммунистический отряд особого назначения из четырех рот (позднее Троицкий батальон ЧОН)³.

В 1921 г. система службы в ЧОН была упорядочена, централизована и стандартизирована. «Положение по формированию и службе коммунистических частей Челябинской губернии» губком партии утвердил 29.01.1921 г. Транслируя принципы территориального комплектования, закрепленные в актах республиканского уровня, положение утвердило в качестве базовой части взвод, привязанный к определенному району, либо виду профессиональной деятельности. Учет вооружения велся именно повзводно. Командиры, назначаемые парткомами соответствующего уровня, утверждались в должности штабами ЧОН. Исключения составляли начальники отрядов, образованных стихийно, в боевой обстановке. Размещение личного состава (включая лиц, проходивших сборы) рекомендовалось совместно и максимально компактно, с надежной связью. Учет, регистрацию поступления на службу, отсрочки осуществляли парткомиссии. Утверждались единые штаты:

взвод — три отделения по 16 бойцов, рота — три взвода, батальон — три роты⁴.

Изменения в структуре и управлении ЧОН ввели «Положением об отрядах Особого назначения», утвержденным 25.03.1921 г. Высшим органом стал Совет ЧОН РСФСР в составе представителей ЦК РКП (б), ВЧК и командующего ЧОН. В функции совета входили учет, мобилизация, формирование, снабжение, назначение командующих⁵. В июле 1921 г. ЧОН вывели из ведения Всеобуча и подчинили Штабу ЧОН РСФСР. По тому же принципу образовали территориальные советы и штабы.

Основной единицей ЧОН губернии был Челябинский полк, Его состав и структура быстро росли. Изначально он состоял из 4 рот. В июне 1921 г. приказами командующего ЧОН утвердили существование 1-го и 2-го полков, а также отдельного батальона. Первый полк на тот момент включал 4 батальона, особую роту, команду разведки и взвод губчека. Второй полк состоял из уездных батальонов (отрядов). На обучение в ЧОН и по мобилизации призывали всех членов партии 17–50 лет, кроме красноармейцев, чекистов, милиционеров и пожарных, хотя и они могли по особым распоряжениям оказаться в ЧОН. Штаты батальонов остались прежними [9, с. 98–99].

После подавления повстанческих выступлений в ноябре 1920 г. ЧОН усилили в плане вооружения, обеспечения, закрепив территориальный принцип формирования, то есть привязку к районам. С упразднением таких структур, как губернский штаб борьбы с бандитизмом и штаб укрепрайона часть их полномочий, по этим линиям, передали руководству ЧОН [8, с. 50].

В период Западносибирского восстания карта распределения ЧОН по региону, с учетом борьбы с повстанцами осенью 1920 г., имела целью сдержать его распространение, прикрыв опасные районы, с учетом местной логистики, дислокации многочисленных территориальных войск ВНУС, наличия кадровых и материальных ресурсов. Эта модель доказала свою эффективность и существовала в губернии вплоть до ее ликвидации в 1923 г. В Челябинске располагался полк, в уездах — батальоны и роты ЧОН, на узловых станциях и в районах — взводы (от 25 до 60 винтовок). В конце февраля 1921 г. в 27 пунктах учли 1987 винтовок и 2 пулемета⁶. Статистика единиц оружия на тот момент совпадала с числом коммунаров ЧОН в боевом строю.

Численность коммунистов, как основного источника создания и пополнения ЧОН в губернии существенно колебалась в рассматриваемый период. В октябре 1919 г. зарегистрировали по разным данным от 450 до 500 чел. После октябрьской и декабрьской партийных недель их число выросло более чем в 10 раз. Даже с учетом того, что многие новые члены партии сразу отправлялись на фронт, в январе 1920 г. в ячейках состояли 5,5 тыс.

¹ ОГАЧО Ф. П-77. Оп. 1. Д. 338. Л. 14.

² РГАСПИ Ф. 17. Оп. 65. Д. 146. Л. 13 ; ОГАЧО Ф. П-77. Оп. 1. Д. 340. Л. 128.

³ ОГАЧО Ф. П-171. Оп. 1. Д. 35-а. Л. 4-4 об., 21, 34, 41-41 об. ; Д. 1-а. Л. 39 ; Д. 51. ЛЛ. 13, 16.

⁴ ОГАЧО Ф. П-77. Оп.1. Д. 338. ЛЛ. 3-7, 48-49.

⁵ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 109. Д. 148. Л. 2-3, 14.

⁶ ОГАЧО Ф. П-77. Оп.1. Д. 340 ЛЛ. 2, 8, 10, 18, 28, 33, 38-41, 56, 125 ; Д. 341. Л. 8 об.

коммунистов [1, с. 25; 6, с. 65]. Весной количество возросло до 12 тыс., летом до 17,5 тыс., включая 1131 женщин¹. Рабочих и крестьян было 36 и 38 % соответственно. Летом 1921 г. по итогам чистки РКП (б) численность упала до 14,5 тыс. чел.² Большинство не знали грамоты или закончили двухклассные школы [1, с. 90]. По партстажу до 1916 г. числилось 49 чел., с 1917 — 243, с 1918 — 280, то есть в совокупности менее 10 %. Основная масса вступила в партию в 1919–1920 гг., то есть после восстановления власти Советов на Урале³.

Личный состав ЧОН был идейно мотивирован. В ходе вооруженного противостояния в регионе насилие и террор осуществляли все участники. В таких условиях коммунары в рядах районных взводов по факту защищали себя и семьи на местах. [7, с. 65]. В июле 1921 г. губком РКП (б) обвинял бойцов дивизиона ЧОН Ф. Вандышева в отсутствии дисциплины, бандитских методах, самочинном захвате лошадей, «массовом, без разбора расстреле пленных», среди которых оказались захваченные повстанцами коммунисты и чекист. В приказе бойучастка Курганского уезда от 11.10.1921 г. отметили грубость, вызывающее поведение отрядов ЧОН⁴.

Новое «Положение о ЧОН» ЦК РКП (б) утвердил 26.08.1921 г. Членов и кандидатов РКП (б) и РКСМ разбили на три очереди призыва. Первая должна была явиться по требованию, вторая — ограниченно годные и занимавшие ответственные посты. Третью призывали только в рамках боевого сбора — чекисты, милиционеры, пожарные, женщины, лица мужского пола 12–17 лет и старше 50-ти, а также не вошедшие в иные очереди по состоянию здоровья⁵.

В октябре 1921 г. ЦК РКП (б) утвердил сразу два положения — «О коммунистических частях особого назначения» и «О советах ЧОН». Последние создавали в губерниях и уездах. В губернские входили командующий ЧОН (комчонгуб), представители губкома, военкоматов, ГубЧК. Функции территориальных советов: организация работы парткомиссий, учета и службы коммунистов. Командующие ЧОН РСФСР, военных округов и Сибири, губерний подчинялись РВСР, с правами командующих фронта, армии, дивизии — соответственно⁶ [9, с. 99–100]. В Челябинской губернии ЧОН возглавляли И. А. Алексеев (август 1921 г.), затем губвоенком Б. А. Каврайский, который провел реорганизацию, сформировав 5-й Челябинский, 6-й Курганский полки, Троицкий и Верхнеуральский батальоны [3, с. 26–27].

С конца 1920 г. ЧОН наряду с продотрядами периодически привлекали к сбору продразверстки и затем продналога. После ликвидации в мае 1921 г. комиссий по борьбе с дезертирством (комдез) часть их функций, наряду с военкоматами была передана штабам ЧОН.

Некоторые сотрудники и воинские части комдез оказались в ЧОН. С этого времени территориальные штабы и подразделения ЧОН наряду с общевоинской начинают активно вести агентурную разведку, путем внедрения в определенную местность законспирированных сотрудников с целью обнаружения скопления дезертиров и выявления лиц, оказывающих им содействие. Аналогичные мероприятия производились и в отношении повстанческих формирований. Анализ развединформации, задержаний, организация добровольной сдачи дезертиров, повстанцев и пособников свидетельствует о наличии у ЧОН оперативных функций и признаков правоохранительной структуры.

Как следует из докладов о состоянии разведки ЧОН, за несколько месяцев работу подняли на высокий уровень. Летом 1922 г. в губернии функционировала агентурная сеть ЧОН, замкнутая на агентурные и разведпосты в сельской местности. Содержание сводок было четко структурировано и содержало разделы: наличие «банд» в районах, их характеристика, лидеры, локация, состав частей, привлекаемых к ликвидации. В сводных отчетах «банды» ставили на учет, снимали с него при отсутствии активности или информации. В донесениях за июль–ноябрь 1922 г. присутствует информация о разведывательных и боевых операциях⁷. В губштабе ЧОН (начальник Пнев) материал разведки систематизировался по районам за каждый месяц, велся журнал-реестр агентурных и боевых сводок. На их основании составлялись обзоры и боевое расписание «банд», отправляемые в штаб округа⁸.

В целом организация коммунистов и ветеранов добровольческих формирований РККА на низовом уровне в регионе была военизирована и соответствовала обстановке. ЧОН губернии с момента создания permanently участвовали в различных операциях, несли потери, но в итоге всегда одерживали верх. Ячейки РКП (б) на местах демонстрировали способности к самоорганизации и вели борьбу на своем участке фронта — в поселках, деревнях, станицах. На убийства коммунистов отвечали взятием заложников, расстрелами, организацией вооруженных отрядов. Секретарь Троицкого укома партии в трибунале по поводу красного бандитизма отмечал, что: большинство политработников Полтавского района (бывшие бойцы красноказачьего полка им. С. Разина), продолжали до 1921 г. жить в полувоенной обстановке⁹.

В распоряжении местных властей находились значительные военные силы разного подчинения, состава и качества. Решающие поражения повстанцам наносили ударные отряды, нередко сформированные в спешке, из различных элементов, но во главе с опытными командирами. Поражение «войскам башкирским и казачьим» Я. Г. Луконина — С. А. Выдрина и Ф. Магасумова

¹ ОГАЧО Ф. П-77. Оп. 1. Д. 60. ЛЛ. 13–15.

² Советская правда (Челябинск). 1921. 30 июня.

³ ОГАЧО Ф. П-77. Оп. 1. Д. 613. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 341. Л. 47; Д. 338. Л. 39.

⁵ Там же. Д. 337. Л. 23; Д. 338. Л. 37.

⁶ ОГАЧО Ф. П-77. Оп. 1. Д. 338. ЛЛ. 26–27, 30.

⁷ ОГАЧО Ф. Р-1166. Оп. 1. Д. 79. ЛЛ. 2–3, 5, 18, 33–34; Д. 86. ЛЛ. 1, 65.

⁸ ОГАЧО Ф. Р-1166. Оп. 1. Д. 80. ЛЛ. 5, 8, 11, 13; Д. 81. ЛЛ. 1, 10, 13; Д. 85. Л. 65.

⁹ ОГАЧО Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 610. Л. 47.

нанес сводный дивизион ЧОН Н. Фролова и К. А. Богатырева (08.10.1920). Сборный отряд начальника Троицкой милиции С. С. Моисеева уничтожил штаб «армии» Е. С. Макарова (27.10.1920).

Помимо сил РККА и ЧОН в регионе в рассматриваемый период имелись иные спецвойска. С 1919 г. существовала Внутренняя охрана республики (ВОХР), чьи функции пересекались с ЧОН. В сентябре 1920 г. ВОХР преобразовали в войска ВНУС. Их привлекали к работе, ловле дезертиров и крайне редко к операциям против повстанцев.

Весной 1920 г. 33 продотряда в губернии свели в три продовольственных полка, входившие в Продовольственно-реквизиционную армию Наркомпрода (Продармию)¹. Часть из них, как 4-й продполк летом указанного года включили в ВОХР.

В уездах формировались милицейские подразделения. Отдельные милиционеры присоединялись к ЧОН или создавали собственные соединения. В Троицком уезде осенью 1920 г. действовали отряды завполитбюро М. Л. Гербанова, начгоруездной милиции С. С. Моисеева, раймилиции Ф. Ловчикова.

Осенью 1920 г. уполномоченный по проведению военного положения и ликвидации бандитизма в Челябинской губернии (он же губвоенком) Б. А. Каврайский и начштаба Хованский образовали при Троицком

укрепрайоне до 10 боевых участков². Начальникам боевых участков подчинялись все продотряды, части РККА, ВОХР (ВНУС), ЧК, комдез, милиции и ЧОН в пределах их зоны.

В 1923 г. Челябинскую губернию ликвидировали, но батальоны, роты и эскадроны ЧОН существовали в регионе и стране до упразднения в конце 1924 г. Кадрированные подразделения и материальную базу передали в РККА.

Заключение и вывод

Итак, РКП (б) была военизирована идеологически и организационно. Постоянно работая в условиях военного положения и даже непосредственно в боевой обстановке партийные структуры в целом справились с вызовами и смогли победить противников на внутреннем фронте. В значительной степени это стало возможным благодаря ЧОН, выработавшим оптимальные модели развертывания войск, действовавшим нередко за гранью директив.

На протяжении 1920–1922 гг. происходило постоянное увеличение функционала ЧОН, включая сбор продразверстки, борьбу с дезертирством, агентурную работу. В периоды обострения обстановки подразделения ЧОН формировались не только централизованно, но и по инициативе снизу, проявляя при этом хорошие боевые качества.

¹ ОГАЧО Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. ЛЛ. 2, 3, 5, 24 об., 49–79, 79 об.

² ОГАЧО Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 174. ЛЛ. 1–3, 5.

Список источников

1. В боевых рядах ленинской партии : Челяб. обл. орг. КПСС в цифрах, 1917–1977 : сборник / сост. З. В. Шестакова. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1978. 239 с.
2. Гражданская война в СССР. В 2 т. Т. 2. Решающие победы Красной Армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. — окт. 1922 г.). / [Азовцев Н. Н., Гусаревич С. Д., Дайнес В. О. и др.]. Москва : Воениздат, 1986. 446 с.
3. Крошилов А. Боевая сила пролетарской революции // Политинформатор (Челябинск). 1978. № 1. С. 24–27.
4. Крыжан А. В. Особенности нормативного регулирования деятельности частей особого назначения в 1919–1924 годы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2024. № 1. С. 106–113.
5. Марченко С. А. Организационно-правовые основы деятельности частей особого назначения (ЧОН) и специфика их функционирования на Кубани : автореф. дис. ... канд.юрид. наук : 12.00.01 / Марченко Станислав Андреевич. Краснодар, 2013. 24 с.
6. Очерки истории Челябинской областной организации КПСС. 1917–1977 / гл. ред. Н. И. Соннов. Челябинск, 1977. 425 с.
7. Панькин С. И. Государственно-правовые меры борьбы с повстанцами в Челябинской губернии в 1920 г. // История государства и права. 2022. № 3. С. 64–71.
8. Панькин С. И. Государственно-правовые механизмы подавления повстанческого движения в Челябинской губернии 1921 г. // История государства и права. 2022. № 12. С. 49–54.
9. Панькин С. И. Правовые основы и направления деятельности войск специального назначения на Южном Урале в 1920–1921 гг. // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов : материалы VII тематической и III Международной конференции, Челябинск, 15 ноября 2012 года. Челябинск, 2012. С. 98–100.
10. Панькин С. И. Части особого назначения (ЧОН) // Челябинская область : энциклопедия. В 7 т. Т. 7. Х–Я. Приложения. Челябинск, 2007. Т. 7. С. 120–121.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 14.08.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.10.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 31.01.2025.

Научная статья
УДК 343+34.06+378.2
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-10-16

С. 10–16

СПЕЦИФИКА ГЕНОМНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Олег Александрович Пучков

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
poa001@usla.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-5039-0594>

Аннотация. Изучение специфики геномных правоотношений осуществляется в рамках биоюриспруденции как новой отрасли правовых знаний, не охватываемых только медицинским правом. Анализ этой специфики и посвящена данная статья. Отличительной особенностью геномных правоотношений является неочевидность его вещественного (материального) характера для большинства участников геномного правоотношения, что определяет «разворот» геномных правоотношений в сферу влияния этических норм.

Геномное правоотношение трактуется как информационное, поскольку его предметом является информация о последовательности и месте расположения генов в геноме и операции с этой последовательностью. Особая роль в определении специфики геномных правоотношений играют специальные знания, применению которых на примере трактовки крайней необходимости и обоснованности риска автор уделил особое внимание. Возможное манипулирование таким знаниями со стороны определенного круга участников геномного правоотношения приводит не только к безответственности и безнаказанности, но и к «разрыву» устойчивых правовых связей в обществе.

В статье делается вывод, что широкое толкование геномных правоотношений связано с многочисленными правовыми средствами, не характерными для иных правоотношений. В статье для выявления специфики геномных правоотношений используется анализ его генетической структуры. Автор приходит к выводу, что в современном российском праве отсутствует система принципов и способов организации в сфере геномных правоотношений. В связи с этим автор уделил особое внимание принципам, обуславливающим реализацию геномных правоотношений.

Ключевые слова: биоюриспруденция, геном, геномное правоотношение, структура правоотношения, этические нормы

Для цитирования: Пучков О. А. Специфика геномных правоотношений: новые подходы к исследованию // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 10–16. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-10-16

Research article

SPECIFICS OF GENOMIC LEGAL RELATIONS: NEW APPROACHES TO RESEARCH

Oleg A. Puchkov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia
poa001@usla.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-5039-0594>

Abstract. The study of the specifics of genomic legal relations is carried out within the framework of biojurisprudence as a new branch of legal knowledge, not covered only by medical law. This article is devoted to the analysis of this specificity. A distinctive feature of genomic legal relations is the non-obviousness of their tangible (material) nature for most participants in genomic legal relations, which determines the “turn” of genomic legal relations toward the sphere of influence of ethical norms.

Genomic legal relations are interpreted as informational, since their subject is information about the sequence and location of genes in the genome and operations with this sequence. Special knowledge plays a special role in determining the specifics of genomic legal relations, the use of which the author paid special attention to using the example of interpreting extreme necessity and justification of risk. Possible manipulation of such knowledge by a certain circle of participants in the genomic legal relationship leads not only to irresponsibility and impunity, but also to the “breakdown” of stable legal ties in society. The article concludes that a broad interpretation of genomic legal relations is associated with numerous legal means that are not typical for other legal relations. In order to identify the specifics of genomic legal relations, the article uses an analysis of its genetic structure. The author comes to the conclusion that modern Russian law lacks a system of principles and methods of organization in the field of genomic legal relations. In this regard, the author paid special attention to the principles that determine the implementation of genomic legal relations.

Keywords: biojurisprudence, genome, genomic legal relationship, structure of legal relationship, ethical standards

For citation: Puchkov O.A. Specifics of genomic legal relations: new approaches to research. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):10-16. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-10-16

Введение

Очевиден факт, что геномные правоотношения развиваются в рамках биосоциальных и политико-правовых аспектов современного гуманизма. Важным направлением современного гуманизма является, на наш взгляд, проблема свободы выбора, защиты достоинства человека и повышение его сознательности в области потребления современных медицинских достижений. Биоюриспруденция в современном мире, зацикленная на проблемах состояния невменяемости, а также на практических вопросах, связанных с наказанием лиц, страдающих психическими расстройствами, должна развернуться в сторону биомедицинских технологий клонирования, использования стволовых клеток, эвтаназии и, в целом, геномного облика человека. Безусловным прорывом в этой сфере следует считать обоснование биоюриспруденции как отрасли правовых знаний.

В 2013 г. В. П. Сальников и С. Г. Стеценко обосновали идею биоюриспруденции как отрасли правовых знаний, посвященной вопросам жизни человека в качестве высшей биосоциальной ценности. Авторы предприняли успешную попытку отграничения биоюриспруденции от медицинского права, биоэтики, общей теории прав человека [8].

Безусловно, точность использования терминологического и понятийного аппарата — это важнейший показатель эффективности биоюриспруденции. В рамках настоящей статьи остановимся на таком вопросе как специфика геномных правоотношений, который постепенно приобретает универсальную форму нормативности, присущую современному этапу биосоциального развития. При этом, отметим, что нормативность объективно всегда противоречива, т. к. при ее формировании неизбежно сталкиваются традиционные нормы с новыми, находящимися в стадии становления.

В теории права исходят из того, что правоотношение — это единство материального (фактического) содержания и юридической формы. В геномных правоотношениях, как и в любых других, юридическая форма правоотношения представляет собой субъективное право и юридическую обязанность как мера дозволенного поведения субъектов правоотношения, а материальное (фактическое) содержание правоотношения — это фактическое поведение субъектов правоотношения. В этой связи следует согласиться с мнением Р. О. Халфиной о том, что в правоотношении присутствуют три элемента: а) участники правоотношения; б) права и обязанности, их взаимосвязь; в) реальное поведение участников правоотношения в соотношении с правами и обязанностями. Сам же объект, по мнению Р. О. Халфиной, не является элементом правоотношения. Он имеет колоссальное значение для возникновения и развития видов правоотношений, но при этом не входит

в их структуру, т. е. не является элементом этой структуры [11, с. 211–212, 215, 217].

По поводу включенности (не включенности) объектов в правоотношение, можно поспорить с автором, но наше убеждение о правильности трактовки геномного правоотношения как обладающего дополнительными признаками, не характерными для иных правоотношений, базируется на анализе родового понятия «отношение». Отношение — это не просто связь элементов целой структуры, но, прежде всего, их зависимость друг от друга. Отношение — это всегда свойство (признак) чего-либо (вещей, прав, обязанностей) и т. д. Вещь или явление, взятые в «разных отношениях», выявляют различные свойства. Таким образом, свойства определяются отношением, а последнее — включает в себя эти проявленные свойства» [10, с. 470].

Итак, в основе любого отношения лежит проявление свойств вещей и явлений. Представляется, что это и определяет специфику геномных правоотношений. Вещь (геном как материальный объект) объективно существует, но при этом он не очевиден для субъекта правоотношения как заказчика. Если попытаться уместить все гены человечества как жившего ранее, так и живущего сейчас, то максимально по объему они займут меньше наперстка.

Геном и геномное правоотношение

Следует отметить, что зачастую основным благом, по поводу которого возникает геномное правоотношение, является информация: ведь, собственно, геном — феномен информационного характера. Это записанные при помощи последовательности генов данные. Также имеет огромную ценность информация о местоположении тех или иных генов в геноме, об их последовательности: именно это знание позволяет осуществлять геномные манипуляции, «вырезая» или «вставляя» нужные гены и, тем самым, модифицируя геном [6, с. 62].

Не вызывает сомнения факт, что геномные правоотношения в гораздо большей степени, чем все иные, базируются на этических (нравственных) убеждениях, привычках, обыкновениях, правах. Иными словами, на уровне мировоззрения личности, социальной группы, сообщества и общества в целом. Мораль же как форма общественного сознания, являющаяся объектом изучения, всегда основывается на специфических явлениях общественной жизни, в т. ч. геномных. Все вышеперечисленное составляет основу нормативно закрепленного права в сфере геномных отношений.

Еще в начале прошлого века П. И. Люблинский отмечал, что «сложное поведение, контролируемое законодательством, не может держаться лишь элементарной угрозой принуждения или грубым устранением. Его опорой может служить только развитое этическое сознание»

[3, с. 27–35]. Нравственность геномных правоотношений проявляется не только в их этической обоснованности (с учетом специфики их объекта), но и в этической безупречности субъектов этих правоотношений в сфере правового регулирования генома.

Специальные знания о геноме и право

Также следует отметить роль специальных знаний, определяющих специфику геномных правоотношений. Специальные знания одинаково важны и в сфере деятельности медицинского работника, и в сфере деятельности законодателя и правоприменителя, а также и заказчика-пациента (носителя геномных прав и юридических обязанностей). Разумеется, уровни этих знаний разные. Вот почему на первый план выступает этическая основа геномных правоотношений как фиксатор ценности человеческой жизни и ее достоинства. Само специальное знание, составляющее теоретический базис доктрины о геномном правоотношении, также должно трактоваться не совсем в привычном для традиционной правовой доктрины русле: это не только обоснованная, общезначимая, intersubъективная знаковая система, оно в данном случае должно включать социально-философский, правовой, культурно-антропологический и этический аспекты. Безусловно, для заказчика (субъекта правоотношения) главную роль в таком специальном знании будет играть именно этический аспект. Также возможен факт злоупотребления специальным знанием со стороны субъекта (участника) геномного правоотношения, оказывающего услугу. В этой связи нам представляется, что широкая трактовка обоснованного риска в медицинской деятельности, позволяющая безнаказанно осуществлять значительный спектр услуг в геномной медицине, должна быть исключена из российского законодательства в сфере геномных правоотношений. И это, на наш взгляд, также определяет специфику геномных правоотношений.

Сопряженность медицинской деятельности в сфере генома с возможностью негативного воздействия на организм пациента, должна трактоваться, на наш взгляд, как квазиуголовная. В этой связи именно в практике реализации правовых связей по поводу генома необходимо понимать, что оказание такой медицинской помощи на основе состояния крайней необходимости практически не применимо. В то же время в России наблюдается универсализация этого понятия: любая медицинская деятельность может быть признана «состоянием крайней необходимости, поскольку само обращение за такой помощью вызывается острой, насущной потребностью» [2, с. 23]. С данной позицией можно поспорить. Так, А. Л. Абрамов, с которым мы солидарны в данном вопросе, полагает, что «при крайней необходимости существует только одна цель — спасение жизни человека, и она достигается путем применения неапробированного препарата, нестандартных форм и методов лечения, при условии, что угроза жизни человека не могла быть предотвращена иными способами» [1, с. 31].

Такая широкая трактовка крайней необходимости, безусловно, на руку недобросовестным и неквалифицированным медицинским работникам и не представляется научно обоснованной. «Прежде всего, как справедливо отмечается в литературе, за медицинской помощью могут обращаться и в целях омоложения, изменения пола, формы тела, для преодоления естественного облысения, т. е. по причинам, не связанным с наличием непосредственной опасности для жизни и здоровья человека. В таких случаях правомерность действий медицинского работника не укладывается в границы законодательной конструкции крайней необходимости» [7, с. 29].

Этические аспекты геномных правоотношений

Таким образом, нечеткость понятийно-терминологического аппарата, в целом применяемого в медицинской деятельности, абсолютно недопустима в сфере геномных правоотношений, где понятия «обоснованное решение» и «крайняя необходимость» должны иметь корректные значения и смысл, адекватный сфере их использования. Иначе логика дальнейшего развития геномных правоотношений может выстраиваться по ложному пути, когда отсутствие нормы ведет к признанию отсутствия проблемы. Например, хотя клонирование человека запрещено в большинстве стран мира, однако при этом терапевтическое клонирование продолжает существовать. То есть действие законов не распространяется на клонирование иных организмов.

Сейчас наибольший интерес вызывает допустимость клонирования эмбрионов, т. к. с точки зрения законодательства многих стран мира эмбрион — это не жизнь, охраняемая законом. Терапевтическое клонирование заканчивается уничтожением эмбриона, но где правовые гарантии его уничтожения? Где правовые гарантии того, что эмбрион — это не жизнь?

В этой связи представляет интерес определение Британской комиссии (2004 г.), куда обратилась группа ученых из Ньюкасла на получение лицензии на терапевтическое клонирование, которая заключила, что тем самым будет спровоцировано масштабное преступление. «Это будет очередным примером того, как человеческий эмбрион, начало человеческой жизни, целенаправленно создается с тем, чтобы его использовать и затем уничтожить» [7, с. 192].

Все это, вместе взятое, безусловно, является основанием того, что именно в рамках геномных правоотношений в гораздо большей степени, чем в других, возникают негативные характеристики и прежде всего такие, как безнаказанность и безответственность. Напомним, что, принимая нюрнбергские законы, фашисты руководствовались научным обоснованием своей политики, в т. ч. ссылались на данные генетики. Так, Э. Фишер, один из идеологов расовой генетики, утверждал: «евреи принадлежат к другому биологическому виду» [4]. И данное утверждение служило оправданием массовых убийств.

Исследуя некоторые особенности структуры правоотношений, Ю. С. Новикова приходит к выводу, что «существует точка зрения, что в содержание правоотношения

можно включать и другие правовые средства. Это прежде всего факты, правоспособность и дееспособность участников правоотношения, а также правовой режим объектов правоотношения» [5, с. 51]. Автор заключает, что эта точка зрения не получила поддержки со стороны большинства ученых. Но попытки рассмотреть объем понятия «правоотношение» продолжаются, что имеет под собой объективную основу (например, специфику объекта), требующую включения в анализ правоотношения дополнительных характеристик. Ю. С. Новикова при этом приводит мнение Ю. И. Гревцова, полагающего, что подход к правоотношениям как системе позволяет говорить о том, что правовое отношение обладает несколькими структурами: генетической, формальной и функциональной. «Генетическая структура правового отношения характеризуется способом связи между правоотношением и его социальными предпосылками, то есть между правоотношением и общественным отношением, облеченным в правовую форму. Генетическая структура правоотношения, таким образом, отражает притязания участников отношения, характер их юридического закрепления, отражает *особенности возникновения данного правоотношения как вида общественного отношения*» [5, с. 57] (курсив наш. — О. П.).

Формальная структура правоотношения представляет собой способ связи между его элементами — субъективными правами и юридическими обязанностями.

Функциональная структура правового отношения — это результат динамики реализации правоотношения, его развития, в процессе которого его субъекты используют, исполняют и соблюдают нормы права. «Здесь происходит реальное взаимодействие между субъектами правоотношения, воплощающими свои интересы и потребности в жизнь» [5, с. 58].

Такой широкий подход к сущности правоотношения крайне важен, на наш взгляд, для понимания специфики геномных правоотношений, что позволяет определить проблемы обоснованности, приемлемости и допустимости функциональных объяснений геномных правоотношений.

Таким образом, можно констатировать, что специфика геномных правоотношений в гораздо большей степени, чем все иные типы правоотношений, состоит в их практической реализации (в данном случае — в медицине), которая редко выходит за свои пределы и не фиксируется как юридическая практика. Тем более отсутствие юридической фиксации такой практики влечет и отсутствие ее методологического обоснования.

Иными словами, следует признать отсутствие в современном праве системы принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности в сфере геномных отношений, а также отсутствие целостного учения об этой системе.

Методология и сложные вопросы геномных правовых отношений

Методология как понятие охватывает преимущественно совокупность представлений о научной позитивной

деятельности, опирающейся на философские основания. Это не оспаривается исследователями методологии права. Но, вместе с тем, в современной правовой доктрине методология рассматривается как внутренне дифференцированное и специализированная область знания, что предполагает исключительно теоретический уровень познания.

Поскольку как наука, так и практика редактирования генома человека выходят за рамки национальных границ, основные принципы управления этими технологиями основаны на общепризнанных принципах и нормах международного права. Некоторые из этих принципов обычно актуальны для биомедицинских исследований, в то время как другие имеют особое значение в контексте новых технологий, но все они лежат в основе управления редактированием генома человека.

Редактирование генома открывает большие перспективы для углубления понимания биологической природы человека, а также для предотвращения, профилактики или устранения многих заболеваний и приравненных к ним биологических состояний человека. «Следующие общие принципы являются важной основой для этого: содействие геномному благополучию человека, прозрачность, должная осмотрительность, научная ответственность, уважение к личности, справедливость, транснациональное сотрудничество» (пер. авт. — О. П.)¹.

При этом принцип прозрачности требует открытости и обмена информацией такими способами, которые являются доступными и понятными для заинтересованных лиц.

Обязанности, вытекающие из соблюдения этого принципа, включают: 1) обязательство максимально широко и своевременно раскрывать информацию о вмешательстве в геном человека, и 2) участие органов общественного контроля в процессе разработки государственной политики в области редактирования генома человека.

Наиболее значимым для российского законодательства, на наш взгляд, является принцип должной осмотрительности — важный принцип, отсутствующий в отечественном законодательстве. Принцип должной осмотрительности предполагает особый уход за пациентами, участвующими в научных исследованиях или получающими клиническую помощь, предполагающую вмешательство в геном. Важность этого принципа заключается в том, что вмешательство в геном человека должно быть основано на методах доказательной медицины. Такое понятие, как «методы доказательной медицины» отсутствует в российском законодательстве вообще, и, тем более, в сфере геномной медицины.

Однако это не опровергает главного — осторожного и обдуманного подхода к вмешательству в геном

¹ Human Genome Editing: Science, Ethics, and Governance [Редактирование генома человека: наука, этика и управление] / National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. Washington, DC : The National Academies Press, 2017. 261 p. DOI: 10.17226/24623 URL: <https://nap.nationalacademies.org/catalog/24623/human-genome-editing-science-ethics-and-governance> (дата обращения: 05.12.2024).

человека с учетом этого принципа. Обязанности, вытекающие из соблюдения этого принципа, включают в себя: 1) действовать осторожно и поэтапно, под соответствующим контролем; 2) применять такие методы, которые являются апробированными в практике геномной медицины; 3) проводить частую переоценку их эвристической состоятельности в свете будущих геномно-технологических достижений и динамики общественного мнения.

Как соматическое, так и зародышевое редактирование генома человека регулируется в России в рамках исследований по переносу генов и генной терапии, которая применяется к работе с тканями и клетками человека, начиная с ранних стадий лабораторных исследований и заканчивая доклиническими испытаниями, клиническими испытаниями на людях, одобрением для введения в медицинскую терапию и пострегистрационным надзором. Надзор также может осуществляться на основе добровольного саморегулирования в соответствии с профессиональными руководящими принципами. В российской юрисдикции работа с эмбрионами подпадает под единую законодательную базу и осуществляется в рамках надзорной деятельности одного государственного органа.

Отметим при этом, что некоторым конкретным научным направлениям (генной медицины в т. ч.) присуща неоправданная тенденция к универсализации: стремление обрести единство с международно-правовыми принципами. Но к чему приводит эта тенденция в сфере геномных правоотношений? К неопределенности реальных возможностей и границ каждой формы конкретно-научного исследования.

С другой стороны, излишняя свобода от устоявшихся методологических правовых оснований в сфере геномных правоотношений тоже приводит к некорректным результатам и «размыванию» границ ответственности субъектов геномных правоотношений. Так, в США каждый штат имеет свою правовую основу и свои нормы права в этой сфере, связанной с организацией, биомедицинскими принципами и финансированием генной терапии.

Специфика геномных правоотношений состоит в том, что в них переплетаются интересы межгосударственные, интересы национальных государств, интересы медицинских и научных организаций, интересы личностей (заказчиков и пациентов).

Но «геномные» интересы, лежащие в основе геномных правоотношений, не тождественны утвердившемуся в праве пониманию правового интереса, хотя они очень близки между собой. Между тем, по-прежнему нет единого мнения об элементах, составляющих круг объектов геномных интересов, а также нет ясности о составе объектов геномных правоотношений. Также проблематичным представляется вопрос о геномных правах как абсолютных, при которых их содержание не зависит от воли законодателя. Например, право на жизнь, право на телесную неприкосновенность. Возникает вопрос, можно и нужно ли рассматривать геномные права

в таком русле? На наш взгляд, можно, потому что геномный облик человека тождественен его праву на жизнь.

Или же это относительное право, затрагивающее область отношений государства и личности, личности и общества, граждан между собой. Как известно, федеральным законом Российской Федерации взаимоотношения между пациентом и органами здравоохранения переведены из сферы регулирования административного права в сферу гражданско-правовых отношений¹. При этом законодатель, по-видимому, исходил из того, что пациент приобрел правовой паритет с другими участниками процесса медицинского обслуживания, став, к примеру, равноправным субъектом медицинского страхования. Создает ли это в действительности новые возможности в области защиты прав пациента? Нам представляется, что нет, и в сфере геномных правоотношений такой подход выглядит преждевременным.

Проблемы понимания правовой геномики

Сегодня наши представления о правовой геномике складываются: 1) из совокупности информации о реальных манипуляциях с геномом человека; 2) информации о правовых нормах и действующем федеральном законодательстве в указанной области; 3) совокупности информации о практике реализации и применения названного законодательства гражданами, медицинскими, административными и судебными органами в области генома человека.

В реальной жизни правовая геномика предстает перед нами как формирующаяся юридическая доктрина о геномных правоотношениях, а также как система нормативно-правовых установлений. Последнее представляет из себя правовой фундамент, на основе и в пределах которого осуществляются многообразные реальные действия специалистов-генетиков, ученых-медиков, действия иных уполномоченных и заинтересованных субъектов по поводу генома человека². При этом чаще всего эти действия облачаются в форму правовых отношений.

Геномное правоотношение — это реальное, фактическое, возникшее в конкретной жизненной ситуации общественное отношение физических и/или юридических лиц, по поводу использования в форме исследования, применения, хранения гена особи человеческой популяции. Отношение по поводу генома приобретает правовую

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/?ysclid=mbprrcqb119476029 (дата обращения: 05.12.2024).

² Основные виды геномных правоотношений складываются на основе норм законодательства, содержащихся в федеральных законах, принятых в разное время Государственной Думой Российской Федерации. К правовой базе геномных правоотношений можно отнести: О временном запрете на клонирование человека : Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 21. Ст. 1917 ; О биомедицинских клеточных продуктах : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3849 ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 и др.

форму в результате урегулированности жизненного случая нормой права действующего закона, договором, судебным или административным актом.

Важной и при этом обязательной стороной геномных правоотношений являются их субъекты, которых следует именовать «специальными субъектами». Это, преимущественно, исполнители по соответствующим соглашениям на медицинские услуги лечебно-профилактического, медико-реабилитационного характера или иные научные исследования генома. В этом случае специальными субъектами выступают юридические лица, которые должны обладать государственной лицензией на осуществление медицинских экспертиз, в том числе лицензией на проведение генетической экспертизы¹. Условиями предоставления такой лицензии являются исполнение требований, предъявляемых к соответствующим помещениям, оборудованию и профессионально подготовленному персоналу. Последний должен обладать профессиональной квалификацией или специальной подготовкой, позволяющей квалифицированно осуществлять требуемую деятельность по поводу генома человека [9, с. 14–15].

Другая сторона в геномном правоотношении — физические лица (заказчики), т. е. граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, нуждающиеся в медицинском обслуживании по поводу генома, научных исследованиях их генетического здоровья, благополучии их генетической жизнедеятельности.

Сказанное выше позволяет заключить, что правовая геномика (биоюриспруденция) — преимущественно геномные правоотношения, которые возникают на основе законодательных норм права, регулирующих деятельность по поводу генома. Эта деятельность в большинстве своем осуществляется в трех сферах — в сфере науки в области здравоохранения, в сфере надзора и в сфере повседневной, обыденной жизнедеятельности реального человека, т. е. потребителя геномных

достижений, участника реальных правовых связей в области генома в большинстве своем реализуемых на основе устоявшихся этических норм в этой сфере.

Выводы

1. Современный уровень развития биоюриспруденции не охватывает полностью (как систему) геномные правоотношения, зачастую неоправданно отождествляемых с медицинским правоотношением.

2. Специфика геномных правоотношений, т. е. обладание ими дополнительными признаками базируется на анализе родового понятия «отношения», понимаемое не только как связь элементов геномной структуры, но и как уровень зависимости их друг от друга. Отношение в праве в связи с характеристикой геномного правоотношения в большей степени приобретает свойства (признака) чего-либо (предметов, прав и обязанностей и пр.).

3. Геном как предмет исследования является неочевидным для субъекта правоотношения (заказчика услуги в сфере геномной медицины). В связи с этим в сфере геномных отношений зачастую информация является основным благом. Геном — феномен информационного характера. Это записанные при помощи последовательности генов данные, информация о местоположении генов в геноме. Именно это знание позволяет осуществлять геномные манипуляции, «вырезая» или «вставляя» нужные гены, тем самым, модифицируя их.

4. Неочевидность генома как материального объекта для любых лиц, в том числе и большинства медицинских работников, «разворачивает» геномные правоотношения все более в сторону соблюдения этических принципов, выработанных обществом. Речь идет об этической безупречности геномных правоотношений.

5. Специфика геномных правоотношений проявляется в особенности специальных знаний, доступных крайне узкому сообществу медицинских работников. Отсюда — все более возрастает возможность недобросовестного манипулирования этими знаниями. Это сказывается на «размытости» правовых представлений, таких, например, как «крайняя необходимость».

6. Практическим является вопрос о геномном правоотношении как абсолютном или относительном. Перевод абсолютных прав в практику гражданских правоотношений создает новые возможности в области защиты прав пациентов.

¹ См.: О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 01.06.2021 № 852 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnun=0001202106020050> (дата обращения: 19.11.2024).

Список источников

1. Абрамов А. Л. Обоснованный риск и крайняя необходимость в медицинской деятельности: проблема определения и разграничения // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 1. С. 29–32.
2. Батеев В., Мазин П., Пономарев Г. Крайняя необходимость и обоснованный риск в медицинских отношениях // Уголовное право. 2001. № 3. С. 22–24.
3. Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. СПб.: Сенатская типография. 1906. 709 с.
4. Мюллер-Хилл Б. Генетика человека и массовые убийства // Человек. 1997. № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/MULHILL.HTM> (дата обращения: 05.12.2024).

5. Новикова Ю. С. Некоторые особенности структуры правоотношения // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 3 (10). С. 56–59.
6. Пучков О. А. Понятие геномного правоотношения // Правовое обеспечение использования генетической и геномной информации / под ред. Л. Н. Берг, А. В. Лисаченко. Москва : Юрайт, 2021. 123 с.
7. Романовский Г. Б. Евгеника и генетика: правовые аспекты // Правоведение. 2004. № 4 (255). С. 184–193.
8. Сальников В. П., Стеценко С. Г. Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 10. С. 190–198.
9. Стремоухов А. А. Юридический статус специального субъекта права (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2003. 28 с.
10. Философский энциклопедический словарь. Москва : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
11. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. Москва : Юрид. лит. 1974. 351 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 05.12.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 27.12.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2025.

Научная статья

УДК 340.113

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-17-21

НОРМАТИВНЫЕ КОЛЛИЗИИ КАК КОРРУПЦИОГЕННЫЙ ФАКТОР

Анатолий Васильевич Рассохин¹, Сергей Андреевич Букреев²^{1,2} Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия¹ anatolii.rassohi@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-5819-8967>² bukreev2005@mail.com

Аннотация. В статье исследуются научно-теоретические и правовые аспекты понятия «коллизия» в соотношении с правовой формой «юридический конфликт» при проведении антикоррупционной экспертизы, как меры по противодействию коррупции. Авторы с учетом действующего законодательства и научных источников анализируют теоретико-правовые аспекты научных подходов формулы «нормативные коллизии». Предложены научные позиции устранения и преодоления нормативных коллизий, в том числе при проведении антикоррупционной экспертизы. Статья имеет цель поиска пробелов антикоррупционной экспертизы, которые не охватывается правовым регулированием действующего законодательства. Авторами при исследовании способов преодоления коллизий, как важнейшего инструмента в деятельности различных субъектов права, предложены научные подходы.

Ключевые слова: нормативные коллизии, антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы, коллизии норм, юридический конфликт, виды коллизий

Для цитирования: Рассохин А. В., Букреев С. А. Нормативные коллизии как коррупциогенный фактор // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 17–21. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-17-21

Research article

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

5.1.2. Public law (state law) sciences

REGULATORY CONFLICTS AS A CORRUPTION-CAUSING FACTOR

Anatoly V. Rassokhin¹, Sergey A. Bukreev²^{1,2} Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia¹ anatolii.rassohi@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-5819-8967>² bukreev2005@mail.com

Abstract. The scientific article examines the scientific, theoretical and legal aspects of the concept of “conflict” in relation to the legal form of “legal conflict” during the anti-corruption expertise, as measures to combat corruption. Taking into account the current legislation and scientific sources, the authors analyze the theoretical and legal aspects of scientific approaches to the formula “regulatory conflicts”. The scientific positions of eliminating and overcoming regulatory conflicts, including during the anti-corruption expertise, are proposed. The purpose of the article is to find gaps in anti-corruption expertise that are not covered by the legal regulation of current legislation. The authors propose scientific approaches to the study of ways to overcome conflicts as the most important tool in the activities of various subjects of law.

Keywords: regulatory conflicts, anti-corruption expertise, corruption-causing factors, conflicts of norms, legal conflict, types of collisions

For citation: Rassokhin AV, Bukreev SA. Regulatory conflicts as a corruption-causing factor. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):17-21. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-17-21

Введение

До настоящего момента нет однозначного ответа на вопрос, какова правовая природа нормативных коллизий. Учеными не представлен однозначный подход в отношении того, что следует понимать под коллизиями.

До сих пор идут дискуссии относительно коллизии как коррупциогенного фактора. Законодатели скорректировали акты Правительства РФ, касающиеся проведения антикоррупционной экспертизы, постановлением Правительства РФ от 18 июля 2015 г. № 732 «О внесении

изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы»¹, был добавлен коррупциогенный фактор «нормативные коллизии». Авторы ставят цель исследовать правовую проблему «в силу каких причин „нормативные коллизии“ стали относиться к коррупциогенному фактору» на основе научных подходов и теоретических взглядов правоведов.

Материал и методы

Как известно, правовая система (как и любая система в целом), находясь на определённом этапе своего развития в некоем реальном состоянии, стремится к идеальному состоянию, которое определяет природа правовой системы или общество, если рассматривать правовую систему в понимании идеального системного образования [4, с. 18]. Однако достижение этого «заданного» состояния, когда каждый её элемент работает наиболее эффективно и в полном объёме, ни одна система не может.

Говоря о правовой системе, мы также считаем необходимым отметить тот факт, что любая система подвержена факторам и действиям, направленным на нарушение естественной защиты, её устойчивости. Всякая система, таким образом, обладает некоторой стабильностью, защищённостью. Л. А. Петрушенко пишет о том, что эта стабильность (устойчивость) системы, по существу, есть «результат определённого «запаса... её... защиты от случайностей, от возмущений» [8, с. 106]. Такое понимание разнообразных случайностей или возмущений (причём как внутреннего, так и внешнего характера) системы подводит нас к тому, что и при рассмотрении правовой системы необходимо усматривать определённые пробелы, коллизии и другие разновидности неких «правовых возмущений».

В научной литературе, с позиции методологии исследования, особое место занимает точка зрения профессора Н. А. Власенко: для сохранения устойчивости системы в ней имеются «системосохраняющие факторы». Как отмечает исследователь, в правовой системе такими факторами выступают коллизионные нормы, прямым назначением которых является устранение, ликвидация и «минимизация» коллизий [5, с. 8].

Понятие «коллизия» явилось объектом множества научных исследований. Наибольший интерес в рамках данного исследования представляет правовое понимание нормативных коллизий в научной литературе: «несколько норм, расходящихся по содержанию» [7, с. 336]. В. Н. Кудрявцев понимал коллизию как «несогласованность между нормами по их содержанию» [6, с. 245]. Профессор А. Ф. Черданцев определял, что коллизия представляет из себя случай «столкновений норм права... когда две или более нормы несовпадающего содержания претендуют на то, чтобы быть применёнными

к одному и тому же случаю» [11, с. 211]. Аналогичной позиции в понимании коллизии как некоего «столкновения» (или противоречия) придерживается и выдающийся правовед С. С. Алексеев [1, с. 137]. Камнем преткновения названных позиций в понимании сущности коллизий является вопрос о том, связана ли коллизия с содержанием противоречащих норм. Однако в рамках данного исследования разрешение этого вопроса не представляет большой теоретической значимости.

Считаем необходимым сделать оговорку, что данные позиции, в том числе разнятся в понимании родового понятия коллизий. Отдельные авторы предлагают связывать коллизию с несогласованностью, другие — с противоречием или столкновением норм. В теоретических работах давно была обоснована позиция о том, что коллизия в одних ситуациях может выступать в качестве некоего противоречия. Противоречивый характер в данном случае будет заключаться в том, что «решения, содержащиеся в норме, взаимно исключают друг друга» [4, с. 22]. В другой же ситуации о коллизии говорят как о несогласованности (различии) правовых предписаний.

Для того чтобы интегрировать две указанные формы существования нормативных коллизий, авторы придерживаются понимания, что коллизия норм представляет собой некоторое отношение между нормами (как соотношение этих норм). Наиболее удачным определением нормативной коллизии представляется, на наш взгляд, определение, сформулированное Н. А. Власенко: «коллизию... следует понимать как отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения» [4, с. 23]. Данное определение явно не совпадает с легальным определением нормативных коллизий, закреплённых в подпункте «и» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утверждённой постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96: «и) нормативные коллизии — противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае»². Данное определение, закреплённое в методике, отражает лишь одну сторону нормативных коллизий. По существу, приведённое определение не является ошибочным, однако требует существенно уточнения и доработки. Анализ рассмотрения коллизии исключительно как противоречия между нормами, по нашему мнению, является некорректным. Важным аргументом, позволяющим исследовать подход, при котором одной из форм коллизии является различие (помимо противоречия), представляется советская арбитражная

¹ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы : постановление Правительства РФ от 18 июля 2015 г. № 732 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71144938/?ysclid=m6ekr004iu976251336> (дата обращения: 15.01.2025).

² Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/197633/?ysclid=m6f277577s984446624> (дата обращения: 15.01.2025).

практика 70-х годов XX века. В статье «Совершенство строительного законодательства» Ю. Г. Басин и А. Г. Коркин утверждают, что «в один момент в арбитражной практике действовало несколько норм, регулирующих ответственность за просрочку устранения дефектов в договорах подряда на капитальное строительство. Коллидирующими в данном случае являются санкции правовых нормы (закреплённые в п. 20 Инструктивных указаний Госарбитража СССР от 20.06.1970 № И-1-20 и в п. 30 Инструктивного письма Госарбитража СССР от 17.08.1973 № И-1-14)» [3, с. 76]. Позиция указанных авторов заключается в том, что поскольку различие между данными положениями несущественно, то и характер столкновения незначителен.

В научной литературе распространено мнение о том, что очень близким к понятию «коллизия» является понятие «юридический конфликт» [10, с. 28]. Рассмотрение понятия «конфликт» при ретроспективном анализе позволяет выявить научные позиции исторически сложившихся правовых школ. При научном выборе способа рассмотрения понятия «юридический конфликт» исследователи определяют, что ранее понятие «коллизия» рассматривалось как более широкое по своему содержанию, а конфликт «выступал лишь фазой прямого столкновения в рамках юридических коллизий» [12, с. 61]. Однако современные научные школы в ходе исследований считают более рациональным и обоснованным понимание коллизии как некоего ядра (основной части) юридического конфликта. Например, с позиции теории «юридический конфликт включает в себя:

- а) коллизии в системе правоприменительной деятельности;
- б) коллизии (как одна из форм юридического конфликта) — различия или противоречия при регулировании одних фактических отношений;
- в) конфликты юридических идей и концепций и др.» [2, с. 336].

Таким образом, отвечая на вопрос о соотношении понятий «юридический конфликт» и «коллизия», необходимо отметить, что первое понятие является более широким, так как включает и иные элементы (формы существования) юридического конфликта.

Научный подход, который также заслуживает внимания, сформулирован одним из авторов настоящей статьи, оптимально рассматривает несколько позиций в исследовании видов коллизий. Первый подход заключается в «классическом понимании» коллизии как определённых различий или противоречий правовых норм. Второй подход предполагает, что коллизия — это «противоречия в правоприменительной деятельности» [9, с. 97]. Данный подход, по сути, формулирует тезис о том, что понятие «коллизия» включает в себя также некоторые противоречия в системе правоприменительной деятельности. Результаты исследования подтверждают существование коллизий, что является объективным фактором и условием необходимости применения соответствующего способа устранения и преодоления коллизий в праве.

На наш взгляд, для дальнейшего исследования необходимо разграничить понятия «устранение» и «преодоление» коллизий. Устранение представляет собой некоторое «снятие» или убытие коллизий вообще и полностью. Профессор Н. А. Власенко предлагает два способа устранения коллизий. Первым из них является нормотворческий, предполагающий полное и окончательное разрешение столкновения норм права [4, с. 29]. Например, законодательный орган отменяет одну из сталкивающихся норм или обе конфликтующие нормы с последующим изданием нового («безколлизийного») нормативно-правового предписания. Наиболее универсальным способом устранения коллизий является издание коллизионных норм права, призванных разрешить образовавшуюся коллизию и «освободить» правотворческие органы от постоянного и многообразного изменения коллидирующих норм. Наличие указанных норм не всегда снимает проблему коллизии норм. Данный способ устранения коллизий является наиболее удобным для нормотворческих субъектов, однако нам представляется, что издание коллизионных норм права должно являться исключительным средством преодоления различий и противоречий норм, не имея тем самым цели освобождения нормотворческих органов от внесения соответствующих изменений. Однако, если в системе права не существует совершенного и эффективного механизма (коллизионных норм), то нам необходимо говорить о некоторых способах преодоления коллизий для каждого конкретного случая [4, с. 30].

Наиболее эффективным и доминирующим в применении является нормативное официальное толкование, под которым принято понимать позицию профессора Ю. А. Тихомирова: «разъяснение правовой нормы компетентным органом, обязательное для всех лиц и организаций, и распространяющееся на весь круг случаев, предусматривающих толкуемой правовой нормой, обеспечивая тем самым единообразное и правильное проведение в жизнь предписаний этой нормы» [10, с. 143]. Определяя актуальное понимание природы юридических коллизий, позволит углубить юридическое мышление как статичное и динамичное, и трансформировать его в гибкий и многогранный инструмент познания права.

При нормативном официальном толковании субъект толкования определяет порядок действий лица в случае возникновения необходимости разрешения коллизии норм. Такое толкование подразделяется, в свою очередь, на аутентическое и легальное. Субъектами официального толкования являются: Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ и др.

Важным способом преодоления коллизий в правоприменении является казуальное толкование. Нормативное официальное толкование, по существу, содержит общий порядок действий по преодолению коллизии, казуальное толкование, в свою очередь, имеет цель разъяснить преимущество той или иной нормы права в конкретном деле или случае [4, с. 32].

В качестве способа преодоления коллизий особо выделяется использование доктринального толкования

[1, с. 194]. Данный способ предложен профессором С. С. Алексеевым в целях осуществления действия по разрешению коллизионных ситуаций на основе (в соответствии) научно-обоснованных правил и принципов преодоления коллизий.

Ещё реже в литературе встречается такой способ преодоления коллизий, как использование «правоположений». Для целей данного исследования не представляется необходимым рассмотрение природы данного понятия. Под правоположением, согласно Н. А. Власенко, понимается «совокупность юридических (правовых) правил и (или) принципов, выработанных в процессе правоприменительной практики и направленные на ее обслуживание» [4, с. 34]. Понятие «правоположение» включает множество разнообразных принципов, рассмотрение которых позволяет более точно определить суть и назначение данного способа преодоления коллизий. Отметим несколько таких принципов: принцип, согласно которому позднейшим законом отменяется более ранний, — *lex posterior derogat priori*; принцип, согласно которому специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон, — *lex specialis derogat generali*. Нельзя не согласиться с мнением А. Ф. Черданцева о том, что «правоположениями» могут быть не только конкретизированные регулятивные нормы, но и «метанормы» [11, с. 46].

Заключение и вывод

Анализ проведенного исследования позволяет говорить о том, что существуют разнообразные способы устранения и преодоления нормативных коллизий в праве, они являются важнейшим инструментом в деятельности

различных субъектов права. Определяя природу соответствующей коллизии, субъект должен выбирать наиболее эффективные способы, которые будут способствовать достижению поставленных целей и задач.

Нормативные коллизии представляют теоретический интерес у различных ученых-теоретиков, ученых-практиков; это связано, прежде всего, с тем, что коллизии, по существу, есть явление объективное, то есть такое явление, существование которого не зависит от субъективных желаний и интересов различных субъектов. Соотношение юридического конфликта и коллизий на рассвете развития имело один формат, в настоящее время — другой.

Научная статья является дискуссионной и призвана обозначить основные содержательные моменты и артикулировать тезис о необходимости обсуждения затронутых в ней подходов к сущности коллизий. Системный подход ведёт к правильному избранию правового инструмента, преодолению или устранению коллизий, позволяет устранять возможность произвольного толкования норм права в целях исключения использования для получения личной выгоды, совершения коррупционно-опасных действий. Минимизация количества нормативных коллизий обеспечит открытость и последовательность применения норм права. На наш взгляд, от рационального и обоснованного выбора способа устранения и преодоления коллизий в праве зависит антикоррупционное поведение физического и юридического лица, предполагающее совокупность сознательных действий по предотвращению и преодолению коррупционно-опасных ситуаций.

Список источников

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций. В 2 т. Т. 2. Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). Свердловск : [б. и.], 1973. 401 с.
2. Антикоррупционные технологии : учебник / А. Н. Митин, В. Ш. Шайхатдинов, П. У. Кузнецов [и др.] ; под ред. А. Н. Митина, В. Ш. Шайхатдинова. Москва : КноРус, 2024. 513 с.
3. Басин Ю. Г., Коркин А. Г. Совершенствование строительного законодательства // Советское государство и право. 1975. № 7. С. 73–81.
4. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве : монография. Репр. изд. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. 100 с.
5. Власенко Н. А. Коллизионное право России: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 5–17.
6. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений : (репринт издания М., 1963) : монография. Москва : Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 324 с.
7. Основы теории государства и права / Н. Г. Александров, Ф. И. Калинычев, Д. С. Карев [и др.]. Москва : Госюриздат, 1960. 439 с.
8. Петрушенко Л. А. Принцип обратной связи : (Некоторые философ. и методол. проблемы управления). Москва : Мысль, 1967. 276 с.
9. Рассохин А. В. «Коллизия интересов» или «конфликт интересов» на публичной службе — правовой аспект // Актуальные проблемы правового регулирования государственной гражданской службы в системе публичной службы : материалы по итогам всероссийского круглого стола с международным участием, Екатеринбург, 25 февраля 2022 года. Екатеринбург : УрГЮУ, 2022. С. 97–106.
10. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право. Москва : Изд. г-на Тихомирова, 2001. 394 с.
11. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов. Москва : Юрайт, 2001. 429 с.
12. Юридический конфликт : монография / О. А. Акопян, С. Б. Бальхаева, А. А. Головина [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. Москва : ИНФРА-М : ИЗИСП, 2019. 312 с.

ВКЛАД АВТОРОВ

Рассохин А. В. Научное руководство, концепция исследования, развитие методологии, участие в разработке научных подходов и их реализации, написание исходного текста, итоговые выводы.

Букреев С. А. Участие в разработке научных позиций и их реализации, доработка текста; итоговые выводы.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Rassokhin A. V. Scientific guidance, research concept, development of methodology, participation in the development of scientific approaches and their implementation, writing the source text, final conclusions.

Bukreev S. A. Participation in the development of scientific positions and their implementation; revision of the text; final conclusions.

CONFLICT OF INTEREST

The authors declare that there is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 17.01.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 07.02.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.02.2025.

Научная статья
УДК 340.15
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-22-27

С. 22–27

ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК УРАЛА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Валерий Геннадьевич Тищенко¹, Татьяна Кимовна Махрова²

^{1,2} Южно-уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

¹ tishchenkovg@susu.ru

² lotto@list.ru

Аннотация. В статье показана роль казачества на Урале в обеспечении охраны правопорядка в пограничных и внутренних регионах страны в конце XVIII–XIX вв. В районе непосредственной дислокации иррегулярное войско выполняло обязанности гарнизонной, кордонной, линейной службы по охране границы, однако по мере снижения потребности в отражении набегов степных кочевников функциональные обязанности расширились и дополнялись. Казачьи полицейские команды как временные формирования внутри войсковой организации были ориентированы на обеспечение личной и имущественной безопасности населения ряда губерний, охраняли ярмарки, прииски, промышленные предприятия и иные объекты, выполняли функции военно-полицейского характера и надзорного характера. Внутри войсковое управление казаков, предполагало наделение административно-полицейскими функциями структуры войсковой и станичной администрации. В ходе реорганизации отбывания воинской повинности, административного и общественного управления во второй половине XIX века правовое регулирование этих процессов начинает отражать необходимость правового обеспечения организации такой деятельности казаков и заинтересованность государства в сохранении служилого сословия.

Ключевые слова: казачье войско, казачья полицейская команда, военно-полицейские функции, административно-полицейские функции

Для цитирования: Тищенко В. Г., Махрова Т. К. Формирования казачьих войск Урала в обеспечении охраны правопорядка в Российской империи // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 22–27. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-22-27

Research article

THE FORMATION OF THE COSSACK TROOPS OF THE URALS IN ENSURING THE PROTECTION OF LAW AND ORDER IN THE RUSSIAN EMPIRE

Valery G. Tishchenko¹, Tatiana K. Makhrova²

^{1,2} South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

¹ tishchenkovg@susu.ru

² lotto@list.ru

Abstract. The article examines the role of the Cossacks of the Urals in ensuring law enforcement in the border and interior regions of the country at the end of the XVIII-XIX centuries. In the area of direct deployment, the irregular army performed the duties of the garrison, cordon, and linear border protection service, but as the need to repel the raids of steppe nomads decreased, functional responsibilities expanded. Cossack police teams, as temporary formations within the military organization, were focused on ensuring the personal and property security of the population of a number of provinces, guarded fairs, mines, industrial enterprises and other facilities, and performed military-police functions. The internal military administration assumed the assignment of administrative and police functions to the structure of the military and village administration. During the reorganization of military service, administrative and public administration in the second half of the XIX century, the legal regulation of these processes reflects the need for legal support for the organization of such activities of the Cossacks and the state's interest in preserving the service class.

Keywords: cossack army, military police functions, administrative police functions translator

For citation: Tishchenko VG, Makhrova TK. The formation of the cossack troops of the Urals in ensuring the protection of law and order in the Russian empire. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):22-27. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-22-27

Введение

Поступательный процесс обретения и освоения Российским государством новых земель в XVIII–XIX вв. определил особую роль казачьих войск в государственной системе России. Деятельность казачества являлась одним из факторов развития российской государственности, политического и хозяйственного освоения, в частности, юго-восточного порубежья, где казахи войска формировались решением правительства (Зауралье, Сибирь, Дальний Восток, в отличие от «естественно-исторического» пути образования для Запорожья, Дона, Терека, Яика, с их внутриобщинной автономной «вольницей»). Здесь решались задачи и охраны границ (гарнизонная, кордонная, линейная служба для защиты края от степных кочевников), и освоения новых территорий. Однако освобожденные от рекрутской повинности и государственных податей казаки несли службу, выходящую далеко за рамки линейной и кордонной охраны рубежей России. Уже с 1790 г. оренбургских казаков привлекали и для участия во внешних войнах, они участвовали во всех крупных битвах российских вооруженных сил. Сначала эпизодически, а затем на постоянной основе казахи формирования были задействованы и в поддержании внутреннего правопорядка в различных регионах империи. Такое расширение функциональных обязанностей, наряду с необходимостью поддерживать боевую готовность и хозяйственную самодостаточность, становилось во второй половине XIX в. одним из основных противоречий сословного статуса казачества.

Описание исследования

Круг обязанностей служилых людей длительное время не регламентировался, ограничиваясь лишь традициями, обычаями, ситуативной потребностью в привлечении вооруженных формирований. Городовые казаки несли гарнизонную, пограничную и полицейскую службу на «засечных» линиях преимущественно по южным и восточным границам Русского государства. До конца XVII в., когда активизируется строительство военных городов-крепостей с гарнизонами городовых казаков, упоминание о правовом статусе служилых казаков эпизодически встречается в документах общего характера. В 30–40-е гг. XVIII в., с началом деятельности Оренбургской экспедиции, на Южном Урале создается система приграничных укрепленных линий, в 1744 г. формируется Оренбургский нерегулярный казачий корпус, а указом от 24 мая 1748 г. все казахи формирования на территории Уфимской и Исетской провинций официально зачисляются в состав Оренбургского казачьего войска, в 1798 г. создается еще одно иррегулярное казачье формирование — Башкиро-Мещерякское войско [1, с. 78, 81].

Начиная с этого времени и на протяжении всего XIX в. активно осуществляется правовое регулирование практически всех сторон жизни казачьих общин и войсковой организации. Для Оренбургского казачьего войска важнейшие акты были приняты в 1803, 1840, 1867, 1870, 1891 гг. Нормативные акты, лежавшие в основе создания и реформирования иррегулярного войска, уже

содержали нормы, разграничивавшие сугубо военные функции от ряда охранительных и полицейских. Практически все функциональные обязанности служилого сословия, в том числе и военно-полицейские, регламентировались общегосударственными воинскими уставами и инструкциями. Будучи частью «силовых структур», Оренбургское казачье войско совместно с полицией и регулярной армией осуществляло, как на войсковой территории, так и за ее пределами, значительный объем военно-полицейской деятельности. Существенную роль казаки сыграли в обеспечении общественного порядка и борьбы с преступностью в других губерниях империи.

Практика привлечения казаков для выполнения полицейских функций на протяжении XIX века получала все большее распространение, как на Урале, так и за его пределами [2, с. 116]. Мы рассмотрим эту практику и ее роль в жизни казачьего войска как составляющей части российских вооруженных сил и как общины с регулируемым государством объемом самоуправления, учитывая мнение ряда исследователей (В. С. Кобзова, В. М. Шадрин) о разделении полицейских функций казачьего войска на военно-полицейские и административно-полицейские [3, с. 118].

Организация регулярной полиции в соответствии с «Учреждением для управления губерний» 1775 г. и «Уставом благочиния» 1782 г. предполагала создание государственного учреждения, основанного на исполнении подданными Российского государства полицейской повинности. Военизированные формирования — армейские, казахи — становились необходимой составной частью таких учреждений в виде создаваемых при городских управах благочиния специальных полицейских командах и источником пополнения их кадрового резерва. По функциям же «поддержания благочиния» полицию конца XVIII — начала XIX вв. трудно было отличить от управления вообще. Административно-полицейская служба казаков уже в XVIII в. включала предписания по содержанию караулов, ночных конных разъездов в городах, поиску воров и разбойников, конвоированию колодников, почты, присмотру за рекрутами, «ссылочными», и т. п. [4, с. 120]. Отбывая полицейскую повинность за пределами своих станиц, казаки в своей деятельности по охране общественного порядка и безопасности должны были руководствоваться «Уставом благочиния».

Полицейские команды в Оренбургской губернии формировались из казаков ежегодно специальным приказом военного губернатора. Вооруженные урядники и казаки, по согласованию с губернскими властями, могли назначаться в распоряжение городничего для несения полицейской службы в городах (из станиц в радиусе 100 верст от города) и содержаться за счет специальных сборов с горожан, которые должны были обеспечить ежемесячное денежное жалование, деньги на провиант и фураж для строевых казачьих лошадей. На казачью команду возлагалась и противопожарная охрана города. В сельский уезд казахи команды командировались обычно только в случае обострения криминальной ситуации для борьбы с разбойничьими шайками.

Задачи особой важности формулировались для казачьих полицейских команд из центра. К таким отнесено было, например, полицейское сопровождение золотодобычи, что стало актуальным с обнаружением в 1820-х гг. на Южном Урале богатых золотых россыпей, в том числе и на землях Оренбургского казачьего войска. Высочайше утвержденное 30 апреля 1838 г. Положение о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири предусматривало возможность командировать казачьи команды в распоряжение «отдельного заседателя» (должность отдельного заседателя по золотопромышленным делам земского суда учреждена этим же положением, в 1840-е гг. — горный исправник) [5]. Ежегодно с 1848 г. казаки Оренбургского войска командировались на золотые прииски в распоряжение горного ведомства — в помощь горному ревизору частных золотых промыслов. В декабре 1850 г. министр финансов граф Ф. П. Вронченко предложил Оренбургскому военному губернатору иметь на частных промыслах летом разъездную казачью команду в 125 человек. Увеличение планировалось в 1851–1852 гг. по просьбам и золотопромышленников, и Главного начальника горных заводов Уральского хребта для казенных Миасских золотых промыслов с постоянным нахождением разъездной казачьей команды в течение года в усиленном составе из 24 казаков и 2 урядников — в сезон с 15 апреля по 15 ноября. По приблизительным оценкам, потери от «хищений и утайки» только в одном горном округе в этом году составляли не менее 5 пудов из 30 добытых пудов золота [6, с. 76–77]. С золотопромышленников на содержание полиции и казачьей стражи собирали дополнительный налог, введенный в 1838 г. после массовых волнений рабочих на сибирских приисках — «пофунтовый сбор» (4–8 руб. с каждого добытого фунта золота в зависимости от объема добычи). По отчетам за 1853 г. численность казачьей команды на частных золотых промыслах составила 65 человек, на казенных — 26 [7, л. 112–115, 162–164]. Издание Горного устава 1857 г. узаконило существовавшую практику участия казаков («разъездных команд») в несении полицейской службы на частных и казенных промыслах. Однако назначение команд не ограничивалось только прииска-ми, о чем свидетельствует таблица 1.

Для подавления случившихся на приисках масштабных волнений работников (на Троицких промыслах компании тайной советницы Жуковской в 1849 г., Кочкарских приисках в 1856 г., Миасских промыслах в 1881 г.) имеющихся сил «полицейских казаков» часто не хватало, на прииски дополнительно направлялись воинские команды, тоже состоявшие из казаков [6, с. 118–119, 121].

С 1822 г., как следует из сохранившихся документов, Оренбургское казачье войско направляло из состава своих полков отдельные команды для «усиления полицейских средств» и в другие внутренние губернии империи. Хотя встречаются упоминания о том, что и ранее, находясь в военных походах, казакам, «вне круга военных действий», приходилось выполнять «полицейские поручения» [2, с. 106–107]. В 1807 г. возникла

необходимость сформировать команду из 400 казаков в Казань «для несения годичной внутренней службы» на замену казаков Донского казачьего войска [9, с. 167].

В 1823 г. на нижегородской ярмарке полицейские обязанности выполняли 300 казаков, в Казанской губернии — 100, в Вятской губернии — 50, в Пермской губернии — 90, в Москве — 500 казаков Сводного казачьего полка Отдельного оренбургского корпуса [10, с. 86]. В 1840-е гг. в Москве такие задачи выполняли 10-й, 12-й, 13-й сводные казачьи полки, в Нижнем Новгороде — до апреля 1840 г. Отдельный трехсотенный отряд, а затем 14-й и 15-й Оренбургские казачьи полки. В ноябре 1850 г. на нижегородскую ярмарку был командирован сводный четырехсотенный отряд (не имевший принятой в войске с 1842 г. порядковой нумерации полков) [11, с. 8–9], приказом военного министра в феврале 1868 г. оренбургских казаков на полицейской службе здесь заменил эскадрон лейб-гвардии Сводного казачьего полка Войска Донского. С 1845 г. в течение 20 лет подряд казачья команда из Челябинска отправлялась на Ирбитскую ярмарку. Одна пешая сотня направлялась специально для охраны объектов на Казанской железной дороге. В Пермской губернии двухсотенный отряд был занят «поимкою бродяг, бегающих из Сибири», сотенный отряд конвоировал арестантов [3, с. 139, 142].

Исследователи отмечают архивные свидетельства об эффективности полицейской деятельности оренбургских казаков в Москве: в 1831–1836 гг. казачьи разъезды задержали в трех уездах губернии более 300 числившихся в розыске преступников, около 600 беглых крестьян, ликвидировали 10 групп грабителей почтовых карет и путников [3, с. 141].

Командирование казачьих конных команд в Москву продолжалась до 1865 г., в Пермскую и Казанскую губернии — до 1868–1869 гг., когда их начали постепенно заменять вольнонаемной конной полицейской стражей. Именно в этот период правительство изменяет состав Оренбургского казачьего войска (1867 г.) и правовой статус населения войсковых территорий (1869 г.).

Среди региональных направлений командирования оренбургских казаков достаточно подробно исследованы особенности прохождения ими службы на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, в Москве и Пермской губернии [2], а также в Казанской губернии в 1830–1860-е гг. [12], куда направлялись и команды Уральского казачьего войска. Отмечается, что в Казанской губернии на казаков возлагался широкий круг обязанностей по охране общественного порядка (надзор за торговлей и ремеслом, поимка беглых крепостных, за что полагалось денежное вознаграждение, дезертиров и «ссылочными», служба в составе пожарных команд, выполнение поручений в качестве рассыльных, помощь администрации в сборе налогов и подавлении волнений крестьян, мастеровых и рабочих), а само их присутствие «оказывало сильное психологическое воздействие на местное население», предотвращая, в частности, «отпадение от христианства в магометанство» [12, с. 218, 227]. В последний год пребывания в Казани — 1869 — по штату положено

Таблица 1 — Назначение казаков Оренбургского казачьего войска на службу в 1847–1853 гг. [8, с. 62–64, 130–131, 187–188, 287–290, 397–400, 522–525]

1847 г.	1848 г.	1849 г.	1850 г.	1851 г.	1852 г.	1853 г.
На кордонную службу / в том числе зимнюю, чел.:						
—	3380	3249	3145/887	3045/859	3128	3173
На время ярмарки в Нижний Новгород на 6 месяцев, чел.:						
868	890	892	589	577	577	577
На время ярмарки в Ирбит на летние месяцы, чел.:						
16	16	16	—	16	—	—
В Илекское соляное правление на 1 год, чел.:						
—	—	—	—	11	11	11
К соляным озерам Челябинского уезда на 4 месяца, чел.:						
65	66	66	72	72	71	71
В Троицкую таможенную заставу (меновый двор) на 1 год, чел.:						
42	—	—	—	9	9	9
В Звериноголовскую таможенную заставу на 1 год, чел.:						
—	—	—	—	4	4	4
К горному исправнику 1-го округа в Лесную Санарку на 1 год, чел.:						
—	—	—	—	—	15	—
В Оренбургскую таможенную заставу / в том числе на зимние месяцы, чел.:						
—	—	—	—	7/5	7/5	7/5
К горному исправнику 2-го округа на прииск Петропавловский на 1 год, чел.:						
—	—	2	—	—	25	—
К горному исправнику 3-го округа в станицу Варшавскую на 1 год, чел.:						
—	—	—	—	—	18	—
К горному ревизору в Троицк, чел.:						
10 на лето	10	10	—	10 на 2 года	4 на 1 год	—
К горному ревизору в станицу Усть-Уйскую на 1 год, чел.:						
—	—	—	—	—	3	—
На Оренбургские золотые промыслы в распоряжение горного ведомства на 1 год, чел.:						
—	—	—	—	—	—	65
К исправникам частных золотых промыслов Петропавловских и Оренбургского края:						
—	2 на лето	2	4 на 2 года	—	4 на 2 года	—
На казенные Миасские золотые прииски от 7 месяцев до 1 года, чел.:						
—	13	13	13	26	26	26

было командировать 181 чел. из Оренбурга (фактически — 164 во главе с войсковым старшиной). Уральское казачье войско должно было направить в Казанскую губернию, согласно штату, 4 обер-офицеров, 11 урядников и 166 конных казаков [12, с. 215]. Содержание казачьих команд, включая организацию питания, постоев, лечения, осуществлялось за счет как местной, так

и войсковой казны. Первоначально служба вне пределов войсковой территории могла продолжаться несколько лет подряд, без четко определенных сроков, что приводило к упадку казачьего хозяйства и материального положения семей. Но в 1850–1860-е гг. команды менялись уже достаточно регулярно, например, в Казанской губернии, ежегодно.

В жизни казачьих общин функции земской полиции возлагались на представителей войсковой администрации — после оформления военно-административной структуры Оренбургского казачьего войска. Положением об Оренбургском казачьем войске от 12 декабря 1840 г. [13] был определен статус войска как самостоятельной административно-территориальной единицы с передачей управления Наказному атаману, а Войсковому правлению предоставлены права губернского правления. Командиры полковых округов получали функции и воинских начальников, и уездных судей, и полицейских исправников. Полковым правлениям подчинялись станичные во главе со станичными начальниками, непосредственно осуществлявших полицейский надзор с правом производства дознания и имевших в своем распоряжении команды из переводившихся на внутреннюю службу казаков — для охраны общественных зданий, цейхгаузов с оружием, общественных табунов, хлебозапасных магазинов, войсковых лесов, сопровождения почты и т. п. К выполнению полицейских функций могли привлекаться отставные казаки и молодые казаки с 17 лет [4, с. 126].

Правительственные реформы 1860-х гг. сопровождались пересмотром роли и положения казачьих войск в государстве, привели к реорганизации административного и общественного управления, отбывания воинской повинности, земельного обеспечения, открытию войсковой территории для переселенцев и разрешение выхода из казачьего сословия. С 1867 г. военный состав Оренбургского казачьего войска сокращался до 27 тыс. нижних чинов, но в случае особой необходимости мог изменяться по усмотрению военного министерства. Казаки, отслужив определенный срок и уволившись на льготу, получали возможность больше времени уделять хозяйственной деятельности, категория «войсковых граждан» взамен службы обязывались вносить в войсковые и станичные капиталы особые взносы до тех пор, пока их сверстники находились в служилом разряде. Казачьи территории были слиты с традиционными административно-территориальными образованиями, по гражданской части казачье население было подчинено общегубернским структурам управления. В 1870 г. Положение об общественном управлении в казачьих войсках расширило права казачьей общины в решении вопросов местной жизни: станичный сход казаков-домохозяев избирал станичного атамана, станичное правление и станичный суд, в компетенцию схода передавались практически все вопросы жизнедеятельности казачьих общин.

В конце XIX столетия усилилось стремление правительства и войсковой элиты сохранить замкнутый характер казачьего сословия, ограничить расслоение среди казачества и сохранить общину, оградить казаков от влияния либеральных и революционных идей. Положение об управлении военными отделами Оренбургского войска 1884 г. и новое Положение об общественно управлении станиц казачьих войск, утвержденное в 1891 г., позволяло войсковой и губернской администрации сохранить за собой контроль за деятельностью станичных

сборов, сохранив лишь видимость самоуправления. В инструкции станичным и поселковым обществам подчеркивалось, что атаман в пределах своего станичного юрта осуществляет от имени правительства «ближайший надзор» за сохранением порядка, спокойствия и благочиния и, как выборное лицо, заботится о пользе и нуждах станичного общества. Атаманы отвечали за обеспечение порядка во время богослужения в храмах, недопущению беспорядков при публичных собраниях, недопущению и преследованию убийств, поединков, ссор, драк, обманов, подлогов, конокрадства. Атаману предписывалось задерживать и лишать свободы для производства дознания, до передачи переписки в распоряжение полиции или судебному следователю, лиц, подозреваемых или обвиняемых в государственных преступлениях, «в злонамеренном возмущении народа», в открытом личном или «скопом неповиновении властям», явном публичном порицании православной веры, в буйстве, грабеже, краже и подделке государственных кредитных билетов и монеты, в организации «шайки для кражи и мошенничества», в бродяжничестве, а также в дезертирстве [14]. Впрочем, перечень совершаемых лицами войскового и невойскового сословий правонарушений, судя, например, по отчету войсковой администрации за 1886 г., имел в основном характер преступлений имущественных: насильственные завладения имуществом — 28 (из них представителями войскового сословия — 13), присвоение и утайка чужой собственности — 32 (8), повреждение чужой собственности — 26 (14), зажигательство — 21 (17), грабеж — 75 (44), воровство, кража — 484 (279), конокрадство — 203 (80), мошенничество — 53 (32). Всего на территории войска было совершено 922 преступления против собственности из общего количества преступлений 1396 (487 — казаками, 435 — «иногородними») [15, л. 33 об.]. Исполнение поручений «по делам полицейского ведомства» внутри станицы атаманы возлагали, как правило, на сотских и десятских, выбираемых поселковыми сборами. При этом сами выбранные сотские и десятские, воспринимали «полицейские дела» крайне неохотно и нежелательно. «Полицейские дела» отвлекали казаков от занятий привычными хозяйскими делами и не компенсировались материально на затраченное время.

Заключение и вывод

Казачьи войска и казачьи команды Урала на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX вв. были сосредоточены в первую очередь на выполнении своих прямых военных функций. Но, кроме военной, они играли важную роль в общественной, политической и экономической жизни Уральского края. Кроме того, казаки оставили большой след и в культурной жизни Уральского региона, напрямую влияя на формирование общей уральской культуры. Оренбургское казачье войско, сформированное в ответ на потребности обеспечения безопасности юго-восточных границ империи, уральского горнозаводского района, во второй половине в XIX в. постепенно утрачивает свое военное

значение, обременительное для государства. Содержание казачьего войска все более заменяется на самообеспечение, на поиски внутренних ресурсов удовлетворения необходимых потребностей. Однако царское правительство по-прежнему было заинтересовано в сохранении казачества прежде всего как особого служилого сословия, традиционно преданного государству и способного к определенному непрофильному «перепрофилированию» в его интересах, когда возникали особые обстоятельства. Новая структура войскового управления не должна была полностью сломать обособленности, замкнутости и самодостаточности казачьей общины

и растворять ее в общей массе российского населения. Полнота власти в станицах и на хуторах по-прежнему сохранялась в руках атаманов, за деятельностью которых была установлена особая система контроля со стороны государственных структур. Несмотря на общую тенденцию роста профессионализации и специализации российской полиции, практика привлечения казаков и казачьих команд к охране общественного порядка и выполнение правоохранительных функций была продолжена. Эта практика теряет свою актуальность только в бурных событиях 1917 г., но оставит после себя долгий след в российской истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Военная история Южного Урала / сост. Н. А. Антипин, Г. Х. Самигулов. Челябинск : Общественный фонд «Южный Урал», 2023. 240 с.
2. Кобзов В. С., Шадрин В. М. Не славы ради. Оренбургское казачество в государственно-правовой системе Российской империи. Москва : Изд-во Московского университета, 2003. 190 с.
3. Кобзов В. С., Шадрин В. М. Казачество Урала в обеспечении общественной безопасности. Челябинск : Челябинский юридический институт МВД России, 2011. 226 с.
4. Сичинский Е. П. Участие казачества в охране правопорядка на территории Оренбургской губернии // Оренбургское казачье войско: страницы истории XIX–XX вв.: сборник научных трудов / под ред. В. С. Кобзова. Челябинск : Челябинский государственный университет, 1999. 173 с.
5. Высочайше утвержденное положение о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XIII. Отделение 1. 1838. № 11188.
6. Вишев И. И. Южноуральское золото. XIX век. Челябинск, 2004. 148 с.
7. Государственный архив Свердловской области. Ф. 43. Оп. 3. Д. 191.
8. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Выпуск XI : хронологический перечень событий, относящийся к истории Оренбургского казачьего войска. Продолжение. 1847–1853 / сост. Н. Г. Лобов. Оренбург : Типо-Литография Б. А. Бреслина, 1913. 656 с.
9. Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара ; Челябинск : Челябинский ЦНТИ, 2008. 478 с.
10. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Выпуск VI. Оренбург : Тургайская Областная Типо-Литография, 1905. 166 с.
11. Кобзов В. С. Подразделения Оренбургского казачьего войска в конце XVIII — первой четверти XIX вв. // Очерки истории горнозаводского Урала : межвузовский сборник научных трудов / под ред. А. П. Абрамовского. Челябинск : Челябинский государственный университет, 1996. 109 с.
12. Кореева Н. А. Служба оренбургских и уральских казаков в Казанской губернии в XIX веке // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 3 (51). С. 207–230.
13. Высочайше утвержденное положение об Оренбургском казачьем войске // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Том XV. Отделение I. 1840. № 14041.
14. Инструкция станичным и поселковым обществам Оренбургского казачьего войска и должностным в сих обществах лицам при исполнении обязанностей, возложенных на них Положением об общественном управлении станиц казачьих войск / сост. на основании ст. 161 высочайше утв. 3 июня 1891 г. Положения об общественном управлении станиц казачьих войск. Оренбург : Войск. хоз. правл. Оренбург. казачьего войска, 1898. 331 с.
15. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 37. Оп. 4. Д. 130.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The contribution of the authors is equivalent.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 10.01.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 04.02.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.02.2025.

Научная статья

УДК 342.3+342.7

DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-28-33

С. 28–33

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Светлана Александровна Хлебунова

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия**tvkh1954@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается институт прекращения гражданства Российской Федерации. Проведен сравнительный анализ международного права, национального и отечественного законодательства относительно утраты правовой связи гражданина с государством. Гипотеза исследования заключается в двойственной природе института прекращения гражданства как регулятора общественного порядка и национальной безопасности, а также как проявления суверенного права государства предоставлять возможность обладания гражданством Российской Федерации. Методологической основой исследования послужили общенаучные и частнонаучные методы исследования: анализ, синтез, индукция и дедукция, а также формально-правовой метод. В результате исследования определено, что прекращение гражданства содержит два вида отношений: по инициативе гражданина и по инициативе государства. Установлено, что положения международного права допускают различные формы прекращения правовой связи гражданина с государством. Автор приходит к выводу о том, что институт прекращения гражданства Российской Федерации восстанавливает статус иностранного гражданина только в отношении индивидов, нарушающих российское законодательство. Институт позволяет регулировать миграционные процессы и снижать общественную криминализацию. С другой стороны, процесс денатурализации поддерживает высокий статус гражданства Российской Федерации, а также оставляет за государством право влиять на отношение к гражданству определенного лица.

Ключевые слова: прекращение гражданства, утрата правового статуса гражданина, денатурализация, двойная природа прекращения гражданства

Для цитирования: Хлебунова С. А. Двойственная природа института прекращения гражданства Российской Федерации // 2025. № 1 (44). С. 28–33. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-28-33

Research article

THE DUAL NATURE OF THE INSTITUTION OF TERMINATION OF CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION

Svetlana A. Khlebunova

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia**tvkh1954@mail.ru*

Abstract. The article considers the institution of termination of citizenship of the Russian Federation. A comparative analysis of international law, national and domestic legislation regarding the loss of a citizen's legal connection with the state is carried out. The hypothesis of the study lies in the dual nature of the institution of termination of citizenship, as a regulator of public order and national security, as well as as a manifestation of the sovereign right of the state to provide the opportunity to possess citizenship of the Russian Federation. The methodological basis of the research was general scientific and private scientific research methods: analysis, synthesis, induction and deduction, as well as the formal legal method. As a result of the study, it was determined that the termination of citizenship contains two types of relations: on the initiative of a citizen and on the initiative of the state. It is established that the provisions of international law allow for various forms of termination of a citizen's legal connection with the State. The author concludes that the institution of termination of citizenship of the Russian Federation restores the status of a foreign citizen only in relation to individuals who violate Russian legislation. The Institute allows regulating migration processes and reducing social criminalization. On the other hand, the denaturalization process maintains the high status of citizenship of the Russian Federation, and also reserves the right for the state to influence the attitude towards citizenship of a certain person.

Keywords: termination of citizenship, loss of legal status of a citizen, denaturalization, dual nature of termination of citizenship

For citation: Khlebunova SA. The dual nature of the Institution of Termination of Citizenship of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):28-33. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-28-33

Введение

Современный институт прекращения гражданства Российской Федерации продолжает динамично развиваться и совершенствоваться под влиянием внешнеполитических и внутригосударственных причин. Принятый в 2023 году новый федеральный закон о гражданстве Российской Федерации внес существенные изменения в процедуру прекращения правовой связи гражданина с государством. Во-первых, полностью упразднена процедура отмены решений по вопросу приобретения гражданства. Во-вторых, новый институт прекращения гражданства содержит определенный перечень оснований, которые могут применяться к натурализованным гражданам для процедуры денатурализации.

Формы утраты правовой связи гражданина с государством допускает международное право и законодательство иностранных государств. По инициативе государства денатурализация проводится в отношении тех граждан, кто не желает соблюдать внутреннее законодательство принимающей страны, и не дорожит полученным статусом гражданина.

Предметом исследования выступают положения статей 22–26 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»¹, статистические данные о миграционной ситуации, научные публикации отечественных ученых исследующих институт прекращения гражданства, правовые нормы международного законодательства.

Цель исследования заключается в определении двойственной природы института прекращения гражданства Российской Федерации. Предполагается, что прекращение правовой связи по инициативе государства в отношении натурализованных граждан следует рассматривать как регулятор общественного порядка и обеспечение национальной безопасности, а также как суверенное право государства, оставлять статус гражданина Российской Федерации только законопослушным натурализованным гражданам.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования послужил комплексный подход, основанный на анализе нормативно-правовых документов международного права, национального и отечественного законодательства. Проведен отбор и анализ научных публикаций, посвященных институту прекращения гражданства. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Применялись методы функционального и логического анализа, индукция и дедукция,

¹ О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (дата обращения: 01.11.2024).

а также формально-правовой метод. Данные методы познания позволили автору рассмотреть особенности правоотношений института прекращения гражданства Российской Федерации.

Описание исследования

Международно-правовая доктрина допускает возможность прекращения правовой связи гражданина с государством при наличии определенных условий. Так, Конвенция 1961 г. «О сокращении безгражданства» не препятствует процедуре утраты или лишения гражданства при условии, что человек имеет другое гражданство и не остается в статусе апатрида². Европейская Конвенция 1997 о гражданстве содержит основания утраты гражданства по инициативе самого лица и перечень исключительных случаев принудительного прекращения гражданства: вследствие мошенничества, предоставления ложной информации, сокрытия заявителем фактов о себе, причинения ущерба жизненно важным интересам государства, отсутствия реальной связи с государством, службой в вооруженных силах иностранного государства, добровольного приобретения другого гражданства³. Схожие правовые основания содержит национальное законодательство многих стран: Дании, Франции, Нидерландов, Швейцарии, Соединенного Королевства, Бельгии, Норвегии, Турции, Болгарии, Испании, Мальты, Литвы, Молдовы, Румынии, Словении, Эстонии.

В США прекращение гражданства применяется к натурализованному гражданину и к гражданину по праву рождения за совершение «любого акта государственной измены», предусмотренного Законом об иммиграции и гражданстве 1952 года. К натурализованному гражданину активно применяется мера прекращения гражданства за совершенные уголовные преступления. Подобные обстоятельства прямо свидетельствуют о придании государством высокого статуса гражданству своей страны [3, с. 89]. Подобный подход к институту прекращения гражданства предусмотрен законодательством Казахстана. Конституция и Уголовный кодекс Казахстана содержат положения, прекращающие гражданство по воле государства в отношении лиц, совершивших действия против национальных интересов или уголовное преступление, за которое определено наказание как за террористические преступления, а также иные преступления, причинившие тяжкий вред жизненно важным интересам Республики Казахстан⁴.

² Конвенция о сокращении безгражданства : Нью-Йорк, 30 августа 1961 г. Ст. 7, 8 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2541075/> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Там же. Ст. 7.

⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан : от 3.07.2014 № 226-V. Ст. 175, 178 // ИПС «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 11.11.2024).

Таким образом, международное право и национальные законодательства иностранных государств содержат правовые нормы, которые позволяют добровольно выйти из гражданства человеку, или государству в одностороннем порядке прекратить правовую связь с гражданином, действия которого выражаются в несоблюдении законодательства, угрожают государственной безопасности, а также в случае предоставления ложной информации или поддельных документов. Содержание подобных правоотношений исходит из осознания мировым сообществом общечеловеческих ценностей, основу которых составляют права, свободы и обязанности, что означает признание гражданина и государства равноправными и равнообязанными субъектами конституционно-правовых отношений. Сам факт прекращения правовой связи по воле любого субъекта порождает между ними разрыв юридических и политических состояний. С другой стороны, возможность государства в одностороннем порядке регулировать отношение к гражданину определенной личности, можно расценивать как выражение его суверенного права.

Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» новым институтом прекращения гражданства сочетает общепризнанные правовые нормы международного права и национального законодательства большинства иностранных государств. К основаниям прекращения гражданства относятся: «1) добровольное волеизъявление гражданина; 2) сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации, которое выражается: в совершении преступления (приготовление к преступлению или покушение на преступление), в совершении действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, в неисполнении обязанности по первоначальной постановке на воинский учет; 3) в установление факта представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения им заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство Российской Федерации; 4) иные основания, предусмотренные международными договорами»¹. Перечень оснований прекращения гражданства, по сути, закрепляет два вида правоотношений: добровольное волеизъявление гражданина выйти из гражданства и прекращение гражданства по инициативе государства. Через институт прекращения гражданства формируются равноправные отношения между гражданином и государством.

С одной стороны, закон допускает прекращение гражданства по инициативе гражданина (выход из гражданства Российской Федерации), основанной на доброй воле и желании самого человека расторгнуть взаимные права и обязанности с государством. Воспользоваться

¹ О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ. Ст. 22 // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (дата обращения: 01.11.2024).

этим основанием вправе как граждане по праву рождения (филиации), так и натурализованные граждане. Это положение приобретает особое значение для граждан, которые желают постоянно проживать за пределами нашего государства, а внутреннее законодательство иностранного государства предполагает получение гражданства после выхода из ранее имевшегося. Приобретение иностранного гражданства не проводит к «автоматическому» выходу из российского гражданства. Процедура выхода из гражданства осуществляется на основании представления гражданином заявления в соответствующий государственный орган. Добровольный выход из гражданства выражает самостоятельное решение вопроса гражданства индивидом через проявление его свободы выбора. Выход из гражданства по инициативе гражданина обеспечивает реализацию демократического принципа прав и свобод человека и гражданина, а также соответствует положениям международного права.

С другой стороны, прекращение гражданства Российской Федерации может осуществляться по инициативе государства, которое представлено тремя основаниями: совершение преступления (ст. 24); установление факта представления поддельных, подложных или недействительных документов, ложных сведений (ст. 25); совершение действий, угрожающих национальной безопасности Российской Федерации (ст. 26).

Российский закон о гражданстве расширил перечень статей Уголовного кодекса Российской Федерации, по которым привлеченный к уголовной ответственности натурализованный гражданин прекращает гражданство по инициативе государства. Основной состав статей дополнен характерными преступлениями, наиболее часто совершаемых мигрантами. Этим шагом проводится своего рода граница отношения натурализованного гражданина к правомерному поведению. Соблюдение российского законодательства воспринимается как желание адаптироваться в новом обществе, и напротив, его несоблюдение ставит под сомнение обоснованность получения гражданства [5]. Вопросы обоснованного прекращения гражданства ранее выступали предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Согласно его позиции, «установленный судом факт совершения преступления, подтвержденный обвинительным приговором суда, является достаточным основанием отмены решения о приобретении гражданства. Совершение таких деяний приравнивается к факту сообщения лицом заведомо ложных сведений о том, что оно обязуется соблюдать Конституцию Российской Федерации и российское законодательство, и свидетельствует об осознанном и устойчивом отказе виновного от обязательства быть верным России»².

² Об отказе в приятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11.02.2021 № 183-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=657744#2xnbEcUS3Jzq6hX71> (дата обращения: 11.11.2024).

Другим важным основанием прекращения гражданства выступают действия, посягающие на национальную безопасность. В отечественном законодательстве национальная безопасность определяется как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»¹. Национальная безопасность во многом зависит от внешней политики государства, поскольку включает действия и решения, связанные с защитой основных внутренних ценностей государства от внешних угроз. Оценка защищенности будет складываться из того, насколько серьезно государство воспринимает характер опасности, исходящей извне, а также какое влияние на национальную идентичность и наиболее важные жизненные интересы она проявляет. Влияние внешней политики выступает предпосылкой для изменения внутреннего законодательства в сторону ужесточения. Последнее выражено в праве органов федеральной службы безопасности выносить заключение о факте совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, без судебного решения². Ужесточение норм законодательства с целью обеспечения общественной безопасности и предотвращения угроз национальной безопасности выражено и в бессрочном применении положений статей 24 и 26 закона о гражданстве: их применение «не зависит от времени совершения преступления, даты вынесения приговора суда об осуждении за совершение преступления и даты принятия решения о приеме в гражданство»³. Только по факту представления поддельных, подложных или недействительных документов применение денатурализации ограничено десятилетним сроком со дня принятия решения о приеме в гражданство Российской Федерации или о признании гражданином Российской Федерации⁴.

Следует напомнить, что все основания прекращения гражданства по инициативе государства распространяются исключительно на натурализованных граждан, которые не утратили иностранное гражданство. Ранее действовавший российский закон о гражданстве предусматривал отказ от иностранного гражданства (до поправок 2018 года). После отмены этой правовой нормы натурализованный гражданин, приобретая российское

гражданство, фактически обладает двойным гражданством. Институт прекращения гражданства восстанавливает статус иностранного гражданина, что в целом меняет его правовое положение и условия пребывания на территории нашего государства. Иностранцев граждан с криминальной историей депортируют, выдворяют или экстрадируют с территории России, а также им закрывается последующий въезд. Так, по итогам служебной деятельности миграционной службы МВД России только за первое полугодие 2024 года в отношении 1053 лиц принято решение о прекращении гражданства Российской Федерации⁵. Подобные правовые методы позволяют регулировать миграционные процессы и обеспечивать общественную и национальную безопасность.

Приобретая гражданство Российской Федерации, не все натурализованные граждане искренне желают адаптироваться в российском обществе. Стоит согласиться с мнением Э. Р. Хайруллина, что «появляются граждане-иммигранты, которые воспроизводят культуру и нормы своего политического сообщества. Эти процессы существовали всегда, но только в последние десятилетия под влиянием современной глобализации и демократизации политические сообщества перестали справляться с ассимиляцией весьма неоднородного в культурном отношении пришлого населения. В итоге, единство политического сообщества как элемент суверенитета нарушается» [6, с. 137]. Сегодня появляются этнические анклавов, где проживают натурализованные граждане. Исследователи отмечают разные причины их появления. Так, В. В. Константинов и Р. В. Осин связывают анклавизацию «со стремлением к созданию комфортных условий для проживания в чуждой культурной среде» [4, с. 54]. По мнению В. А. Волоха и А. Н. Сандугея, «основная причина беспокойства в потенциальной потере национальной идентичности, угрозе национальной безопасности и возможности создания отдельных законодательных и политических структур, не согласованных с существующими правовыми и политическими институтами страны» [2, с. 63]. Образование этнических анклавов из натурализованных граждан подрывает государственный суверенитет, поскольку приводит к формированию очагов общественной напряженности, основанных на ксенофобии, национальной нетерпимости и вражде. По мнению Е. В. Виноградовой и С. И. Захарцева, «для современной России укрепление государственности связано с поисками теоретических моделей, детерминирующих процессы ее усиления, поэтому необходимо осознание того, что основанные на концепции национального суверенитета формы — автономия и анклавов, могут создавать предпосылки для угрозы государственному суверенитету» [1, с. 163]. В этой связи внедрение института прекращения гражданства

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. П. 5 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 11.11.2024).

² О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ. Ст. 26 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (дата обращения: 01.11.2024).

³ Там же. Ст. 24, 26.

⁴ Там же. Ст. 25.

⁵ Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь-июль 2024 года официальный сайт МВД России, статистические сведения о миграционной ситуации // МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/54762494/> (дата обращения: 01.11.2024).

способно снизить общественную напряженность, а также выступает сдерживающим фактором для формирования в обществе разногласий.

Как справедливо замечает сенатор Совета Федерации А. А. Клишас, «институт прекращения гражданства в России не стоит путать с механизмом юридической ответственности, которым он является в ряде западных юрисдикций. ...Отечественный институт прекращения гражданства по своей природе не представляет собой форму проявления неравенства гражданства: российское гражданство является равным (ч. 1 ст. 6 Конституции РФ), что означает наличие равного объема прав, свобод и обязанностей у всех граждан России, независимо от оснований приобретения гражданства. В этой связи можно констатировать, что российское правовое регулирование предполагает более высокий стандарт гарантий прав человека, чем многие западные правовые порядки, создавая все необходимые условия для недопущения девальвации ценности гражданства»¹. Институт прекращения гражданства выступает обратным процессом, который преследует возможность повлиять на сознание новых граждан дорожить и ценить обретенный статус гражданина Российской Федерации.

Исходя из того, что суверенитет государства проявляется в верховенстве, независимости и самостоятельности государственной власти, можно утверждать, что суверенное право государства заключается в способности принимать правовые нормы, контролирующие круг лиц, наделенных политико-правовыми правоотношениями. Условием участия человека в политическом управлении государством является наличие гражданства.

¹ Клишас А. К вопросу о правовой природе прекращения гражданства // Парламентская газета. 2023. 13 янв. URL: <https://www.pnp.ru/politics/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-mekhanizma-prekrasheniya-grazhdanstva.html> (дата обращения: 11.11.2024).

Внедрение института прекращения гражданства направлено на создание средств, способных предупредить наступление противоправных действий со стороны натурализованных граждан и воспитывать в них обязанность соблюдать российское законодательство. Государство же оставляет за собой суверенное право решать, кто достоин обладать статусом гражданина.

Заключение и выводы

Совершение натурализованным гражданином преступления увеличивает криминальную среду, нарушает общественный порядок и создает угрозу национальной безопасности нашего государства. Нежелание получившего гражданство стать законопослушным российским гражданином позволяет государству применять в отношении этой категории граждан властные полномочия в форме конституционно-восстановительной меры прекращения гражданства Российской Федерации и восстанавливать статус иностранца со всеми вытекающими правовыми последствиями. Внедрение института прекращения гражданства предупреждает о возможном наступлении правовых последствий и выступает сдерживающим фактом совершения уголовных преступлений, включая преступления создающих угрозу национальной безопасности. С другой стороны, заставляет задуматься о правовых последствиях прекращения гражданства Российской Федерацией. В свою очередь, опасение за потерю гражданства повышается престиж обладания российским гражданством.

Подводя итог, можно сделать вывод, что институт прекращения гражданства Российской Федерации обладает двойственной природой, поскольку регулирует миграционную сферу, обеспечивая общественную и национальную безопасность страны, а также выражает суверенное право государства поддерживать высокий статус российского гражданства.

Список источников

1. Виноградова Е. В., Захарцев С. И. Суверенитет: государство — личность — государство. Российская модель // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 156–163. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-1-156-163
2. Волох В. А., Сандугей А. Н. О противодействии созданию в Российской Федерации анклавов и некоторых мерах по формированию условий для временного проживания иностранных работников в России // Власть. 2024. Т. 32, № 1. С. 61–68. DOI: 10.31171/vlast.v32i1.9940
3. Долгиев М. М., Долгиева М. М. Прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступлений или действий, создающих угрозу национальной безопасности: сравнительно-правовой аспект // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 3 (208). С. 85–95. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.085-095
4. Константинов В. В., Осин Р. В. Особенности отношения к мигрантам в условиях медиавоздействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, № 1. С. 53–57.
5. Майорова Е. Н. Соблюдение права на уважение семейной жизни при назначении административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 1 (24). С. 51–56.
6. Хайруллин Э. Р. Трансформация суверенитета в условиях глобальных процессов // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8, № 3 (31). С. 132–143. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(3).132-143

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 26.11.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 12.01.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2025.

Научная статья
УДК 342
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-34-38

С. 34–38

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Андрей Вадимович Нечкин¹, Валентина Викторовна Руденко²

¹ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
super.nechkin@gmail.com

 <https://orcid.org/0000-0002-3032-9240>

² Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
emikh.valentina@gmail.com

 <https://orcid.org/0000-0002-6641-691X>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности законодательства Свердловской области по вопросам правового мониторинга и проблемы его применения. Авторы отмечают достоинства сложившегося механизма правового мониторинга в Свердловской области: разработан специализированный закон области по вопросам правового мониторинга, наряду с мониторингом практики применения законодательства осуществляется мониторинг состояния законодательства, разработаны и применяются показатели данного вида мониторинга, нормативно закреплены критерии эффективности применения нормативных правовых актов, создана уникальная институциональная основа мониторинга на базе Уральского института регионального законодательства, успешно функционирует автоматизированная информационная система «Регион-Закон». В то же время требуется изменения законодательства Свердловской области по следующим направлениям: 1) коррекция институциональной основы мониторинга за счет изменения порядка формирования Совета по мониторингу законодательства Свердловской области и мониторингу практики его применения или изменения порядка подготовки доклада о состоянии законодательства Свердловской области, 2) доработка системы показателей мониторинга, 3) установление требований к содержательному наполнению документов по итогам мониторинга, 4) совершенствование механизма исполнения результатов мониторинга.

Ключевые слова: правовой мониторинг, мониторинг законодательства, мониторинг правоприменения, региональное законодательство, Свердловская область, доклад о состоянии законодательства

Для цитирования: Нечкин А. В., Руденко В. В. Правовой мониторинг в Свердловской области: состояние законодательства и перспективы совершенствования // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 34–38. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-34-38

Research article

LEGAL MONITORING IN THE SVERDLOVSK REGION: THE STATE OF LEGISLATION AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Andrey V. Nechkin¹, Valentina V. Rudenko²

¹ Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia
super.nechkin@gmail.com

 <https://orcid.org/0000-0002-3032-9240>

² Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
emikh.valentina@gmail.com

 <https://orcid.org/0000-0002-6641-691X>

Abstract. The article considers the features of the Sverdlovsk region legislation on legal monitoring and the problems of its application. The authors note the advantages of the existing mechanism of legal monitoring in the Sverdlovsk region. The region adopted a specialized regional law on legal monitoring, which enshrines monitoring indicators, a unique institutional basis for monitoring based on the Ural Institute of Regional Legislation, and a mechanism for implementing monitoring results. It has accumulated experience in monitoring the state of legislation in addition to monitoring law enforcement and has created an automated information system “Region-Law”. At the same time, the article concludes on the necessity of changes in the following areas: 1) correction of the institutional basis for monitoring by changing the procedure for

forming the Council for Monitoring Legislation of the Sverdlovsk Region and Monitoring the Practice of Its Application or changing the procedure for preparing a report on the legislation of the Sverdlovsk Region, 2) improvement of the system of monitoring indicators, 3) establishment of requirements for the substantive content of documents on the results of monitoring, 4) improvement of the mechanism for implementing monitoring results.

Keywords: legal monitoring, monitoring of legislation, law enforcement monitoring, regional legislation, Sverdlovsk region, report on the legislation

For citation: Nechkin AV, Rudenko VV. Legal monitoring in the sverdlovsk region: the state of legislation and prospects for improvement. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):34-38. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-34-38

Введение

В Российской Федерации на сегодняшний день отсутствует общефедеральное регулирование вопросов, связанных с правовым мониторингом на законодательном уровне. Действуют лишь подзаконные акты — Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»¹ и принятое для конкретизации его положений постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации»².

Однако на уровне многих субъектов Российской Федерации существует довольно развитое законодательное регулирование вопросов осуществления правового мониторинга. Причем, нельзя не отметить, что «степень самостоятельности субъектов Российской Федерации в регламентации правового мониторинга на региональном уровне по-прежнему довольно высока» [2, с. 5]. Такое положение вещей обусловлено во многом отсутствием на федеральном уровне закона, который бы комплексно регулировал вопросы нормотворчества и порядок подготовки, принятия, вступления в силу, официального опубликования нормативных правовых актов.

Материалы и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы осуществления правового мониторинга и его отдельных разновидностей, научная литература по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников, а также герменевтический метод.

Описание результатов исследования

В Свердловской области накоплен уникальный опыт регламентации правового мониторинга, а также его практического осуществления. В данном субъекте приняты Закон Свердловской области от 10 марта 1999 г. № 4-ОЗ «О правовых актах в Свердловской области»³, в котором даны определения нормативного правового акта и применения права, которые собственного и выступают

объектами правового мониторинга, и специализированный законодательный акт по вопросам мониторинга — Закон Свердловской области от 17 октября 2013 г. № 84-ОЗ «О мониторинге законодательства Свердловской области и мониторинге практики его применения» (далее — Закон Свердловской области о мониторинге)⁴, который в сравнении с нормативным правовым регулированием на федеральном уровне подходит к понятию мониторинга более обстоятельно, разделяя мониторинг законодательства и мониторинг практики его применения.

Иными словами, своеобразие принятого в Свердловской области подхода в регулировании мониторинга заключается в том, что выделены два органично взаимосвязанных вида мониторинговой деятельности. В рамках первого оценивается состояние законодательства, а в рамках второго — имеющаяся информация о применении законодательства. Тут уместно отметить, что в других субъектах Российской Федерации предмет осуществляемого правового мониторинга может пониматься еще более широко. Яркий тому пример — Ямало-Ненецкий автономный округ, где предусмотрен мониторинг правового пространства. Или, наоборот, более узко, по аналогии с федеральным нормативным правовым регулированием, где предусмотрен исключительно мониторинг правоприменения.

Вместе с тем чрезмерное расширение предмета мониторинговой деятельности за счет выделения новых его разновидностей представляется крайне сомнительным с точки зрения конечной эффективности такого рода деятельности, равно как и обратный процесс — сужение в случае выделения только мониторинга правоприменения.

Видится целесообразным придерживаться дуального подхода, который предполагает анализ самой нормы и практики ее применения [8, с. 87; 4, с. 15]. Однако считаем обязательным нормативное закрепление факта взаимосвязи категорий «мониторинг законодательства» и «мониторинг практики применения законодательства» в качестве составных частей более общего понятия — «правовой мониторинг», чего пока, к сожалению, в действующем законодательстве Свердловской области, в отличие, например, от законодательства Московской области, с необходимой очевидностью не прослеживается. Хотя есть все основания полагать, что областной

¹ Российская газета. 2011. 25 мая (№ 110).

² Российская газета. 2011. 24 авг. (№ 186).

³ Областная газета. 1999.13 марта (№ 48).

⁴ Областная газета. 2013. 19 окт. (№ 475–477).

законодатель, разрабатывая Закон Свердловской области «О мониторинге законодательства Свердловской области и мониторинге практики его применения», упомянутую взаимосвязь предполагал хотя бы на том основании, что согласно ст. 24 данного закона предусмотрена подготовка отчетов о результатах мониторинга законодательства Свердловской области и мониторинга практики его применения.

Важной особенностью правового мониторинга на территории Свердловской области является то, что в нем предусматривается участие специализированного координационного органа — Совета по мониторингу законодательства, а также специализированного учреждения Свердловской области в сфере осуществления мониторинга законодательства Свердловской области и мониторинга практики его применения, которым является Уральский институт регионального законодательства (далее — УИРЗ). УИРЗ осуществляет подготовку проектов актов, их правовую экспертизу и в дальнейшем мониторинг состояния законодательства и практики правоприменения. Ситуация осложняется так же и тем, что УИРЗ, по сути, является на сегодняшний день монополистом в сфере подготовки проектов законов Свердловской области.

Полагаем, что следует полностью согласиться с высказанной в литературе точкой зрения о том, что «модели, предполагающие организацию „невключенного“ [1] правового мониторинга, в большей степени способны раскрыть потенциал мониторингового исследования, поскольку допускают возможность внешнего воздействия на государственные органы с экспертной позиции» [2, с. 9]. Спорным моментом также является позиционирование Совета по мониторингу в качестве отдельного субъекта мониторинга наряду с УИРЗом, при том, что данный совет функционирует при институте.

Подобная модель институциональной организации правового мониторинга не получила распространения на региональном уровне в силу необходимости значительного бюджетного финансирования подобных организаций. Вместе с тем на территории Свердловской области создание подобной организации позволило существенно повысить уровень законодательства.

Степень невключенности правового мониторинга, осуществляемого на территории Свердловской области, является весьма условной и может быть дополнительно повышена, например, за счет изменения порядка формирования Совета по мониторингу законодательства Свердловской области. Так, можно наделить субъекты, чьи представители на сегодняшний день должны входить в состав Совета, правом самостоятельно назначать их без участия Губернатора Свердловской области, который на данный момент формирует данный орган.

Полагаем также, что в положениях Закона Свердловской области о мониторинге следует законодательно закрепить равные пропорции представительства в составе Совета по мониторингу законодательства Свердловской области от всех субъектов, которые наделены таким правом.

Дополнительно целесообразно предусмотреть требование об обязательном привлечении специализированным учреждением Свердловской области научных организаций для подготовки докладов о состоянии законодательства Свердловской области.

Еще одним вариантом изменения законодательства области в этой сфере может быть изменение порядка подготовки ежегодного доклада о состоянии законодательства и практики его применения. Исполнитель может определяться из числа научных и образовательных организаций на конкурсной основе.

Далее хотелось бы заострить внимание на мониторинговых показателях. В Свердловской области на законодательном уровне закрепляются показатели мониторинга законодательства (ст. 17 Закона Свердловской области о мониторинге) и показатели мониторинга практики применения законодательства (ст. 21 Закона Свердловской области о мониторинге). Если показатели первой группы являются уникальными — разработаны и применяются только в Свердловской области, — то показатели второй группы формулируются путем отсылки к показателям, применяемым на федеральном уровне при осуществлении мониторинга правоприменения. Сделано это было, вероятно, исходя из сугубо утилитарных соображений, для того чтобы упростить взаимодействие федерального и регионального уровней власти при осуществлении мониторинга правоприменения в Российской Федерации.

Полагаем, что в случае с показателями мониторинга практики применения законодательства в Свердловской области, возможно, было бы произвести некоторое расширение, с целью синхронизации с собственными показателями мониторинга законодательства, тем более, что утвержденная Правительством Российской Федерации Методика осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации допускает такую возможность. При том, что как минимум один из таких дополнительных критериев уже установлен. На нормативном уровне закреплены критерии эффективности реализации актов (ст. 23 Закона Свердловской области о мониторинге). К ним отнесены: 1) достижение целей и задач принятия акта; 2) социальная и экономическая результативность реализации акта; 3) правовое, финансовое, организационное, кадровое и иное обеспечение реализации акта.

Полагаем, что система критериев мониторинга законодательства, разработанная в Свердловской области, может быть успешно заимствована и в других регионах: реализация правотворческих полномочий субъекта РФ, соответствие законодательства субъекта российскому законодательству, наличие изменений российского законодательства, влекущего изменения регионального законодательства, соответствие актов региона актам большей юридической силы, наличие потребности в правовом регулировании общественных отношений актами субъекта РФ, соблюдение пределов компетенции государственных органов субъекта РФ при принятии актов субъекта РФ, полнота правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений, системность

правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений. Но в то же время ряд показателей нуждаются в точном определении на нормативном уровне — полнота и системность правового регулирования.

Важной особенностью и в то же время несомненным достоинством осуществляемого на территории Свердловской области правового мониторинга можно считать его информационное обеспечение и уровень регламентации данного вопроса.

Закрепленный в ст. 20 Закона Свердловской области о мониторинге перечень источников информации, используемой в ходе мониторинга, включает большее число источников по сравнению в перечнем в федеральной Методике осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации, но вместе с тем подобной подход — определение информационной основы через причисление возможных источников информации, которые может использовать эксперт, — крайне неудачный. Остается неясным, какого объема информации достаточно для проведения мониторинга и обязательно ли эксперту задействовать все источники информации, перечисленные в Методике [7, с. 4]. Также остаются неурегулированными вопросы, каким образом поступившая информация используется — в полном объеме или частично, и обязательно ли собрать информацию из всех источников. Перечисленные в законе источники можно условно поделить на официальные и неофициальные. В идеале эксперт должен учесть все доступные источники, но зачастую сотрудники органов публичной власти используют лишь имеющуюся в их распоряжении информацию. В связи с этим представляется необходимо указать на необходимость учета информации как из официальных, так и неофициальных источников, и в случае расхождения информации указать на это в документе по результатам мониторинга. Кроме того, требуется запросить необходимую информацию при ее отсутствии.

В Свердловской области предусмотрено создание и ведение информационно-правовых систем, содержащих информацию о состоянии законодательства Свердловской области и практики его применения. В ст. 25 Закона Свердловской области о мониторинге предусмотрена модель информационного наполнения подобных систем: перечень правотворческих полномочий региона, информация о реализации таких полномочий, паспорта актов региона, статистические и иные сведения об исполнении актов, перечень актов региона, перечень актов региона, в которые необходимо внести изменения в связи с изменением федерального и регионального законодательства. Такие системы созданы в аппарате Законодательного Собрания Свердловской области, аппарате Губернатора Свердловской области и УИРЗе (информационная система «Регион-Закон» для мониторинга полномочий органов государственной власти Свердловской области¹), но данные системы имеют ограниченный

доступ и, к сожалению, на сегодняшний день не позволяют обрабатывать массивы информации с помощью искусственного интеллекта по заданным моделям правового мониторинга, хотя правовой мониторинг является именно той сферой, где может быть задействованы технологии искусственного интеллекта для обработки больших данных [3, с. 7]. В литературе по этому поводу совершенно верно отмечается, что информационное обеспечение мониторинга является его важнейшим элементом [6, с. 143–149], но в то же время данный вопрос остается проблемным, прежде всего в силу необходимости существенных затрат, прежде всего материальных [2, с. 9; 5, с. 3]. Именно поэтому далеко не случайно, что на федеральном уровне, а также во многих субъектах РФ, автоматизированные информационные системы по обеспечению правового мониторинга в принципе не созданы, и их нормативное правовое регулирование обходится стороной либо остается крайне фрагментарным.

Особое внимание в Законе Свердловской области о мониторинге уделяется результатам мониторинга и предпринята попытка законодательно оформить механизмы их исполнения (гл. 5). Предусмотрены 10 (!) вариантов использования результатов мониторинга, тогда как федеральное законодательство предусматривает только один вариант, а именно формулирование предложений по совершенствованию действующего законодательства. Но обозначенные в законе варианты сочетают как непосредственно формы реагирования по итогам проведенного анализа (формирование предложений по совершенствованию федерального и регионального законодательства), так и формы оформления результатов мониторинга (подготовка доклада о состоянии законодательства Свердловской области), а также формы информационного обеспечения мониторинга (создание информационно-правовых систем). Контроль за выполнением решений, принятых по результатам мониторинга, возлагается на государственные органы Свердловской области в пределах их компетенции, что ведет в формализации контрольной деятельности или ее игнорированию. Сам же итоговый доклад о состоянии законодательства Свердловской области имеет во многом описательный характер изменений законодательства, которые осуществлялись в анализируемый период, в связи с чем имеет значительный объем (доклад за 2023 год содержит более 300 страниц²), при этом предложения изменения законодательства занимают примерно десятую часть доклада. Изложенные результаты не привязаны к показателям мониторинга, в связи с чем проследить использованную методику не представляется возможным. Представляется,

полномочий субъекта Российской Федерации из федеральных законов и свод нормативных правовых актов Свердловской области. Система позволяет работать с единым комплексом правовой информации, отслеживать процесс реализации полномочий государственных органов Свердловской области [9].

² Доклад о состоянии законодательства Свердловской области в 2023 году. Екатеринбург, 2024. 337 с. URL: <https://uirz.ru/Publ/doklad2023.pdf?ysclid=m6trpkajc2r852161102> (дата обращения: 05.02.2025).

¹ В состав системы входят база законодательных актов Российской Федерации, которыми установлены полномочия государственных органов субъектов Российской Федерации, база

что эффективность анализируемых норм может быть повышена посредством: 1) указания на конкретную информацию, которая должна быть отражена в документах по итогам мониторинга; 2) привязкой результатов к показателям, по которым проводился анализ; 3) указание на источники информации, на основании которых произведен анализ, и анализ данной информации.

Важнейшим вопросом, связанным с осуществлением правового мониторинга, безусловно, следует считать обязательность учета его результатов для нормотворческих органов. Полагаем, что Закон Свердловской области о мониторинге должен содержать прямое указание на обязательность учета результатов мониторинга законодательства Свердловской области и практики его применения и развитие контрольных механизмов в целях отслеживания учета результатов мониторинга.

Заключение

В Свердловской области разработано и действует прогрессивное законодательство по вопросам правотворчества и правового мониторинга, которое во многом опережает федеральное законодательство: разработан

специализированный Закон Свердловской области о мониторинге, наряду с мониторингом практики применения законодательства осуществляется мониторинг состояния законодательства, разработаны и применяются показатели данного вида мониторинга, нормативно закреплены критерии эффективности применения нормативных правовых актов, создана уникальная институциональная основа мониторинга на базе УИРЗа, успешно функционирует автоматизированная информационная система «Регион-Закон».

В то же время представляется необходимым дальнейшее совершенствование законодательства Свердловской области по вопросам правового мониторинга. В частности, может быть скорректирована институциональная основа мониторинга за счет изменения порядка формирования Совета по мониторингу законодательства Свердловской области и мониторингу практики его применения или изменения порядка подготовки доклад о состоянии законодательства Свердловской области, необходимо продолжить работу над показателями мониторинга, содержательным наполнением документов по итогам мониторинга и механизма их исполнения.

Список источников

1. Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. Москва : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009. 196 с.
2. Блещик А. В., Руденко В. В. Правовой мониторинг в субъектах Российской Федерации: особенности регламентации // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 4–12.
3. Бояринцева О. А. Мониторинг правоприменения законодательных актов на Федеральном и региональном уровнях: к вопросу цифровой трансформации // Современные проблемы конституционного и информационного права. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2023. С. 1–9.
4. Галиев Т. Т. О правовом мониторинге // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2014. № 1 (33). С. 86–89.
5. Желдыбина Т. А. Правовой мониторинг: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 2–5.
6. Залоило М. В. Современные юридические технологии в правотворчестве : науч.-практ. пособие. Москва : Норма, 2020. 184 с.
7. Здоровцева А. А., Климова О. В. Проблема определения показателей мониторинга правоприменения // Ученые заметки ТОГУ. 2014. Т. 5, № 4. С. 1–4.
8. Правовой мониторинг : научно-практическое пособие / Коллектив авторов. Москва : Юриспруденция, 2009. 293 с.
9. Систематизация полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации: опыт применения в Свердловской области / М. В. Кучин, Э. Л. Воробьева, А. В. Щипанов [и др.] // Евразийский юридический журнал. 2009. № 10 (17). С. 66–69.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 06.02.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.02.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.02.2025.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОПАГАНДУ ЛИБО ПУБЛИЧНОЕ ДЕМОНСТРИРОВАНИЕ ЗАПРЕЩЕННОЙ АТТРИБУТИКИ И СИМВОЛИКИ

Пошелов Павел Викторович¹, Пестерева Юлия Сергеевна², Александра Николаевна Шагланова³

¹ *Сибирский юридический университет, Омск, Россия*

poshelov@bk.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5233-9116>

^{2,3} *Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия*

² *pestereval3@yandex.ru*

 <https://orcid.org/0000-0001-6363-7496>

³ *shaglanova.a@yandex.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-6741-3243>

Аннотация. В статье на основании изучения текстов судебных решений рассматриваются ошибки, допускаемые судами при применении статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. К наиболее существенным из таковых относятся: соотношение понятий атрибутики и символики; соотношение таких наказуемых действий, как демонстрирование и пропаганда; использование в судебных актах формулировок, не совпадающих с диспозицией рассматриваемой нормы; смешение ответственности по статьям 20.3.1 и 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; привлечение к ответственности за демонстрацию символики террористических организаций; соотношение нацистской символики с символикой, сходной с ней до степени смешения; отсутствие единого подхода к признанию таких действий длящимися в рамках различных нормативных актов — КоАП РФ и УК РФ; отнесение сходности до степени смешения также, помимо нацистской символики, и к символике экстремистских организаций. Кроме того, были обнаружены дефекты в законодательстве, в частности, несогласованность в формулировках рассматриваемой статьи с целевым законом о противодействии экстремизму. Авторами приведены собственные позиции по вопросам применения рассматриваемой нормы, а также приведены предложения по совершенствованию действующего административно-деликтного и иного законодательства.

Ключевые слова: демонстрация запрещенной атрибутики или символики, пропаганда запрещенной атрибутики или символики, нацизм, экстремизм, административная ответственность

Для цитирования: Пошелов П. В., Пестерева Ю. С., Шагланова А. Н. Проблемы правоприменения нормы, предусматривающей ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование запрещенной атрибутики и символики // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 39–43. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-39-43

Research article

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT OF THE NORM PROVIDING FOR RESPONSIBILITY FOR PROPAGANDA OR PUBLIC DISPLAY OF PROHIBITED PARAPHERNALIA AND SYMBOLS

Pavel V. Poshelov¹, Julia S. Pestereva², Alexandra N. Shaglanova³¹ Siberian Law University, Omsk, Russia

poshelov@bk.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5233-9116>^{2,3} Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow, Russia² pestereva13@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-6363-7496>³ shaglanova.a@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-6741-3243>

Abstract. Based on the study of the texts of court decisions, the article examines the mistakes made by the courts when applying Article 20.3 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The most significant of these include: the ratio of the concepts of attributes and symbols; the ratio of such punishable actions as demonstration and propaganda; the use of formulations in judicial acts that do not coincide with the disposition of the norm in question; the confusion of responsibility under articles 20.3.1 and 20.3; bringing to justice for the demonstration of symbols of terrorist organizations; the correlation of Nazi symbols with symbols that are confusingly similar to it; the lack of a unified approach to recognizing such actions as continuing within the framework of various regulations — the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation; the attribution of similarities to the degree of confusion also, in addition to Nazi symbols, and to the symbols of extremist organizations. In addition, defects were found in the legislation, in particular, inconsistencies in the wording of the article in question with the targeted law on countering extremism. The authors present their own positions on the application of the norm in question, as well as suggestions for improving the current administrative-tort and other legislation.

Keywords: demonstration of prohibited paraphernalia or symbols, propaganda of prohibited paraphernalia or symbols, nazism, extremism, administrative responsibility

For citation: Poshelov PV, Pestereva JS, Shaglanova AN. Problems of law enforcement of the norm providing for responsibility for propaganda or public display of prohibited paraphernalia and symbols. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):39-43. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-39-43

Введение

Ответственность за пропаганду либо демонстрацию запрещенной (далее по тексту мы будем использовать термин «запрещенной» как обобщающее понятие для атрибутики и символики, пропаганда и демонстрация которых запрещено рассматриваемой нами статьей) атрибутики или символики предусмотрена статьей 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Значимость охраны соответствующих общественных отношений (и, соответственно, их научного исследования) подтверждает тот факт, что федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ законодателем за повторное совершение такого деяния была установлена уголовная ответственность статьей 282.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Материал и методы

Авторами были рассмотрены и проанализированы 78 судебных решений в рамках привлечения к ответственности по рассматриваемой статье, взятых с сайтов sudact.ru, ГАС РФ «Правосудие». Основу данного исследования составляет совокупность различных методов

познания, включающих в себя как диалектический метод, так и методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, формально-юридический и сравнительно-правовой.

Описание исследования

Рассмотрим основные проблемы, возникающие при применении статьи 20.3 КоАП РФ.

1. Необходимо выбирать из диспозиции статьи 20.3 КоАП РФ конкретные действия, за совершение которых суд будет осуждать лицо. В большинстве приговоров суды признают лицо виновным и в пропаганде, и в демонстрации запрещенной атрибутики и символики (что должно составлять разный объем осуждения — либо мы осуждаем лицо за совершение одного действия из перечисленных в диспозиции, либо за совершение двух), но описание действий, связанных с пропагандой, не описывается в судебном решении. В основном суды при определении того, что понимается под демонстрацией, используют термин, содержащийся в утратившем силу законе г. Москвы от 15 января 1997 г. № 1 «Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории города Москвы»: «под демонстрацией

символики в судебной практике понимается её публичное выставление, показ, ношение, вывешивание, изображение, воспроизведение на страницах печатных изданий или в фото-, кино- и видеоматериалах, тиражирование и другие действия, делающие её восприятие доступным». Полагаем, что под пропагандой запрещенной атрибутики либо символики следует понимать деятельность, направленную на формирование у иных лиц убежденности в привлекательности данной атрибутики либо символики, представления о допустимости ее публичного демонстрирования. И по каждому делу необходимо устанавливать, была ли, помимо демонстрирования, еще и пропаганда, и в чем конкретно она выражалась. Нельзя не согласиться с утверждением А. Г. Кравченко о том, что процедура доказывания «свелась исключительно к установлению факта публикации... символики» [4, с. 11].

2. Также необходимо выбирать, в демонстрировании и пропаганде чего лицо будет осуждено: атрибутики, символики, либо же и того, и другого (что тоже должно составлять разный объем обвинения и осуждения). Во многих судебных решениях суды указывали на демонстрирование и атрибутики, и символики, однако в описании преступного деяния присутствовала только символика. Так, например, по одному из дел установлено, что подсудимый «допустил пропаганду и публичную демонстрацию атрибутики и символики запрещенной экстремистской организации «Арестантское уголовное единство» (АУЕ)¹, после чего речь в судебном решении идет только о восьмиконечной звезде — символике вышеуказанной запрещенной организации. По другому делу было установлено, что «на татуировке имеется нацистская атрибутика и символика, запрещенная к публичному демонстрированию, а именно главный символ нацистов — свастика»². Как видим, происходит смешивание этих двух терминов и толкование одного через другое.

3. Присутствуют случаи описания атрибутики и символики в формулировках, не соответствующих формулировкам статьи 20.3 КоАП РФ. В частности, подсудимая «...совершила публичную демонстрацию атрибутики и символики экстремистской направленности»³. Представляется необходимым соотносить принадлежность опубликованной символики либо к нацистской, либо к сходной с ней до степени смешения, либо к символике экстремистских организаций, либо к символике, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами.

4. Происходит смешение ответственности за возбуждение ненависти либо вражды по статье 20.3.1

КоАП РФ и демонстрации запрещенной атрибутики либо символики по статье 20.3 КоАП РФ. Так, по одному из дел в качестве одного из эпизодов был установлен «...факт публичной демонстрации атрибутики и символики международного общественного движения „Арестантское уголовное единство“»⁴ (запрещенной экстремистской организации). В итоге лицо было признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.3.1 КоАП РФ.

5. По ряду дел к ответственности привлекаются лица за демонстрацию символики террористических организаций. В частности, в одном из постановлений суда указано, что «...на протяжении всего видео демонстрируется атрибутика и символика флага „Исламского государства“, запрещенная на территории РФ»⁵ (Исламское государство — запрещенная в РФ террористическая организация).

Либо суды относят такую символику к символике экстремистских организаций (что не совсем верно, так как это разные категории — экстремистская и террористическая организация; списки таких организаций ведутся отдельно; ответственность за действия, связанные с этими организациями, дифференцирована), либо к иной символике, пропаганда и публичное демонстрирование которых запрещено в РФ. Так, по одному из дел суд указал, что «запрет на использование указанной символики (символики террористической организации Имарат Кавказ — прим. авторов) представляет собой меру, направленную на противодействие нацизму, экстремизму, фашизму и другим действиям, оскорбляющим память о жертвах, понесенных в Великой Отечественной войне, и ассоциирующимся с идеологией, запрещенной в силу статьи 13 (часть 5) Конституции Российской Федерации»⁶. Такой подход также представляется юридически неверным, поскольку речь идет о символике, запрет которой вытекает из Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» от 19.05.1995 № 80-ФЗ, а там речь идет о символике организаций, во время Великой Отечественной войны сотрудничавших с нацистской Германией. В целевом законе о противодействии терроризму не прописан прямой запрет на демонстрацию символики террористических организаций. В статье 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ к террористической деятельности относится, в числе прочего, пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо

¹ Постановление Нижнеудинского городского суда Иркутской области № 5-23/2023 от 27 декабря 2023 г. по делу № 5-23/2023 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

² Постановление Братского районного суда Иркутской области № 5-136/2023 от 4 декабря 2023 г. по делу № 5-136/2023 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

³ Постановление Первомайского районного суда г. Краснодара Краснодарского края № 5-486/2023 5-488/2023 от 22 сентября 2023 г. по делу № 5-486/2023 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

⁴ Постановление Карталинского городского суда Челябинской области № 5-35/2023 от 20 сентября 2023 г. по делу № 5-35/2023 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

⁵ Постановление Железнодорожного городского суда Курской области № 5-394/2021 от 3 июня 2021 г. по делу № 5-394/2021 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

⁶ Постановление Пермского районного суда Пермского края № 5-20/2019 от 23 января 2019 г. по делу № 5-20/2019 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности. Но демонстрация символики террористических организаций само по себе не призывает, не обосновывает и не оправдывает террористическую деятельность. Однако же публичное ее демонстрация может причинить боль и страдания жертвам террористической деятельности, поэтому запрет должен быть, и он должен быть подкреплен установлением за это ответственности. Поэтому представляется правильным урегулировать этот вопрос путем внесения изменений в статью 20.3 КоАП РФ, позволяющих привлекать к ответственности по этой статье за демонстрацию либо пропаганду атрибутики и символики террористических организаций (пропаганду именно символики, без пропаганды терроризма, поскольку за пропаганду терроризма предусмотрена уголовная ответственность статьей 205.2 УК РФ).

6. Зачастую суды ошибаются в отнесении той или иной символики к нацистской, либо сходной с нацистской до степени смешения. Так, по одному из дел подсудимый разместил «...в открытом доступе для неограниченного круга лиц изображения, в которых содержится атрибутика и символика, сходные с нацистской атрибутикой и символикой до степени смешения, а именно изображение, на котором присутствует эмблема 3-й танковой дивизии СС „Мертвая голова“ и герб третьего рейха — „государственный орел“»¹. Однако перечисленная символика относится к нацистской, а не сходной с нацистской до степени смешения. Проблематика отнесения той или иной символики к различным вариантам, закрепленным в диспозиции статьи 20.3 КоАП РФ, также была предметом рассмотрения в ряде научных статей [1, с. 421].

7. Любопытным представляется подход судов к определению ценности такого объекта, как общественный порядок и общественная безопасность. Во многих решениях указывается на недопустимость признания правонарушений этой главы малозначительными². Некоторые даже относят к признакам такого правонарушения повышенную общественную опасность (!): «оснований для признания совершенного ФИО1 деяния малозначительным судья, учитывая повышенную степень общественной опасности правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность государства, не усматривает»³. Это вызывает определенные сомнения, поскольку общественная опасность (тем

более повышенная) — это все же признак преступлений, а не административных правонарушений.

8. Достаточно часто лица привлекаются к ответственности за демонстрацию татуировок с запрещенной символикой. И в качестве аргумента защиты такие лица выдвигают тезис о том, что татуировка была нанесена еще до внесения соответствующей организации в список экстремистских. Однако, как верно этот тезис «разбивают» суды, «административное правонарушение, совершенное им, заключается не в нанесении татуировок, а в их публичном демонстрационном после принятия закона, запрещающего их публичное демонстрационное»⁴.

9. Правонарушение, предусмотренное статьей 20.3 КоАП РФ, в случае его совершения в сети Интернет большинство судов признают длящимся, соответственно, сроки давности отсчитываются не с момента опубликования запрещенной символики, а с момента ее обнаружения. В то же время такой подход в рамках применения схожих норм Уголовного кодекса Российской Федерации, практически не распространен. Представляется правильным урегулировать этот вопрос на уровне Верховного суда РФ путем внесения изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях», дающих судам позицию высшей судебной инстанции о допустимости признания таких преступлений к длящимся.

10. Одна из распространенных ошибок — неправильное толкование формулировки статьи 20.3 КоАП РФ. Фраза «сходной до степени смешения» относится только к нацистской атрибутике и символике, тогда как ее относят и к символике экстремистских организаций. Так, по одному из дел установлено, что «...материалы содержат атрибутику или символику, сходные до степени смешения с атрибутикой или символикой международного общественного движения „Арестантское уголовное единство“ (А.У.Е.) (чья деятельность запрещена на территории Российской Федерации)»⁵. Такая же ошибка встречается иногда и в научной среде [3, с. 47]. В то же время «отсутствие формальных институтов членства, единого руководства и, как следствие, единой символики» [2, с. 117] несколько усложняют деятельность как экспертов, так и правоприменителей.

11. В статье 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ к экстремистской деятельности в числе прочего относится использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени

¹ Постановление Октябрьского районного суда г. Рязани Рязанской области № 5-136/2020 от 3 февраля 2020 г. по делу № 5-136/2020 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

² Постановление Саровского городского суда Нижегородской области № 5-459/2019 от 6 сентября 2019 г. по делу № 5-459/2019 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.12.2024); Решение Костромского областного суда Костромской области № 12-59/2023 от 14 сентября 2023 г. по делу № 12-59/2023 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

³ Постановление Пермского районного суда Пермского края № 5-20/2019 от 23 января 2019 г. по делу № 5-20/2019 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

⁴ Решение Костромского областного суда Костромской области № 12-59/2023 от 14 сентября 2023 г. по делу № 12-59/2023 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

⁵ Постановление Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края № 5-58/2023 от 15 июля 2023 г. по делу № 5-58/2023 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций... Однако эта формулировка не совпадает по объему с формулировкой статьи 20.3 КоАП РФ. Так, в целевом законе отсутствует указание на иную символику, демонстрирование которой запрещено федеральными законами. Таким образом, сейчас получается следующая ситуация: в случае демонстрации нацистской символики либо символики экстремистских организаций содеянное будет образовывать состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.3 КоАП РФ, и одновременно с этим будет признано экстремистской деятельностью (со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде правоограничений). Если же демонстрируется иная запрещенная символика, лицо будет осуждено по статье 20.3 КоАП РФ, но к экстремистской деятельности такое деяние относиться не будет (что представляется неправильным: почему не считать экстремизмом демонстрацию символики организаций, сотрудничавших с нацистами во времена Великой Отечественной войны?). Соответственно, есть потребность во внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ в части отнесения таких действий в экстремистской деятельности. Безусловно, правы исследователи, которые отмечают неудачность определения экстремистской деятельности через перечень запрещенных действий [5, с. 194], однако в настоящее

время, до выработки единого легального понятия, приходится совершенствовать имеющийся перечень.

Заключение и вывод

Как видим, правоприменение (и законодательство) по рассмотренному нами правонарушению достаточно неоднозначно и проблемно. Часть ошибок мы постарались отразить с аргументацией относительно их исправления. Так, необходимо в каждом случае разграничивать демонстрирование и пропаганду, так же, как атрибутику и символику; формулировки в судебных актах должны соответствовать формулировкам диспозиции статьи 20.3 КоАП РФ; диспозиция статьи 20.3 КоАП РФ должна быть дополнена указанием на символику террористических организаций; в целях унификации правоприменения отдельные постановления Пленума Верховного суда РФ должны быть дополнены указанием на возможность признания соответствующих действий в качестве длящихся; отнесение фразы «сходной до степени смешения» только к нацистской атрибутике и символике; необходимо внести изменение в действующий закон о противодействии экстремизму в части отнесения к экстремистской деятельности демонстрирования либо пропаганды иной запрещенной атрибутики либо символики.

Все вышеперечисленное может быть использовано правоприменителями в ходе деятельности по привлечению лиц к административной ответственности.

Список источников

1. Арестова Е. Н., Борбат А. В. Проблемы противодействия публичной демонстрации и распространению фашистской и нацистской символики (правовой аспект) // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 5. С. 421–431.
2. Григоров Д. Н. Проблемы ответственности за пропаганду и демонстрирование символики, на которую распространяется правовой запрет // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 3 (51). С. 111–125.
3. Кияйкин Д. В. К вопросу экспертного исследования материалов, имеющих отношение к пропаганде или публичному демонстрированию нацистской атрибутики и символики, атрибутики или символики, сходных до степени смешения с нацистской атрибутикой и символикой, а также атрибутики или символики, сходных до степени смешения с атрибутикой или символикой международного общественного движения «А.У.Е» // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 1 (52). С. 47–53.
4. Кравченко А. Г. Деформации правовой ментальности в административной правоприменительной политике государства // Административное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 7–16.
5. Маликов М. А., Холходжаев М. К. К вопросу о понятии экстремизма // EJLFAS. 2024. № 4. С. 188–195.

ВКЛАД АВТОРОВ

Пестерева Ю. С., Шагланова А. Н. Подбор и оформление судебных решений и научной литературы.

Пошелов П. В. Выделение проблемы и предложение пути их решения.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

THE CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Pestereva Y. S., Shaglanova A. N. Judicial decisions and scientific literature were selected and formalized.

Poshelov P. V. Problems were identified and solutions were proposed.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 28.01.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.02.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.02.2025.

Научная статья
УДК 340.11:004.8
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-44-49

С. 44–49

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Марина Николаевна Степанова

Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал, Челябинск, Россия
mns017@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0006-3562-8705>

Аннотация. В данной статье исследуются теоретические и практические аспекты правового регулирования общественных отношений в условиях цифровой трансформации. Анализируются ключевые проблемы адаптации правовой системы к вызовам цифровой эпохи, включая несогласованность нормативной базы, отставание правового регулирования от темпов технологического развития и недостаточную эффективность существующих механизмов правового регулирования. Особое внимание уделяется вопросам развития информационного права как системообразующей отрасли и правовому регулированию новых технологий, в частности искусственного интеллекта и робототехники. Автором рассматривается современное состояние нормативно-правовой базы в сфере цифровых технологий, включая анализ ключевых законодательных актов и стратегических документов. Исследуются проблемы межотраслевой конкуренции в системе права и вопросы идентификации субъектов в цифровой среде. Анализируется международный опыт правового регулирования цифровой трансформации и возможности его адаптации к российским условиям. Рассматриваются ключевые риски цифрового неравенства и маргинализации населения в контексте технологического развития, а также вопросы обеспечения информационной безопасности в условиях геополитической напряженности. Обосновывается необходимость выработки и реализации инновационных подходов к нормотворчеству и государственному управлению в условиях стремительной цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, правовое регулирование, информационное право, искусственный интеллект, цифровая экономика, нормотворчество, правовая система

Для цитирования: Степанова М. Н. Регулирование правоотношений в эпоху цифровой трансформации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 44–49. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-44-49

Research article

REGULATION OF LEGAL RELATIONS IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION

Marina N. Stepanova

Ural Branch, Russian State University of Justice, Chelyabinsk, Russia
mns017@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0006-3562-8705>

Abstract. This article examines the theoretical and practical aspects of legal regulation of social relations in the context of digital transformation. It analyzes key challenges in adapting the legal system to the demands of the digital age, including inconsistencies in the regulatory framework, the lag of legal regulation behind the pace of technological development, and the insufficient effectiveness of existing legal regulation mechanisms. Particular attention is paid to the development of information law as a system-forming branch and the legal regulation of new technologies, specifically artificial intelligence and robotics. The current state of the regulatory legal framework in the field of digital technologies is considered, including an analysis of key legislative acts and strategic documents. The article explores issues of intersectoral competition within the legal system and problems of identifying subjects in the digital environment. International experience in the legal regulation of digital transformation and the possibilities of adapting it to Russian conditions are analyzed. The risks of digital inequality and marginalization of the population in the context of technological development, as well as issues of ensuring information security in conditions of geopolitical tension, are considered. The necessity of developing innovative approaches to lawmaking and public administration in the context of digital transformation is substantiated.

Keywords: digital transformation, legal regulation, information law, artificial intelligence, digital economy, lawmaking, legal system

For citation: Stepanova MN. Regulation of legal relations in the era of digital transformation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):44-49. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-44-49

Введение

В современных условиях наблюдается беспрецедентная трансформация общественных отношений, детерминированная активным развитием цифровых технологий. Данный процесс требует комплексного теоретического осмысления как с позиции права, так и с точки зрения социально-экономических последствий происходящих изменений.

Особую актуальность приобретает исследование правовой природы новых общественных отношений, формирующихся в цифровой среде. Существующие механизмы правового регулирования зачастую демонстрируют свою неэффективность перед лицом технологических вызовов, что обуславливает необходимость выработки инновационных подходов к нормативному регулированию. При этом решение данной задачи требует консолидации усилий представителей различных профессиональных сообществ, где юридическая экспертиза выступает важным, но не единственным компонентом.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания, включая диалектический метод, системный подход, формально-юридический, сравнительно-правовой методы и метод правового моделирования. Диалектический метод позволил изучить взаимосвязь и взаимообусловленность процессов цифровой трансформации и развития правового регулирования. Системный подход применялся для анализа правовой системы как целостного механизма регулирования общественных отношений в условиях цифровизации.

Формально-юридический метод был использован при анализе ключевых нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в цифровой среде, включая федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ¹, федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ², Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года, а также постановления и распоряжения Правительства РФ в сфере регулирования искусственного интеллекта³. Сравнительно-правовой метод применялся для

изучения международного опыта правового регулирования цифровой трансформации и возможностей его адаптации к российским условиям. Метод правового моделирования использовался при разработке концепции «прорывного регулирования» и формировании предложений по совершенствованию правового регулирования.

Эмпирическую базу исследования составили материалы правоприменительной практики, статистические данные о развитии цифровых технологий, аналитические материалы профильных государственных органов, экспертные оценки представителей научного сообщества и бизнес-структур, а также зарубежные нормативные акты и стратегические документы в сфере цифровой трансформации. Хронологические рамки исследования охватывают период с 2012 по 2023 год, что позволяет проследить динамику развития правового регулирования цифровой среды в России.

Результаты и обсуждение

Современный этап развития общества характеризуется рядом фундаментальных особенностей, среди которых следует выделить повсеместную цифровизацию социальных взаимодействий, расширение технологических возможностей индивидов и государственных институтов, трансформацию традиционных бизнес-моделей. Особого внимания заслуживает нарастающая межгосударственная конкуренция за создание наиболее благоприятных условий для цифровой трансформации и привлечения интеллектуального капитала.

Вместе с тем процессы цифровизации сопряжены с рядом существенных рисков, среди которых наиболее значимыми представляются углубление цифрового неравенства и потенциальная маргинализация значительной части населения, не адаптировавшегося к новым технологическим реалиям. Кроме того, наблюдается обострение геополитической напряженности, сопровождающееся усилением межгосударственного противостояния в различных сферах, включая цифровое пространство [4].

В условиях стремительной цифровой трансформации традиционные социальные институты сталкиваются с фундаментальными вызовами, требующими переосмысления базовых категорий и принципов их функционирования. Наблюдается существенная трансформация устоявшихся представлений о пространственно-временных характеристиках общественных

¹ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 27.12.2024).

² Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 27.12.2024).

³ Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета федеральному государственному бюджетному учреждению «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» на грантовую поддержку реализации проектов малых предприятий по разработке, применению

и коммерциализации продуктов, сервисов и (или) решений с использованием технологий искусственного интеллекта, проектов разработчиков открытых библиотек в сфере искусственного интеллекта, акселерации проектов с применением искусственного интеллекта : постановление Правительства РФ от 27.03.2021 № 456 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_380976/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 27.12.2024) ; Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. : распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/> (дата обращения: 27.12.2024).

отношений, а также о природе волеизъявления субъектов права в цифровой среде. Классические концепции причинно-следственных связей и дихотомии материального и нематериального требуют существенной адаптации к новым технологическим реалиям [8].

Право, исторически выступавшее одним из наиболее влиятельных социальных регуляторов, характеризуется имманентно присущим ему консерватизмом, который на протяжении веков обеспечивал стабильность правовой системы. Однако в современных условиях данное качество становится причиной значительного отставания правового регулирования от темпов технологического развития. Формируется существенный дисбаланс между динамично развивающимися общественными отношениями в цифровой среде и возможностями их эффективного правового регулирования.

Особую актуальность приобретает проблема, обозначившаяся еще на начальном этапе развития информационного общества и глобальной сети Интернет. Она характеризуется двумя ключевыми аспектами: недостаточным вниманием к информационному праву как самостоятельной отрасли правового регулирования и отсутствием адекватной международно-правовой базы для регламентации трансграничных информационных отношений. Данные факторы существенно ограничивают возможности эффективного правового реагирования на вызовы цифровой эпохи [10].

Масштабная цифровизация общественных отношений выводит на первый план значимость инфокоммуникационных технологий и информационных ресурсов. Конвергентная и системообразующая природа информации позволяет ей выступать ключевым фактором социального развития, оказывающим гармонизирующее воздействие на различные сферы общественной жизни [2].

Потенциал информационного права как системообразующей отрасли остается нереализованным в полной мере. Юридическая наука не смогла своевременно адаптироваться к вызовам технологической глобализации, что породило серьезные юрисдикционные конфликты. Отсутствие гармонизации между российским законодательством и международно-правовыми нормами в сфере регулирования интернет-отношений создает существенные препятствия для эффективного правового регулирования. Упущенные ранее возможности международно-правового урегулирования данной сферы в текущих геополитических условиях становятся особенно очевидными [6].

Правоприменительная практика сталкивается с серьезными затруднениями при определении юрисдикции в отношении трансграничных информационных правоотношений. Попытки государств распространить действие национального законодательства на любые информационные правоотношения с присутствием национального элемента приводят к так называемой «гонке законов». Подобная ситуация возникает, когда критерием применения национального права становится наличие резидента страны или размещение информационного сервера в пределах государственных границ [5].

Правовое регулирование цифровых процессов демонстрирует значительное отставание от фактического развития соответствующих общественных отношений. Исследователи справедливо указывают на необходимость надлежащего юридического оформления цифровых экономических отношений, поскольку отсутствие эффективного правового обеспечения может существенно ограничить потенциал цифровой экономики. Текущее состояние правового регулирования характеризуется преимущественно реактивным подходом, не позволяющим прогнозировать и своевременно регламентировать возможные последствия влияния информационных технологий на общественные отношения [7].

Реформирование правовой системы приобретает особую значимость в контексте обеспечения общественной безопасности. Неэффективность и архаичность правовых механизмов создает существенные риски для государственного и общественного развития. Ключевыми факторами эффективности правового регулирования выступают соответствие правовых норм общественным потребностям, полнота регламентации общественных отношений, ясность правовых предписаний, а также согласованность правовых и морально-этических норм.

Ситуация осложняется практикой принятия ситуативных правотворческих решений в информационной сфере без должной оценки их целесообразности и эффективности. Показательным примером служит история правового регулирования блогерства в российском законодательстве. Введение специального правового статуса блогера и создание соответствующего реестра, осуществленное Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ¹, было впоследствии отменено Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ² без проведения широкого общественного обсуждения целесообразности такого решения. Данный пример иллюстрирует непоследовательность законодательного регулирования новых цифровых явлений и отсутствие системного подхода к их правовой регламентации.

Современный этап развития общества требует тщательного анализа полноты и актуальности отраслевой системы права. Эффективное правовое регулирование цифровой экономики предполагает не только внедрение законодательных новелл, но и создание комплексных правовых институтов, способных регламентировать новые технологические явления. Особую значимость приобретают вопросы регулирования цифровой

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/ (дата обращения: 27.12.2024).

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221230/ (дата обращения: 27.12.2024).

идентификации, внедрения искусственного интеллекта, использования больших данных и интернета вещей.

Проблема межотраслевой конкуренции в системе права проявляется во включении норм одной отрасли в законодательство другой без должного учета отраслевой специфики. Характерным примером служит включение в 2013 году в Гражданский кодекс РФ понятия «информационный посредник»¹, которое изначально разрабатывалось в рамках информационного права. Механический перенос данной категории в гражданское законодательство без учета информационно-правовых особенностей создает риски несогласованности правового регулирования.

Качество нормотворческой деятельности снижается из-за недостаточно эффективной экспертизы проектов нормативных правовых актов. По мнению Ю. С. Степановой, чрезмерное внимание к антикоррупционной экспертизе отодвигает на второй план другие важные аспекты обеспечения качества законодательства, включая вопросы юридической техники и технологии. Среди типичных недостатков выделяются неточности в определении названий и целей законов, нечеткое определение предмета регулирования и субъектного состава правоотношений [9].

Несистемный подход законодателя к правовому регулированию информационных отношений проявляется в хаотичном введении новых правовых категорий без учета существующей терминологической базы. Так, в федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в 2012 году было введено множество новых понятий (владелец сайта, провайдер хостинга, организатор распространения информации и др.) без их согласования с ранее установленными базовыми категориями «обладатель информации» и «оператор информационной системы», разработанными наукой информационного права².

Формирование новых правовых институтов должно опираться на междисциплинарный подход с учетом достижений экономических наук и стратегических приоритетов государственного развития. Показательным примером является признание необходимости создания института идентификации, что нашло отражение в плане мероприятий по направлению «Нормативное регулирование», предусматривающем разработку законодательства по унификации требований и расширению способов идентификации [1].

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях : Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148497/ (дата обращения: 27.12.2024).

² О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28.07.2012 № 139-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133282/ (дата обращения: 27.12.2024).

Стремительное развитие информационных технологий создает существенный разрыв между техническими возможностями и правовыми механизмами регулирования субъектного состава правоотношений. Современные цифровые коммуникации часто не позволяют достоверно установить участников правоотношений, будь то обмен сообщениями, денежные переводы или взаимодействие с государственными органами по вопросам блокировки противоправного контента. Это обстоятельство подчеркивает необходимость скорейшего совершенствования правового регулирования в данной сфере [11].

Традиционные методы идентификации личности, основанные на физическом взаимодействии (визуальное узнавание, предъявление документов, свидетельские показания), оказываются неприменимыми в цифровой среде. Виртуальный характер взаимодействия требует создания принципиально новой системы регулирования в рамках информационного права, способной обеспечить достоверную идентификацию субъектов в цифровом пространстве. Существующее законодательство в различных сферах (персональные данные, государственные услуги, финансовый сектор) развивается без должной научно-теоретической проработки и системного подхода.

Специфика правового регулирования в информационной сфере определяется тесной взаимосвязью с техническими нормами. Технические стандарты и протоколы предусматривают множественность идентификаторов для пользователей, информационных объектов и технических устройств, что необходимо учитывать при разработке правовых механизмов идентификации субъектов информационных правоотношений.

В контексте четвертой промышленной революции особую актуальность приобретают правовые аспекты развития робототехники и искусственного интеллекта. Стремительное развитие этих технологий и их проникновение в различные сферы общественной жизни, включая военную, ставит перед правовой наукой и практикой комплекс теоретических и прикладных вопросов. Данная область наглядно демонстрирует спектр правовых проблем цифровой экономики, эволюцию подходов к их решению и необходимость своевременного правового реагирования на технологические инновации [3].

Международное нормотворчество в области робототехники и искусственного интеллекта имеет более чем десятилетнюю историю, создана ценная база для развития российского правового регулирования. В современной России сформирована комплексная нормативно-правовая база регулирования искусственного интеллекта и робототехники, включающая как федеральные законы, так и подзаконные нормативные акты. Фундаментальным документом является Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490³, утвердивший

³ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» : Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 27.12.2024).

Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года, определяющий стратегические направления и цели развития технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) в Российской Федерации.

Значительным шагом в развитии правового регулирования стало принятие федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ¹, установившего правовые основы для проведения эксперимента по внедрению технологий искусственного интеллекта в Москве. Данный закон был дополнен федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ², создающим правовую основу для проведения различных экспериментов в сфере цифровых технологий.

Важное институциональное развитие сфера ИИ получила с принятием постановления Правительства РФ от 19.09.2022 № 1651³, учредившего российский центр искусственного интеллекта при Правительстве РФ. Данная нормативная база закрепляет базовую терминологию в сфере ИИ, устанавливает принципы развития и использования соответствующих технологий, определяет правила проведения экспериментов, механизмы государственной поддержки и требования к безопасности при использовании систем ИИ и роботов.

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений первостепенное значение приобретает вопрос эффективной координации полномочий исполнительных органов власти в контексте управления формирующимся цифровым сектором экономики. Международная практика демонстрирует тенденцию к созданию специализированных министерств цифрового развития, что актуализирует необходимость формирования аналогичного координационного центра в российских реалиях.

Современная система государственного управления требует разработки комплексного документа стратегического планирования в области цифровой трансформации, учитывающего успешный опыт ведущих мировых держав. Анализ международных практик стратегического регулирования позволяет идентифицировать ключевые направления нормотворческой деятельности, отвечающие интересам государства, бизнес-сообщества и гражданского общества.

¹ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 27.12.2024).

² Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 27.12.2024).

³ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 2022 г. № 295: постановление Правительства РФ от 19.09.2022 № 1651 // Правительство России: [официальный сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/143128/> (дата обращения: 27.12.2024).

В динамично меняющихся условиях цифровой эпохи традиционные механизмы правового регулирования демонстрируют свою ограниченность. Возникает острая необходимость в формировании инновационных подходов к нормотворчеству и государственному администрированию, способных адекватно реагировать на технологические, социально-экономические и политические вызовы современности. Этот процесс требует консолидации усилий юридического научного сообщества, государственных институтов и представителей бизнеса.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие основные выводы. В условиях стремительной цифровой трансформации существующая система правового регулирования демонстрирует значительное отставание от темпов развития общественных отношений и технологических инноваций. Выявлен ряд системных проблем в текущем правовом регулировании цифровой среды: несогласованность терминологической базы, фрагментарность нормативного регулирования, отсутствие комплексного подхода к формированию новых правовых институтов, недостаточная эффективность правоприменительной практики.

Особую актуальность приобретает проблема межотраслевой конкуренции и необходимость признания системообразующей роли информационного права в регулировании цифровых отношений. Исследование показало, что попытки механического переноса традиционных правовых конструкций в цифровую среду без учета ее специфики приводят к снижению эффективности правового регулирования. Существенным препятствием для развития правового регулирования выступает отсутствие адекватной международно-правовой базы для регламентации трансграничных информационных отношений.

Анализ российского законодательства в сфере регулирования искусственного интеллекта и робототехники демонстрирует положительную динамику в формировании комплексной нормативной базы. Однако требуется дальнейшее совершенствование механизмов правового регулирования с учетом стремительного развития технологий и появления новых форм общественных отношений. Особое внимание следует уделить развитию института цифровой идентификации как базового элемента правового регулирования в цифровой среде.

Представляется необходимым переход от реактивного к проактивному подходу в правовом регулировании цифровой трансформации, что предполагает внедрение концепции «прорывного регулирования» и создание гибких механизмов правового реагирования на технологические инновации. Успешная реализация данного подхода требует консолидации усилий юридического научного сообщества, государственных институтов и представителей бизнеса, а также кардинального переосмысления существующей культуры нормотворческой деятельности.

Список источников

1. Головкин Р. Б. Юридическая идентификация // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 2 (71). С. 83–88.
2. Городов О. А. О месте цифрового права в системе российского права // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2021. № 5. С. 29–35.
3. Кирсанова Н. Б., Зябкина Т. Ф., Семенова К. А. К некоторым вопросам правового регулирования робототехники и искусственного интеллекта // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 142–143.
4. Ключев К. В. Социально-политические вызовы и риски перехода к цифровой зрелости // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2022. Т. 13, № 2 (54). С. 49–55.
5. Кузнецов П. У. Имплементация норм международного права в российском правовом пространстве // Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности : сборник докладов участников XVII международного форума, Москва, 18–20 сентября 2023 года. Москва : Национальная Ассоциация международной информационной безопасности, 2023. С. 55–57.
6. Оганесян А. Г. Россия и глобальные вызовы в области информационной безопасности // Международная жизнь. 2018. № 14. С. 1–144.
7. Палеха Р. Р. Правовое регулирование и правовое воздействие в условиях цифровизации общественных отношений // Регулирование правоотношений в условиях цифровизации в период пандемии: современное состояние и перспективы развития : сборник статей. Казань : Отечество, 2021. С. 124–130.
8. Сильченко Н. В. О сфере действия, сущностных началах и развитии права в цифровую эпоху // Философия права. 2022. № 1 (100). С. 34–39.
9. Степанова Ю. С. Правовая и антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов: вопросы соотношения // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. 2022. № 2 (13). С. 44–61.
10. Троян Н. А. Влияние цифровых технологий на развитие государственной системы правовой информации в России // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3 (183). С. 215–219.
11. Фартушнова А. Правовое регулирование информационной безопасности в цифровой среде // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах. Том 6. Казань, 23 сентября 2022 года. Казань : Познание, 2022. С. 366–371.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.12.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 30.01.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.02.2025.

Научная статья
УДК 342.9
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-50-56

С. 50–56

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ КАК ПРЕВЕНЦИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Сергей Николаевич Шаклеин

*Управление Госавтоинспекции Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации
по Магаданской области
shaklein83@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы динамики роста административной деликтности в области дорожного движения. Приведены официальные статистические данные за период 2017–2024 гг. Анализируются сложившиеся научные подходы понимания эффективности мер административной ответственности и административного наказания. Отмечается, что правовые явления, связанные с административным наказанием (способы назначения наказания, применение, исполнение) по сравнению с уголовным наказанием изучены в юридической науке явно недостаточно, что снижает его эффективность и «провоцирует» рецидивы. Данный пробел призвано изменить новое, но активно развивающееся научное направление — административная пенология, которая ставит целью переосмысление административного наказания в более объемной системе координат воспитательного воздействия на правонарушителя.

Автор акцентирует внимание на том, что эффективность административного наказания в области дорожного движения зависит не только от содержания административно-деликтных санкций, но и их применения и исполнения, что в сложившейся практике, по сути, свелось к исполнению карательной функции, в то время как ключевая цель — превентивная. Сделаны выводы, что административная пенология на основе синтеза права, социологии и психологии стремится создать такую модель административного наказания (способы назначения, применение, исполнение), которая оказывала бы на административного делинквента индивидуальное воспитательное воздействие, воспринимаемое как самим делинквентом, так и другими лицами не только как справедливое и соразмерное, но и созидательное — имеющее своей целью формирование стойкого правомерного поведения в дорожно-транспортных условиях.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, административная ответственность, административное наказание, функции административного наказания, административный правонарушитель, воспитание

Для цитирования: Шаклеин С. Н. Повышение эффективности административных наказаний как превенция правонарушений в области дорожного движения // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 50–56. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-50-56

Research article

INCREASING THE EFFECTIVENESS OF ADMINISTRATIVE PENALTIES AS A PREVENTION OF TRAFFIC OFFENSES

Sergey N. Shaklein

*State Automobile Inspection Department, Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
for Magadan Oblast
shaklein83@mail.ru*

Abstract. The article considers topical issues of the dynamics of growth of administrative tort in the field of road traffic. The official statistical data for the period from 2017 to 2024 are given. The established scientific approaches to understanding the effectiveness of measures of administrative responsibility and administrative punishment are analyzed. It is noted that legal phenomena related to administrative punishment (ways of imposing punishment, application, execution) in comparison with criminal punishment are studied in legal science clearly insufficiently, which reduces its effectiveness and “provokes” recidivism. This gap is designed to change a new, but actively developing scientific direction — administrative penology, which aims to rethink administrative punishment in a more extensive system of coordinates of educational impact on the offender.

The author emphasizes that the effectiveness of administrative punishment in the field of road traffic depends not only on the content of administrative-tort sanctions, but also on their application and execution, which in the current

practice, in fact, has been reduced to the execution of punitive function, while the key goal is preventive. Conclusions are made that administrative penology, based on the synthesis of law, sociology and psychology seeks to create such a model of administrative punishment (methods of appointment, application, execution), which would have an individual educational impact on administrative delinquent, perceived by both the delinquent himself and other persons, not only as fair and proportionate, but also creative — having as its goal the formation of persistent lawful behavior in road traffic conditions.

Keywords: road safety, administrative responsibility, administrative punishment, functions of administrative punishment, administrative offender, education

For citation: Shaklein SN. Increasing the effectiveness of administrative penalties as a prevention of traffic offenses. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):50-56. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-50-56

Введение

Научная общественность уже несколько десятилетий исследует эффективность административных наказаний как в теоретическом, так и в практическом значении. Данному вопросу посвящены научные труды Д. Н. Бахраха, И. И. Веремеенко, Л. В. Коваль, Л. Л. Попова. В истории современной России поиск научно-практических подходов к решению эффективности административно деликтного права стал наиболее актуален в течение последних 10–15 лет, учитывая растущую динамику административных правонарушений в стране, «львиную долю» которых составляют правонарушения в области дорожного движения.

Ведущие ученые-административисты В. В. Головкин, А. Н. Дерюга, Н. Н. Дерюга, В. И. Майоров, П. В. Молчанов, О. В. Рогачева, Б. В. Россинский, А. П. Шергин и др. неоднократно обращали внимание на необходимость противодействия административной деликтности в более широком контексте, учитывая ежедневный процесс массового вовлечения населения страны в дорожно-транспортное движение в качестве водителя, пассажира, пешехода [1, с. 35]. Именно социальный характер, охватывающий данную сферу общественных отношений, делает востребованным использование в юридических исследованиях готовых социологических, психологических, педагогических, экономических знаний и их синтеза для решения проблемы.

Материалы и методы

Основу исследования составили общенаучные методы познания: диалектический метод, позволяющий изучать явления действительности в их взаимосвязи и развитии, а также общелогические методы познания: анализ, синтез, дедукция, индукция, обобщение. Методология системного подхода позволяет исследовать объект изучения — административное наказание, как систему, раскрывая целостность объекта и выявление многообразных взаимосвязей, сведя их в единую теоретическую картину. Административное наказание как объект изучения включает рассмотрение: общественных отношений, нормы права, судебную практику, доктринальные воззрения отечественной юриспруденции относительно понятия, сущности и видов административных наказаний. Анализируются официальные статистические данные административной деликтности за период 2017–2024 гг.

Описание исследования и обсуждение

Административные правонарушения являются одними из самых распространенных противоправных деяний, которые имеют массовое распространение. Государство заинтересовано в их сокращении, что ведет к повышению безопасности и оздоровлению социальной среды, созданию условий для полноценного развития личности и общества. Обращение к статистическим данным за предыдущие годы выявляет отчетливую тенденцию к прогрессирующему увеличению административных правонарушений.

Анализ за последние пять лет показал, что в сравнении с 2017 г. в 2018 г. на территории Российской Федерации произошел рост административных правонарушений на 116 %, в 2019 г. в сравнении с 2018 г. — на 109 %, в 2020 г. в сравнении с 2019 г. — на 115 %, в 2021 г. в сравнении с 2020 г. — на 109 %, в 2022 г. в сравнении с 2021 г. — на 110 %, в 2023 г. в сравнении с 2022 г. — на 117 %. Общая картина такова, что в 2017 г. совершено 121 516 013 административных правонарушений, в 2023 году — 247 877 510, рост произошел на 204 %¹. Проведенный анализ показывает, что принимаемые административно-юрисдикционные меры в отношении административных делинквентов являются недостаточными.

Особую обеспокоенность вызывает административная деликтность в области дорожного движения. В 2023 году из 247,8 млн административных правонарушений 92 % относятся к области дорожного движения. Согласно опубликованным данным Госавтоинспекции МВД России за 9 месяцев 2024 года², их количество продолжает увеличиваться. Указанные данные впечатляют, особенно если учесть, что население России составляет 146 млн чел., а количество автотранспортных средств — 54 млн ед., из них легковые автомобили — 86 %.

Соответственно, большая часть административных правонарушений является рецидивной, и основными

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 12 месяцев 2018 года. Информационно-аналитический обзор. Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2018. 18 с. URL: <https://t-j.ru/media/obzor-stat-dtp.pdf> (дата обращения. 20. 01.2025) ; Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году. Информационно-аналитический обзор. Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. 154 с. URL: <https://opis-cdn.tinkoffjournal.ru/mercury/5767457.pdf> (дата обращения. 20. 01.2025).

² Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2024 года. Информационно-аналитический обзор. Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. 41 с.

виновниками являются водители — собственники автотранспорта. Исследователи дорожной деликтности объясняют её рост постоянным увеличением количества технических средств автоматической фотовидеофиксации. Но вряд ли это может служить оправданием: такая практика применяется уже десять лет, водители автотранспорта должны привыкнуть и максимально стремиться к соблюдению правил дорожного движения, но этого не происходит.

Другой отрицательной стороной дорожной деликтности является увеличивающееся материальное бремя, которое несут граждане. Так, за 2021 г. общая сумма административных штрафов составила 128,3 млрд руб., а за 2022 г. — 136,8 млрд руб. В 2024 году за совершение административных правонарушений в области дорожного движения общая сумма штрафов составила 139,7 млрд руб. Учитывая рецидивы, финансовое бремя на правонарушителей увеличивается, что должно воздействовать превентивно на дальнейшее противоправное поведение граждан, но это также не выполняет сдерживающую функцию.

Обращение к научно-практическим исследованиям показывает, что утвердилось несколько способов общей превенции противоправного поведения: 1) сбор и анализ сведений об административных правонарушениях; 2) прогнозирование; 3) анализ применения законодательства Российской Федерации в соответствующей области общественных отношений; 4) оценка причин правонарушений и других, связанных с ними явлений; 5) внесение предложений, как по совершенствованию законодательства, так и существующей практики. Учитывая массив правонарушений в области дорожного движения, неизбежно возникает вопрос об эффективности административных наказаний. Следуя упрощенной причинно-следственной связи, самый простой способ — ужесточить административные санкции.

В настоящее время для оказания дисциплинирующего воздействия на правонарушителей в области дорожного движения внесены некоторые изменения, предусмотренные Федеральным законом от 26.12.2024 № 490-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», которые вступили в силу с 1 января 2025 года: 1) увеличение штрафов за нарушения (наиболее часто фиксируемые) правил дорожного движения; 2) изменение условий оплаты штрафов, срок льготной оплаты увеличился до 30 дней, а размер скидки сократился с 50 % до 25 % от общей суммы штрафа (изменения касаются только тех штрафов, которые внесены с 1 января 2025 года). Но насколько будет «результативен» данный шаг, и сколько времени продержится «сдерживающий» эффект? В поисках ответа обратимся к трудам известных ученых-административистов, исследовавших данную тему в течение последнего десятилетия.

Так, Б. В. Россинский на основе статистических данных за сорок пять лет (включающих современный и советский период истории России) рассматривает две проблемы: 1) снижение количества дорожно-транспортных

происшествий; 2) эффективность административных наказаний в области дорожного движения. Анализ показал, что усиление административной ответственности (ужесточение санкций) приводит к достаточно краткому эффекту снижения нарушений ПДД, примерно в течение 9–12 месяцев, затем происходит привыкание [13, с. 11]. Констатируется, что принудительный метод воздействия на делинквентов, посредством максимальной выявляемости правонарушений и неотвратимости административного наказания как мера прекращения противоправного поведения и превенция повторного нарушения является, несомненно, основным. Но в современных условиях для повышения эффективности в этой сфере требуется поиск и других закономерностей, активация иных мер.

В монографическом исследовании «Эффективность норм административно-деликтного права» О. С. Рогачева указывает на бесперспективность попыток искоренить правонарушения в области дорожного движения только путем усиления административной ответственности. Без учета современных тенденций развития общественных отношений, наличествующим уровнем правовой (транспортной) культуры населения, маловероятно ожидать значительных изменений, необходимо проведение комплексных исследований с привлечением специалистов из разных (в том числе и «не правовых») областей научного знания: социологии, психологии, демографии, экономики [12, с. 3–10].

А. П. Шергин определяет административную деликтность как сложный социально-правовой феномен, обладающий множеством сторон [15, с. 70]. Современное состояние административной деликтности автор характеризует как угрозу национальной безопасности в публичной сфере. Наличие правонарушений снижает уровень жизнеспособности государства, вызывает сомнение в его способности защитить общество и права граждан от противоправных деяний [5, с. 24]. Оценивая сложившееся состояние и прогнозируемую динамику административной деликтности в Российской Федерации А. П. Шергин отмечает её отличительные признаки: 1) масштабность противоправных деяний; 2) увеличение количества лиц, привлеченных к административной ответственности; 3) рост причиняемого ущерба; 4) устойчивую тенденцию массового пренебрежения к соблюдению правил дорожного движения; 5) рецидив (после применения наказания административные правонарушители продолжают противоправную деятельность).

В поисках решения проблемы административной деликтности указанные авторы акцентируют внимание на трех аспектах. Во-первых, вектор научных исследований должен смещаться в сторону выявления причин правонарушений в конкретных областях общественных отношений (например, общественная безопасность, к которой традиционно относится безопасность дорожного движения и др.). Во-вторых, необходимо обратиться к изучению личностных (психологических) качеств административного делинквента (прежние исследования были сосредоточены в области социологии, что также

важно, но недостаточно). В-третьих, изучить сложившееся отношение социума к проблеме дорожной деликтности и найти способы повышения нетерпимости общества к правонарушениям в указанной области. Острота проблемы административной деликтности показывает невозможность её решения исключительно «юридическими» средствами.

С социально-психологической точки зрения нарушения правовых запретов совершают субъекты, которые обладают целым рядом особенностей. Социологическая характеристика административного делинквента включает: социальный статус, образовательный индекс, профессиональную принадлежность, финансовое состояние, семейное положение, то есть ряд социальных ролей и соответствующих обязанностей. Административного правонарушителя также можно охарактеризовать с психологической стороны: темперамент, характер, способности, эмоции, воля, мировоззрение (в т. ч. правосознание, уровень правовой культуры), что формирует мотивацию поведения личности в дорожно-транспортных условиях. Зная индивидуальные социально-психологические особенности, можно ответить на вопросы: «Почему субъект совершил правонарушение?»; «Как воздействовать, чтобы изменить противоправное (рецидивное) поведение субъекта?».

В зарубежных странах, где достигнуто максимальное снижение дорожной деликтности, наряду с высокими штрафными санкциями используется широкий арсенал превентивных мер «неправового» воздействия, в том числе в «западных» (индивидуалистических) странах сделан акцент на индивидуальную работу с правонарушителем, например, повторный курс по безопасному вождению, социально-психологические тренинги ответственного поведения и др. В «восточных» (коллективистических) странах акцент сделан на «общественное порицание», что в рамках традиционной культуры и менталитета действительно достигает целей индивидуальной коррекции поведения правонарушителей.

Указанный спектр работы с рецидивной частью административных правонарушителей в нашей стране отсутствует, хотя некоторые её элементы имели место в недавний «советский» период истории. Несомненно, необходимо формирование доступной и полезной практики в отечественных условиях, что предполагает задействовать дополнительные ресурсы воздействия на административных делинквентов.

Одной из наиболее важных научных проблем в рамках рассматриваемой темы является вопрос об эффективности существующих мер административной ответственности и административного наказания. Следует отметить, что, если первая область научного знания располагает фундаментальными трудами известных ученых-административистов, то изучению административного наказания (в отличие от уголовного) уделялось крайне мало внимания.

Рассматривая соотношение понятий «административная ответственность» и «административное наказание» А. Н. Дерюга и С. Н. Шаклеин (автор настоящей

статьи) пишут: «...административная ответственность и административное наказание являются понятиями одной юридической природы, вытекающими из административного правонарушения, где первое является общей категорией, а второе — ее производной. Административное наказание выступает материализованной стадией административной ответственности, представляет собой реализацию последней во вступившем в силу постановлении по делу об административном правонарушении» [3, с. 99].

Как отмечают В. И. Майоров, Н. И. Данилова, О. Г. Геймур, Т. В. Краснова, суть административной ответственности (административного наказания) заключается «в наступлении определенных неблагоприятных последствий для нарушителя, состоящих в ущемлении его личной или имущественной сферы. Как следствие, любое наказание по своему содержанию представляет собой ограничение или лишение, одного или нескольких субъективных прав и свобод правонарушителя» [7, с. 219]. Данную позицию поддерживает и О. В. Рогачева, указывая, что мера административного наказания не должна переходить границы и ставить нарушителя в тяжелое материальное положение, из этого логически следует, что «воспитательная» цель должна превалировать над «материальной».

Основной целью административного наказания является прекращение противоправного поведения и не повторение его в будущем ни самим правонарушителем, ни другими лицами, таким образом наказание назначается за «прошлое» (совершенное деяние), а воздействует на «будущее» поведение субъекта(ов). Таким образом, административное наказание выполняет воспитательное воздействие (исправление) на будущее поведение правонарушителя и служит превенцией для других лиц.

Действующий ныне КоАП РФ вступил в силу 1 июня 2002 года, создав единую кодифицированную правовую базу противодействия административным правонарушениям. Административно-деликтное законодательство реализует ключевую задачу по защите общественных отношений от правонарушений в области дорожного движения, что отражено в гл. 12 КоАП РФ¹. В КоАП РФ, в отличие от КоАП РСФСР (1984)², воспитательная функция не указана, то есть с формально-юридической позиции в КоАП РФ отсутствует цель исправления и воспитания правонарушителя.

Исследователи Д. А. Липинский, Н. В. Макарейко, А. А. Мусаткина отмечают, что если в КоАП РФ закреплены социальные ценности, то в логике доктрины современного российского законодательства и данного нормативного акта, направленных на защиту личности, прав

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

² Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2318/ (дата обращения: 20.01.2025).

и свобод человека и гражданина, охрану общественного порядка и общественной безопасности, это уже оказывает свое формирующее воздействие на установки и ценностные ориентации гражданина. Однако следует понимать, уточняют авторы, что «высшие ценности» не возникают у человека сами по себе, они интериорируются в процессе развития личности путем воспитания (и самовоспитания) в течение всей жизни [5, с. 26].

Решение задач административного наказания достигается реализацией функций, через которые раскрывается его социальное назначение и достижение ключевой цели — прекращение противоправного поведения. Функции административного наказания выступают как основные направления его воздействия на правосознание субъекта(ов) и общественные отношения в указанной области безопасности. Рассмотрим подробнее.

1. Регулятивная функция административного наказания — это направление правового воздействия, выражающееся в упорядочивании поведения субъектов административной ответственности как до, так и после совершения административного правонарушения и деятельности уполномоченных органов по применению мер административного наказания

2. Превентивная функция административного наказания — это направление правового воздействия, заключающееся в удержании субъекта от совершения административного правонарушения.

3. Восстановительная функция административного наказания — это направление правового воздействия на нарушенные общественные отношения, с целью их упорядочивания, приведения в прежнее состояние, восстановление социальной справедливости и правопорядка.

4. Карательная функция административного наказания — это направление правового воздействия, заключающееся в «претерпевании» административным правонарушителем ограничений личного, имущественного, организационного, психологического или иного характера [6, с. 21].

Сложившееся положение (способы назначения административного наказания, применение, исполнение) явно показывают преобладание карательной функции, по сути безучастной, как к обстоятельствам совершенного правонарушения, так и к самому правонарушителю. Это подтверждается распространенной практикой шаблонного вынесения постановлений о назначении наказания, а также повсеместным внедрением автоматизированных технологий (бесконтактных) выявления и рассмотрения дел об административных правонарушениях, где отсутствует визуально-коммуникативное взаимодействие с правонарушителем, вызывание в нём эмоционального отклика и переживаний, ведущих к переосмыслению противоправного поведения.

Своевременная оплата штрафа за административное правонарушение в области дорожного движения (в течение 30 дней), достигает цели оперативно «реагирования» на правонарушение, но ставится в ряд обычных бесконтактных (ежемесячных) платежей

гражданина, по сути, минуя социально-психологическую сферу личности, начисто нивелируя какое-либо воспитательное воздействие. Таким образом, не достигается ключевая цель административного наказания — превенция совершения новых правонарушений как самим делинквентом, так и другими лицами. Формирование установок сознания на правомерное поведение (повышение уровня правосознания) не происходит. Попытки избегания «попасться на камеру» и установка на правомерное поведение — это не одно и то же.

Интересным представляется обращение к трудам В. И. Майорова, известного учёного-административиста в области безопасности дорожного движения. В. И. Майоров указывает на необходимость проведения исследований современной административной деликтности и поиска путей её снижения в контексте синтеза права, социологии и психологии [8, с. 24]. Вместе с тем автор указывает на ряд затруднений: во-первых, круг социологических, и особенно психологических исследований, связанных с безопасностью дорожного движения невелик; во-вторых, большая их часть проведена в период 2005–2015 гг., на фоне всплеска научного интереса к данной теме (реализация федеральных целевых программ «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» и «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах»; в-третьих, использование социально-психологических знаний в юридических (в т. ч. диссертационных) исследованиях до сих пор не приветствуется.

В работе «Foresight» — инновационная технология совершенствования в сфере безопасности дорожного движения на основе взаимодействия государства и общества» В. И. Майоров отмечает, что из семи существующих моделей воздействия на участников дорожного движения с целью формирования (воспитания) устойчивых социальных стереотипов соблюдения правил дорожного движения в настоящее время используется только одна — «воздействующая», суть которой сводится к властно-принудительному принципу (предписания, запреты, дозволения). При всей важности указанной модели, без позитивного влияния других моделей у участников правоотношений формируется пассивность, инфантильность, то есть имитация, а не суть правомерного поведения, заключающегося в дисциплинированном и ответственном поведении как устойчивых качествах зрелой личности [10, с. 45].

В. И. Майоров, исследуя эффективность административного наказания, в частности, пришел к выводу, что ужесточение административно-деликтных санкций не способствует в необходимом объеме решению проблемы, так как для постоянных нарушителей наказание не выполняет превентивной функции, и для повышения его эффективности необходимо применять дифференцированный подход [11, с. 45].

Автор указывает, что повсеместное внедрение цифровых технологий для совершенствования фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения даёт ряд преимуществ [9, с. 45], но при всех достоинствах

почти полной автоматизации процесса (фиксация, санкция, оплата) практически исключает воздействие на правосознание человека-правонарушителя, в какой-то степени дегуманизируя (гуманизм как забота о благе человека и его развитии) правосудие.

Исследователи А. Н. Дерюга, Н. Н. Дерюга, С. Н. Шаклеин обосновывают важность научного изучения круга вопросов, связанных с повышением эффективности административного наказания и развивают новое научное направление — «административную пенологию». Указанное направление представляет интеграцию уже существующих и создаваемых знаний в области административно-деликтных санкций, механизма назначения административного наказания и его исполнения. Поиск усиления эффективности административного наказания как превенции правонарушений авторы видят в комплексном использовании достижений правовых, социологических и психологических наук [2, с. 7].

Административное наказание призвано не только покарать правонарушителя, но и исправить его внутренний мир, искоренить правовой нигилизм, сформировать позитивное психическое отношение к объектам административной охраны. Приходится констатировать, что эффективность воздействия административного наказания на правонарушителя в области дорожного движения в настоящее время очень низкая, можно сказать, по причине «отсутствия» (личностного участия) самого правонарушителя в сложившейся цепочке действий. Данный факт указывает на необходимость пересмотра достижения превенции (профилактического воздействия) административного наказания на правонарушителя.

В контексте разработки административной пенологии А. Н. Дерюга и С. Н. Шаклеин сформулировали ряд предложений, одним из них является пошаговый алгоритм «модели» коммуникативного взаимодействия субъектов административной юрисдикции (имеющих полномочия по назначению и исполнению административных наказаний) с правонарушителем при

рассмотрении административного дела, особенно если правонарушения имеют повторяющийся характер, тем более за короткий промежуток времени, с целью переосмысления противоправного поведения [4, с. 32].

Правильно подобранный правовой инструментарий административно-деликтных санкций позволит субъекту административной юрисдикции применить индивидуальное, соразмерное и справедливое наказание не только в целях общепреventивной и частнопредventивной направленности, но и подобрать такое наказание, которое окажет воспитательное воздействие, содержащее психологическое влияние, направленное на сознание правонарушителя с целью изменения его поведения в будущем.

Выводы и заключение

Недопустимо высокий уровень количества административных правонарушений в дорожном движении, свидетельствует о накопившихся и застоявшихся проблемах в указанной области общественных отношений, в то время как имеются значительные научно-практические ресурсы изменения неблагоприятного положения, доля которых раскрыта в данном исследовании.

Развивающееся научное направление — административная пенология — ставит целью переосмысление административного наказания в более объемной системе координат. Эффективность административного наказания зависит от содержания административно-деликтных санкций, их применения и исполнения. Необходимо создать такую модель административного наказания (способы назначения, применение, исполнение), которая оказывала бы на административного делинквента индивидуальное воспитательное воздействие, воспринимаемое как самим делинквентом, так и другими лицами не только как справедливое и соразмерное, но и созидательное (предventивное) — имеющее своей целью формирование стойкого правомерного поведения в дорожно-транспортных условиях.

Список источников

1. Головки В. В., Бекетов О. И., Майоров В. И. Повышение эффективности административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2. (965). С. 34–38.
2. Россинский Б. В. Административные наказания в сфере дорожного движения и аварийность на автомобильном транспорте // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 8–17.
3. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права : монография. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. 356 с.
4. Шергин А. П. Исследование проблем административной деликтности // Научный портал МВД. 2015. № 3. С. 70–75.
5. Шергин А. П. Дорожная деликтология // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2. С. 23–26.
6. Дерюга А. Н., Шаклеин С. Н. Соотношение понятий административного наказания и административной ответственности // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, № 1. С. 93–99. DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-1-93-99
7. Майоров В. И., Данилова Н. И., Геймур О. Г., Краснова Т. В. Формирование новых видов ответственности в российском праве // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 216–229.
8. Липинский Д. А., Макарейко Н. В., Мусаткина А. А. К вопросу о воспитательной функции административной ответственности // NB: Административное право и практика администрирования. 2021. № 3. С. 26–36. DOI: 10.7256/2306-9945.2021.3.36889
9. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Цели и функции административных наказаний // NB: Административное право и практика администрирования. 2017. № 2. С. 20–37. DOI: 10.7256/2306-9945.2017.2.22440

10. Майоров В. И., Дунаева О. Н. Эффективность норм административно-деликтного права в области безопасности дорожного движения (в контексте синтеза права, социологии и психологии) // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 24–29.

11. Майоров В. И. «Foresight» — инновационная технология совершенствования в сфере безопасности дорожного движения на основе взаимодействия государства и общества // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 41–51.

12. Майоров В. И. Проблемы административной ответственности в сфере дорожного движения // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 4. С. 81–84.

13. Майоров В. И. Совершенствование использования технических средств фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения на основе цифровых технологий // Безопасность дорожного движения. 2023. № 3. С. 44–48.

14. Дерюга А. Н. Административно-пеналогические вопросы эффективности административных наказаний // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 7–11.

15. Дерюга А. Н., Шаклеин С. Н. О цели административного наказания и методике её практической реализации // Российское правосудие. 2021. № 3. С. 24–34. DOI: 10.37399/issn2072-909X. 2021.1.24-34

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 17.02.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.02.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 28.02.2025.

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Галина Владимировна Грешнова¹, Наталья Михайловна Александрина², Павел Владимирович Ремизов³

^{1,2,3} *Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород*

¹ *Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, г. Н. Новгород, Россия*

Galina.q2014q@yandex.ru

² *aleksandrinan.m@gmail.com*

³ *pasha5225@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных вопросов социального (в частности пенсионного) обеспечения населения Российской Федерации в срезе современной демографической и политико-экономической ситуаций. Рассмотрены направления совершенствования понятийно-категориального аппарата в рассматриваемой области правового регулирования, проанализированы отдельные аспекты установления пенсий иностранным гражданам и лицам без гражданства, а также гражданам вновь присоединенных территорий. Отдельное внимание уделено актуальным аспектам пенсионного обеспечения сотрудников органов внутренних дел. Обосновывается необходимость введения дополнительных социальных гарантий указанной категории государственных служащих, направленные на сохранение кадрового потенциала из наиболее опытных сотрудников. Предложены конкретные рекомендации по оптимизации действующего законодательства.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, административно-правовое регулирование, социальное государство, право социального обеспечения

Для цитирования: Грешнова Г. В., Александрина Н. М., Ремизов П. В. Административно-правовое регулирование социального обеспечения в Российской Федерации: некоторые проблемы и направления совершенствования // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 57–61. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-57-61

Research article

**ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF SOCIAL SECURITY
IN THE RUSSIAN FEDERATION:
SOME PROBLEMS AND DIRECTIONS OF IMPROVEMENT**

Galina V. Greshnova¹, Natalia M. Alexandrina², Pavel V. Remizov³

^{1,2,3} *Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia*

¹ *Nizhny Novgorod Institute of Management — branch of RANEPА, Nizhny Novgorod, Russia*

Galina.q2014q@yandex.ru

² *aleksandrinan.m@gmail.com*

³ *pasha5225@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of individual issues of social (pension) provision for the population of the Russian Federation in the context of the current demographic and political-economic situations. The directions of improvement of the conceptual and categorical apparatus in the considered area of legal regulation are considered, individual aspects of establishing pensions for foreign citizens and stateless persons, as well as citizens of newly annexed territories are analyzed. Special attention is paid to the current aspects of pension provision for employees of internal affairs bodies. The need for introducing additional social guarantees for this category of civil servants aimed at preserving the human resources potential of the most experienced employees is substantiated. Specific recommendations for optimizing the current legislation are proposed.

Keywords: pension provision, administrative and legal regulation, welfare state, social security law

For citation: Greshnova GV, Alexandrina NM, Remizov PV. Administrative and legal regulation of social security in the Russian Federation: some problems and directions of improvement. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):57-61. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-57-61

Введение

В современном мире, характеризующемся ускоренной глобализацией, технологическими революциями и возрастающим неравенством, социальное обеспечение становится ключевым фактором стабильности и процветания общества. В этих условиях право на пенсионное обеспечение обретает особое значение как гарантия защиты основных прав и интересов граждан. В России государственная политика направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития каждого человека. Особое внимание уделяется поддержке семей, детей, инвалидов, пожилых людей, а также развитию системы социальных служб, выплате пенсий, пособий и гарантиям социальной защиты. Такая политика необходима для обеспечения базовых нужд населения и защиты от социальных рисков. Именно поэтому пенсионное обеспечение является одним из ключевых прав граждан Российской Федерации. Оно играет огромную роль в обеспечении благополучия и стабильности в обществе.

Кроме того, стоит отметить, что в нашем государстве происходят существенные изменения в экономике и демографии. Старение населения, рост безработицы, нестабильность в инфляционных процессах — все это усиливает значимость пенсионного обеспечения как механизма защиты и предотвращения социальных противоречий. Несмотря на признание права на пенсионное обеспечение в Конституции Российской Федерации (статья 39), в законодательных и подзаконных нормативных правовых актах содержатся некоторые коллизии и пробелы. В том числе требуют дальнейших реформ и совершенствования вопросы, касающиеся недостаточной детализированности некоторых областей законодательства, низкого уровня пенсионных выплат, неясности процедуры получения социальной помощи.

Проблемы социального обеспечения имеют междисциплинарный публично-правовой характер, важное место в системе правового регулирования которого занимают административно-правовые средства, обусловленные спецификой механизма государственного управления в указанной сфере, особым субъективным составом, а также наличием самостоятельных внутриаппаратных отношений. Однако рассмотрение этих вопросов не может основываться только лишь через призму государственного управления и требует включения в предмет исследования отдельных аспектов конституционного права и права социального обеспечения, что обостряет сложность рассматриваемой области.

В связи с актуальностью проблематики вопросам пенсионного обеспечения населения уделяется достаточно пристальное внимание как законодателями, так и учеными. Исследования различных аспектов пенсионного обеспечения нашли свое отражение в научных трудах ученых и специалистов А. Э. Бережной [1], И. И. Готовой [1], Л. В. Григорьевой [2], Е. С. Осиповой [3],

И. Н. Плешаковой [4], А. С. Прудникова [5], И. В. Филимоновой [6] и других. В указанных работах были рассмотрены вопросы пенсионной системы Российской Федерации, а также выявлены проблемы и дальнейшие пути совершенствования в данной области.

Описание исследования

Одним из наиболее распространенных видов выражения конституционного права на социальное обеспечение являются пенсионные гарантии, которыми воспользовалась значительная часть населения страны, при этом граждан, получающих пенсии по старости, более 30 млн человек (более 80 % от всей численности пенсионеров) (рисунок 1).

Стоит отметить, что на данный момент законодательное определение понятия «лица пожилого возраста» или же «граждане пожилого возраста» в правовом поле отсутствует. Однако подобное понятие содержится в нормах федерального законодательства и подзаконных нормативных актах, в связи с чем некоторая неопределенность в рамках трактовки данной формулировки представляется достаточно проблемным аспектом.

В настоящее время подзаконные нормативные акты содержат лишь возрастные рамки для признания лица пожилым, а пояснения в них имеют существенные различия:

— гражданин пожилого возраста: мужчина старше 60 лет, женщина старше 55 лет (ГОСТ Р 52495-2005)¹;

— пожилой возраст: 60–74 года (Методические рекомендации Министерства здравоохранения России)².

На наш взгляд, несмотря на то, что первый из указанных актов сохраняет юридическую силу до сих пор, приведенное положение является несколько устаревшим в связи с относительно недавно проведенной пенсионной реформой, в ходе которой пенсионный возраст был увеличен (для женщин — 60 лет, для мужчин — 65 лет)³.

¹ ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения : утв. приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=163008&cacheid=45DF8FE00D163C7883935D065B49BAF5&mode=splus&rnd=Tkrp#yY09SeUyQ0Fa01kD> (дата обращения: 01.03.2025).

² Комплекс мер, направленный на профилактику падений и переломов у лиц пожилого и старческого возраста : методические рекомендации : утв. Минздравом России 15.12.2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=391066&cacheid=598F915DFC19922150C4CB3522970601&mode=splus&rnd=Tkrp#Dhg9SeUQHd89Jjm01> (дата обращения: 01.03.2025).

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий : Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=479098&dst=4&cacheid=1C8129FCC1AAE7E4C410634102DE946B&mode=splus&rnd=Tkrp#n4q7SeU8R0VLGN181> (дата обращения: 01.03.2025).

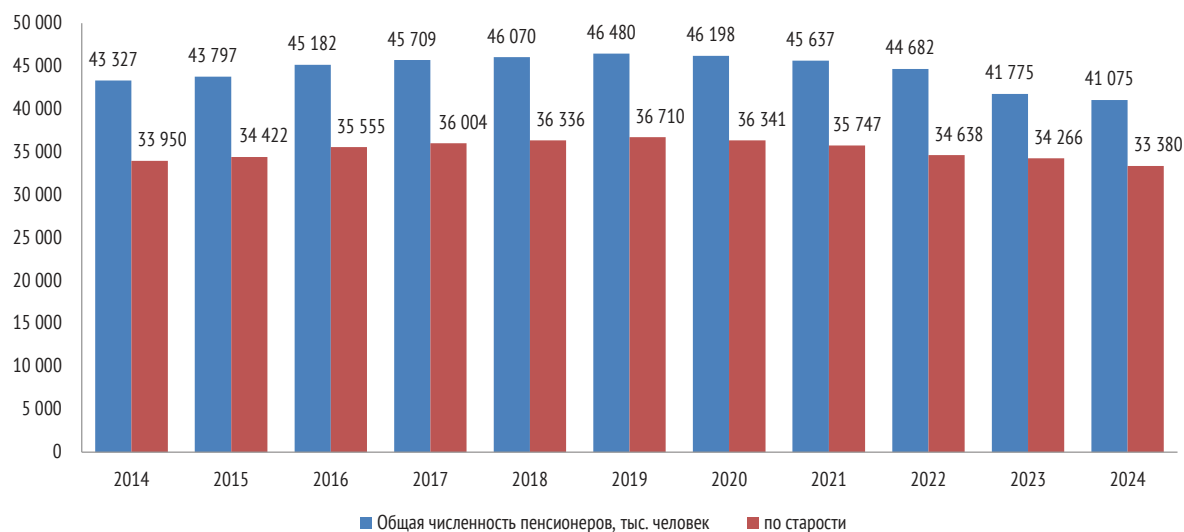

Рисунок 1 — Общая численность пенсионеров и количество человек, получающих выплаты по старости в Российской Федерации.

URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_2.1.xlsx (дата обращения: 01.03.2025)

На наш взгляд, необходимо закрепление в нормах профильного законодательства единого легального определения понятия «лицо пожилого возраста», которое учитывает современные реалии.

Также достаточно актуален в рамках судебной практики и вопрос, во-первых, о том, зависит ли право иностранных граждан и лиц без гражданства на пенсию от наличия регистрации по месту жительства, во-вторых, каким образом производится доказывание факта постоянного проживания в России для получения указанного права.

Так, в качестве одного из актов судебной практики, содержащего суть подобного спорного вопроса, следует указать определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.03.2004 № 146-О¹. В указанном судебном документе даны разъяснения об отсутствии в законодательстве прямых указаний на связь возникновения права на пенсионное обеспечение иностранных граждан и лиц без гражданства с наличием или отсутствием их регистрационного учета по месту жительства. Что касается факта постоянного проживания заявителя в Российской Федерации как основания назначения ей пенсии, то он может быть установлен судом исходя из непрерывности, длительности ее пребывания на территории Российской Федерации и других обстоятельств дела.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Адамян Жульетты Семеновны на нарушение ее конституционных прав положениями Федеральных законов «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.03.2004 № 146-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=4903&cacheid=D51A7345D77C2B35D5E00BF89383C9D7&mode=splus&rnd=Tkrp#d56ASeU4AtTwMjot> (дата обращения: 01.03.2025).

Во избежание спорных вопросов стоит, на наш взгляд, напрямую закрепить в нормах профильного законодательства положение о том, что «Наличие или отсутствие регистрации у иностранных граждан и лиц без гражданства не влияет на возникновение права на пенсионное обеспечение».

По второму вопросу можно привести определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.10.2016 № 32-КГ16-21, где было четко указано, что «обязательным условием для установления факта постоянного проживания на территории Российской Федерации и приобретения права на пенсионное обеспечение на ее территории иностранным гражданином является получение им в установленном порядке вида на жительство...»².

По итогам рассмотрения данного вопроса можно предложить сходное с предыдущим решение — закрепление в нормах профильного законодательства положения о том, что основным доказательством осуществления лицом постоянного проживания на территории Российской Федерации является наличие у него документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории Российской Федерации.

Кроме того, следует обратить внимание на назначение и выплату пенсий по старости в Донецкой и Луганской народных республиках (ДНР, ЛНР), а также Херсонской и Запорожской областях. Несмотря на то, что указанные новые субъекты были приняты в Российскую Федерацию в сентябре 2022 года, соответствующий

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.10.2016 № 32-КГ16-21 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=478487&cacheid=A2A8B518ABFA943563A0658804020D70&mode=splus&rnd=Tkrp#Q0QASeUTJL9Q8b7P> (дата обращения: 01.03.2025).

федеральный закон вступил в силу только с 1 марта 2023 года¹.

С учетом внесения некоторых корректив в основу данного законодательного акта были положены нормы дополнительного социального, в том числе пенсионного обеспечения, разработанные для Республики Крым. Так, в связи с более высоким возрастом выхода на пенсию в Российской Федерации по сравнению с ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях, гражданам из новых регионов назначаются дополнительные выплаты; закреплены доплаты работникам организаций угольной промышленности и членам летных экипажей воздушных судов гражданской авиации. Кроме того, учитывая многочисленные проблемы, обусловленные отсутствием возможности предоставления документов, подтверждающих размер заработка, периоды работы и (или) иной деятельности на территории указанных регионов предусмотрено создание соответствующих межведомственных комиссий по реализации трудовых, пенсионных и социальных прав граждан. В случае отсутствия у граждан документов, в частности, сведений о доходах, расчетной книжки и т. д., периоды работы, включаемые в стаж, могут устанавливаться на основании показаний двух и более свидетелей. Полагаем, что для восстановления правовых гарантий гражданам необходимо активизировать деятельность данных комиссий. В связи с тяжелой обстановкой и сложной ситуацией, складывающейся в новых регионах Российской Федерации, предлагаем предусмотреть права и дополнительные выплаты пенсионерам в этих субъектах, по аналогии с доплатами лицам, проработавшим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Считаем важным также остановиться на вопросах дополнительного пенсионного обеспечения сотрудникам органов внутренних дел. В связи с критической ситуацией, связанной с некомплектom в ОВД, предлагаем внести дополнения в российское законодательство, направленные на сохранение кадрового потенциала из наиболее опытных сотрудников. В целях непрерывности связи поколений и реальной работы института наставничества необходимо вернуть дополнительные ежемесячные выплаты сотрудникам органов внутренних дел, которые уже имеют право выхода на пенсию по выслуге лет. Такая доплата ранее была предусмотрена приказом МВД России от 20 апреля 1999 года № 300 «О выплате сотрудникам органов внутренних дел, имеющим право на пенсию, ежемесячной доплаты» (утратил силу в 2008 году)², что являлось дополнительным

стимулом для дальнейшего прохождения службы, существенно повышая материальный уровень и мотивацию сотрудников органов внутренних дел.

Также стоит упомянуть и об одной из наиболее острых социальных проблем — неудовлетворительный уровень и качество жизни многих пожилых граждан, что вызвано достаточно низкой степенью их социальной защищенности. В частности, это касается сферы трудовой деятельности данной категории граждан. Рациональным представляется введение некоторых льгот для пожилых трудоустроившихся граждан, например, сокращенного рабочего дня. В свою очередь, для того, чтобы создать некий стимул для работодателя, рациональным представляется снижение налоговой ставки в случае трудоустройства данной категории лиц.

Стоит отметить, что введение некоторых льгот для пенсионеров в области трудовой деятельности могут стать новой, дополнительной мерой социального обеспечения, которая не лишена ряда преимуществ, среди которых: составление графиков работы и отдыха с учетом потребностей людей пенсионного возраста, разработка специальных программ, которые помогут им безболезненно адаптироваться к новому образу жизни после выхода на пенсию, а также повысить качество своей жизни.

Немаловажен тот факт, что реализация подобного рода предложений и претворение их в жизнь поможет сократить расходы государства на социальную поддержку без ущерба для социально незащищенной категории, лица, относящиеся к которой, будут иметь доступ к достойному заработку, что позволит им улучшить свое материальное положение и социальный статус. Еще одним плюсом могло бы стать снижение уровня безработицы вследствие привлечения к труду людей, на которых государством наложен статус нетрудоспособности, который, в некоторых случаях, может не соответствовать реальному положению дел.

Заключение и вывод

Несмотря на тот факт, что пенсионное обеспечение является одной из наиболее обширных и часто встречающихся в практической деятельности форм реализации конституционного права на социальное обеспечение, данная область не лишена существенных проблем, заключающихся, во многом, в отсутствии правовой регламентации части вопросов. Так, к примеру, не установлено на законодательном уровне понятие «люди пожилого возраста», в то время как в подзаконных актах фигурируют разные подходы к пониманию данной категории, а также не регламентированы некоторые вопросы пенсионного обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих на территории Российской Федерации.

¹ Об особенностях пенсионного и дополнительного социального обеспечения граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области : Федеральный закон от 17.02.2023 № 17-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=493191-36&req=doc&base=LAW&n=494644&rnd=Tkrp#CoV8SeUthkSzQG5> (дата обращения: 01.03.2025).

² О выплате сотрудникам органов внутренних дел, имеющим право на пенсию, ежемесячной доплаты : приказ МВД России от 20.04.1999 № 300 [утратил силу на основании приказа МВД

России от 15.12.2008] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=23946&cacheid=1CE4BFF0815984362D3D04D7A07E08AD&mode=spilus&rnd=Tkrp#Cy89SeUufPpoKE8I> (дата обращения: 01.03.2025).

Список литературы

1. Глотова И. И. Бережная А. Э. Пенсионное обеспечение и его проблемы в Российской Федерации // Экономика и парадигма нового времени. 2023. № 2 (19). С. 42–46.
2. Григорьева Л. В. Развитие системы пенсионной защиты россиян: теория и практика : специальность : 5.2.4 «Финансы» : дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2023. 223 с.
3. Осипова Е. С. Обязательное пенсионное страхование в России: современные проблемы // Закон. Право. Государство. 2023. № 3 (39). С. 63–64.
4. Плешакова И. Н. Совершенствование системы обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: развитие нетипичного социального обеспечения // Legal Bulletin. 2024. Т. 9, № 4. С. 87–98.
5. Прудников А. С. Состояние и перспективы развития законодательства Российской Федерации в сфере реализации права граждан на пенсионное обеспечение // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 51–57.
6. Филимонова И. В. Пенсионная система Российской Федерации: стратегические проблемы и направления развития : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Москва, 2012. 178 с.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 03.03.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.03.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.03.2025.

Научная статья

УДК 343.1+349.6

DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-62-67

С. 62–67

ОТКАЗ ОТ БУМАЖНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ОТЧАСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Сергей Васильевич Зуев

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
zuevsergej@inbox.ru

Аннотация. Данная работа посвящена проблемам цифрового развития уголовного судопроизводства, имеющего экономический, политический, правовой, психологический, идеологический и экологический аспекты.

Автор утверждает, что отказ от бумажного формата производства по уголовным делам неизбежен, но затруднителен в силу ряда причин. Среди последних выделяется отставание в правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений в цифровой среде, нежелание многих подстраиваться под меняющиеся условия развития общества и государства, создание препятствий для продвижения идей широкого использования электронных форм взаимодействия в отечественном уголовном процессе.

Предлагаются пути решения сложившихся проблем, среди которых: повышение доверия общества к электронному правосудию; оптимизация порядка рассмотрения уголовных дел в суде; широкое внедрение информационных технологий в деятельность органов расследования; прокуратуры и суда; переход на электронное раскрытие и расследование преступлений; организация дистанционного взаимодействия всех участников уголовного судопроизводства; ускорение судопроизводства; процессуальная экономия; упрощение доступа к судебной защите.

Ключевые слова: цифровизация, уголовное судопроизводство, производство по уголовным делам, процессуальная экономия, искусственный интеллект

Для цитирования: Зуев С. В. Отказ от бумажного производства по уголовным делам: отчасти экологический вопрос // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 62–67. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-62-67

Research article

ABANDONING PAPER-BASED CRIMINAL PROCEEDINGS: PARTLY AN ENVIRONMENTAL ISSUE

Sergey V. Zuev

South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
zuevsergej@inbox.ru

Abstract. This paper is devoted to the problems of digital development of criminal proceedings, which has economic, political, legal, psychological, ideological and environmental aspects.

The author argues that the abandonment of the paper format of criminal proceedings is inevitable, but difficult due to a number of reasons. Among the latter are the lag in the legal regulation of criminal procedural relations in the digital environment, the unwillingness of many to adjust to the changing conditions of development of society and the state, the creation of obstacles to the promotion of ideas for the widespread use of electronic forms of interaction in domestic criminal proceedings.

The ways of solving the existing problems are proposed, among which are: increasing public confidence in electronic justice; optimization of the procedure for consideration of criminal cases in court; wide introduction of information technology in the activities of investigative bodies, prosecutors and courts; transition to electronic detection and investigation of crimes; organization of remote interaction of all participants in criminal proceedings; acceleration of legal proceedings; procedural economy; simplification of access to judicial protection.

Keywords: digitalization, criminal justice, criminal proceedings, procedural economy, artificial intelligence

For citation: Zuev SV. Abandoning paper-based criminal proceedings: partly an environmental issue. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):62-67. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-62-67

Введение

Бумажное производство по уголовным делам — знакомая, годами наработанная форма отражения хода и результатов раскрытия и расследования преступлений, а также рассмотрения уголовных дел в суде, пересмотра судебных решений при обжаловании в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. Отказаться от письменного способа представления доказательств тем, кто привык к традиционным, шаблонным средствам и методам доказывания, также непросто, как и принять надвигающуюся эру электронного отправления правосудия.

Трансформацию уголовного судопроизводства в современных условиях можно рассматривать через призму экономических, политических, правовых, психологических, идеологических и даже экологических проблем, решение которых можно оценивать как положительно, так и отрицательно в зависимости от выбранного отношения к происходящим изменениям.

Описание проводимого исследования

Цифровое развитие общества и государства требует переосмысления устоявшихся основ, прогнозирования перспектив и оценку возможных последствий широкого внедрения сквозных технологий¹ во все сферы жизнедеятельности, включая уголовное судопроизводство. Перед началом проведения исследования было сделано предположение о многоаспектности данного вопроса относительно производства по уголовным делам. Применяя системный метод изучения проблем в данной сфере, были выделены экономический, политический, правовой, психологический, идеологический и экологический аспекты и рассмотрены применительно к переходу от бумажного к электронному формату такого производства. Двигаясь дедуктивно от общего к частному, обозначены проблемы в каждом выделенном аспекте, а также некоторые положительные и отрицательные моменты. Обобщая собранный материал, сделан вывод о перспективах и направлениях дальнейшего развития электронного уголовного процесса.

Результаты проводимого исследования, обсуждения

Экономия материальных ресурсов при переходе к электронному производству по уголовным делам просматривается в первую очередь. В пояснительной записке к проекту федерального закона, внесшего в текст Уголовно-процессуального кодекса правовую возможность предоставлять обвиняемому копию обвинительного заключения в электронной форме, дано четкое обоснование экономической выгоды перехода на электронные

¹ Сквозные технологии (технологические направления) — перспективные технологии межотраслевого назначения, обеспечивающие создание инновационных продуктов и сервисов и оказывающие существенное влияние на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки и (или) способствуя формированию новых рынков. (Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г. : распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р.)

аналоги итоговых документов по окончанию расследования. Многотомные дела требуют значительных затрат на их обеспечение бумажными носителями информации, которые по мере производства по делам превратятся в протоколы, постановления и другие процессуальные документы.

Для примера: в 2020 году в суд после предварительного расследования было направлено уголовное дело по обвинению 23 руководителей и участников преступного сообщества в совершении незаконного сбыта синтетических наркотических средств и психотропных веществ посредством сети Интернет. Данными лицами, по мнению органов расследования, было совершено 73 тяжких и особо тяжких преступления. При этом только одно обвинительное заключение составило 460 томов. Учитывая количество обвиняемых, на изготовление копий этого итогового документа понадобилось 1240 коробок бумаги, использовался 621 картридж для копировальных машин². И это далеко не единственный случай многотомных дел в судебной и следственной практике.

Экономия средств в уголовном процессе может касаться не только канцелярских товаров, но и самой работы следователей, дознавателей и судей, а также содержания лиц, находящихся под стражей. Деятельность суда в последнее время часто рассматривают относительно возможностей внедрения и использования технологий искусственного интеллекта [9, с. 115]. В Китае, к примеру, судьи просто обязаны считаться с решением, предложенным искусственным интеллектом³. Чем не аналог коллегиальности (в плане группового принятия процессуального решения) с возможным сокращением численности судей?

8 августа 2024 года Президентом РФ был подписан Федеральный закон № 267-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», позволивший проводить свидания обвиняемого с его защитником дистанционно, то есть с применением видео-конференц-связи⁴. Об этом были внесены соответствующие изменения в УПК РФ. В данном случае просматривается экономия на использование дополнительных помещений и их поддержание.

Об экономии средств в уголовном процессе писали и пишут многие ученые, рассуждают практикующие юристы. Не вдаваясь в дискуссию относительно этого вопроса, хочется лишь заметить, что экономический фактор имеет немаловажное значение, в том числе с учетом существенных затрат государства на военные нужды.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/312970-8> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Чаплыгина М. Судей в КНР обязали использовать ИИ при вынесении решений // РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20220719/308146405.html (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.08.2024 № 267-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202408080077> (дата обращения: 10.01.2025).

О. В. Маричева напрямую связывает экономию и затраты на уголовное судопроизводство и считает, что «внедрение комплексной системы цифрового судопроизводства в период военного положения способно обеспечить ощутимую экономию средств», а отказ от бумажного документооборота позволит автоматизировать рутинные процессы и более рационально использовать ресурсы судов [10, с. 124].

При этом одновременно просматривается оптимизация деятельности органов расследования. Исследуя вопрос организационно-технического обеспечения деятельности органов предварительного расследования по использованию электронного документооборота в досудебном производстве, С. А. Рябчиков пришел к выводу о том, что переход на электронные документы позволит органам предварительного расследования оптимизировать свою работу и повысить ее эффективность. Создание цифровой платформы позволит вести расследование в электронном формате, при этом доступ к информации станет более быстрым и доступным. Это также будет способствовать централизованному хранению уголовных дел, документов, а значит и доказательств, что приведет к искоренению утраты материалов дел. В режиме реального времени участники уголовного процесса смогут подключаться и участвовать в расследовании. Это также создаст условия для оперативного реагирования на жалобы, заявления, ходатайства. Расследование станет более прозрачным, удобным и качественным. С экономической точки зрения, по мнению автора, создание единой цифровой площадки снизит затраты на печать и хранение бумажных документов, что приведет к экономии времени и средств [14, с. 95].

Таким образом, экономия напрямую затрагивает *экологический вопрос*, поскольку сохраняются не только леса, но и материальные ресурсы. В перспективе возможен переход на так называемый «беспредметный» уголовный процесс, когда на смену материальным объектам придут цифровые образы. Это касается как переносимых предметов и ценностей, так и объектов недвижимости. Возможно, что в перспективе не понадобятся в таком большом количестве кабинеты, здания. В этом просматривается некая аналогия с оказанием банковских услуг. Цифровая среда — благоприятное пространство для решения как финансовых, так и правовых вопросов, в том числе в сфере уголовного судопроизводства.

В данном случае также уместен вопрос о процессуальной экономии, связанной с оптимизацией, рациональным использованием материальных ресурсов и сокращением сроков по уголовным делам [6, с. 98].

Различного рода сканеры позволят фиксировать и представлять в цифровом изображении вещественные доказательства и предметы, обнаруженные на месте совершения преступления. Активное применение средств видеофиксации даст возможность применять видеомоделирование как для производства различных следственных действий, так и для демонстрации в суде «результатов в видеографической форме» [4, с. 196].

Политический аспект рассматриваемого вопроса связан с позиционированием государства в мировом сообществе, с оценкой уровня его развития относительно других стран, с взаимодействием государств, в том числе по линии работы правоохранительных органов и судов, с обменом информацией и распространением положительного опыта.

Российская Федерация является одной из ведущих стран в мире страной, с развитой экономикой и инфраструктурой. Применение современных технологий в уголовном судопроизводстве следует рассматриваться как один из показателей уровня развития внутригосударственных отношений. Таким же критерием служит институт рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, который был восстановлен после распада Советского Союза в 1993 году¹. Показательно то, что цивилизованность государства предполагает существенные финансовые затраты на поддержание соответствия заданному критерию. С другой стороны, отсутствие соответствующих технологий в государстве на сегодня может трактоваться как отставание. Верно замечено, что российский законодатель характеризуется осторожностью, отсутствием спешки внедрения в уголовное судопроизводство — как самую строгую сферу правоотношений, цифровых новшеств без продуманных гарантий прав участников процесса и обеспечения достоверности получаемых сведений, претендующих на доказательственное значение [2, с. 351].

В настоящее время в разных странах можно наблюдать три варианта производства по уголовным делам: традиционный бумажный, смешанный (с элементами использования электронных документов) и электронный. Поскольку взаимодействие правоохранительных органов относительно раскрытия, расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в судах предполагает обмен информацией, документами и даже передачу уголовного преследования, то любая система должна быть готова к принятию и работе с любыми видами документов, в том числе в электронном виде.

На сегодня можно назвать десятки стран, где осуществляется электронный документооборот в сфере уголовного судопроизводства. Среди них Саудовская Аравия, Великобритания, Германия, Южная Корея, США, Китай, Республика Казахстан, Азербайджанская Республика, Сингапур и др. [1; 4; 7; 8]. Если документы в электронном виде будут представлены в Российскую Федерацию для дальнейшего производства по уголовным делам, то это станет проблематичным, так как их потребуется перевести в бумажный текстовый формат, при этом доказательственное значение будут иметь все документы, включая электронные.

Психологический аспект отказа от бумажного производства по уголовным делам связан с трудностями перехода на цифровое уголовное производство. Проблемы

¹ Климачева К. Суд присяжных в России: прошлое, настоящее и будущее // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/233124/> (дата обращения: 10.01.2025).

такого рода, как правило, имеют место в головах некоторых правоприменителей (следователей, дознавателей, судей), ученых и граждан. Профессиональный аспект в данном случае просматривается по результатам проводимых опросов. Так, по результатам исследования С. А. Рябчиков указывает на то, что только 68 % из числа опрошенных согласны с необходимостью перехода на видеопотоколирование [13, с. 57]. Это означает, что есть и те, кто не желает этого, возможно из-за того, что удобнее проводить расследование в привычной бумажной форме, поскольку технологии требуют большей ответственности и грамотного ведения дел.

Недоверие технологиям отчасти проявляется относительно широкого использования искусственного интеллекта, в том числе в уголовном процессе. Угроза потери места работы также рассматривается как один из факторов отторжения развития науки и техники и внедрения их результатов в правовую сферу уголовного судопроизводства.

Активные дискуссии, как правило, заканчиваются признанием того, что «искусственный интеллект не способен полностью вытеснить юристов с рынка. Вместе с тем уже в ближайшем будущем юристам все же придется встраиваться в новую систему отношений»¹. Все это потребует от юристов повышение знаний в сфере применения новых технологий.

М. П. Поляков также обратил внимание, что этот вопрос имеет *идеологический характер*. В частности, автор отмечает, что «цифровой должна стать не только техника, но и мировоззрение, мировоззрение как тех, кто формирует доказательства, так и тех, кого они призваны убедить, включая самые широкие социальные слои» [12, с. 230].

Правовой аспект широкого применения цифровых технологий связан с отсутствием в Российской Федерации надлежащей законодательной базы, а также необходимого количества подзаконных, в том числе межведомственных, актов для осуществления уголовного судопроизводства в цифровой среде. Архиважным становится разграничение уровней правового регулирования возможных цифровых уголовно-процессуальных отношений.

Повсеместно обсуждаются вопросы, связанные с тем, что должно найти отражение в УПК РФ. По всей видимости, в данном законе должно быть прописано то, что влияет на законность и допустимость доказательств, а также прямо служит реализации назначения уголовного судопроизводства.

Появление различных регламентов применения технических средств меняет представление о традиционном, законном регулировании. Пример тому — приказ от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении регламента организации применения видео-конференц-связи в федеральных

судах общей юрисдикции»². Кроме того, порядок подачи жалоб, ходатайств, заявлений и представлений прокурору, следователю, руководителю следственного органа, в орган дознания, дознавателю в электронном виде, а также требования к их оформлению и используемым техническим средствам могут определяться нормативными правовыми актами Следственного комитета РФ, федеральных органов исполнительной власти, в состав которых входят органы предварительного расследования, Генеральной прокуратуры РФ (ч. 4 ст. 474.2 УПК РФ). Все это можно рассматривать как начало тенденции к многоуровневому правовому регулированию значимых для уголовного судопроизводства вопросов.

Не менее важным является вопрос об использовании технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе.

Представляется, что попытки рассмотреть значение искусственного интеллекта (далее — ИИ) через призму правосубъектности³ обречены на неудачу. Многие высказываются о том, что ИИ не может быть субъектом для принятия решений. Ответственность должна возлагаться на должностное лицо. Однако в данном случае хочется высказать и некоторые вполне разумные сомнения в безукоризненности использования такого подхода.

Так, если судья является субъектом, то не исключена и субъективность. ИИ в этом плане более объективен, а значит субъектность как категория подлежит переосмыслению на фоне внедрения современных технологий.

Кроме того, как уже отмечалось, в Китае судья должен считаться с предложенным ему технологическим решением. Но стоит заметить, что даже при коллегиальном рассмотрении дел судья не учитывает мнение других судей при высказывании своего мнения. Это означает, что предложенное решение ИИ имеет если не большее значение, то такое, с которым необходимо считаться. Следует также учитывать, что искусственный интеллект в 97 % рассмотренных дел предлагает верное решение⁴.

ИИ способен проявлять признаки правосознания, например: выбирать вариант поведения, квалифицировать содеянное, принимать решения, действовать в условиях изменчивости внешних воздействий, самообучаться, инициативно совершать юридически значимые действия. Однако вряд ли этого достаточно для придания ИИ правосубъектности, да и нужно ли это делать — тоже вопрос.

² Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374166/ (дата обращения: 10.01.2025).

³ Ралько В. Правосубъектность искусственного интеллекта: возможно ли? Правовой и морально-этический аспект // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2023/10/17/pravosubektnost_iskusstvennogo_intellekta_vozmozhno_li_pravovoj_i_moralno-eticheskij_aspekt (дата обращения: 08.01.2025).

⁴ Чаплыгина М. Судей в КНР обязали использовать ИИ при вынесении решений.

¹ Юристы в цифровую эпоху: вытеснит ли искусственный интеллект юридическую профессию? // НИУ ВШЭ : [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/207697158.html> (дата обращения: 10.01.2025).

Существует также мнение о возможном наделении ИИ статусом электронного лица как некой аналогии с юридическим лицом [3, с. 16]. Здесь возникает противоречие в том, что возлагая на такое электронное лицо ответственность, ИИ не будет испытывать негативные последствия от возложенного на него наказания в случае ошибок, допущенных нарушений, а значит, отсутствует некая форма ответного воздействия.

Известно, что БПЛА могут быть оснащены ИИ, благодаря чему способны самостоятельно принимать решения при нанесении ударов по военным объектам. Такие эксперименты проводятся в зоне СВО. Человек нужен только для запуска дрона, далее он самостоятельно «залетает в зону своего действия, сам определяет цель — например, блиндаж, пулемет или танк — атакует»¹. Даже если связь между пультом и устройством будет нарушена, машина продолжит выполнение полетного задания.

Системы видеонаблюдения любого современного города оснащены алгоритмом, который без участия человека в автоматическом режиме оформляет штрафы за нарушения правил дорожного движения водителями транспортных средств. Предусмотрена возможность обжаловать, но по сути обжалованию подлежит техническое решение².

Возможно, находясь пока на недостаточном уровне развития, человечество не готово признать равенство и даже преимущество технологий в решении ряда правовых вопросов, но это вопрос времени.

В данном случае более удачным выглядит мнение о том, что «необходимо более активно и комплексно внедрять информационные технологии в судебную систему, как вспомогательных инструментов, так и инновационных решений, способных частично или полностью заменить традиционные судебные процедуры» [10, с. 122].

М. П. Поляков считает, что главной опасностью внедрения цифровых технологий может стать «значительное уменьшение роли человека в правосудии, вплоть до полного перехода правосудия в подчинение искусственному интеллекту» [11, с. 69]. Однако, может быть, все зависит от уровня восприятия ситуации. Представляется возможным рассматривать цифровое развитие общества и государства в 4-уровневой системе, где первый — это появление ЭВМ и обмен информации посредством электронной почты; второй — массовый выход людей в сеть Интернет и коммуникация в виртуальной среде; третий — признание равными, с созидющим эффектом некоторые продукты человеческого и технологического производства; четвертый — признание преимущества результатов работы технологий перед человеком созданным аналогом его деятельности. В настоящее

время мы в большинстве своем находимся еще на втором уровне, поэтому третий и тем более четвертый могут восприниматься как угроза устоявшимся ценностям. Кроме того, не надо забывать, что человечество имеет опыт по «обузданию» и управлению техническими и энергетическими потенциально опасными средствами обеспечения жизнедеятельности. Это и транспорт, и атомная энергетика, и многое другое.

Президент Российской Федерации В. В. Путин, оценивая ситуацию, призывает заранее купировать все риски, связанные с управлением ИИ³.

Общие тенденции, которые можно сейчас наблюдать в разных правовых системах уголовного судопроизводства, это повышение доверия общества к электронному правосудию, оптимизация рассмотрения судебных дел, широкое внедрение информационных технологий в производство по уголовным делам, переход на электронное раскрытие и расследование преступлений, организация дистанционного взаимодействия всех лиц, участвующих в уголовно-процессуальных отношениях, ускорение судопроизводства, упрощение доступа к судебной защите.

Хочется также заметить, что в условиях технологического развития вновь создаваемые правовые отношения плохо укладываются в известные представления о событиях. Ломаются привычные стереотипы; используемый ранее понятийный аппарат не может описать интернет-реалии; виртуальный мир нуждается в создании новой модели миропонимания. Правовые отношения в среде материальных объектов, обеспеченные правовой защитой, транспонируются в цифровую среду. Появление новых цифровых и квантовых решений требует дополнительной защиты конституционных прав граждан. Личный суверенитет выходит за рамки физического тела человека и приобретает признаки цифровых отношений.

Неприкосновенность жилища нарушается в случае получения информации посредством проведения электронного наблюдения за тем, что происходит внутри его. О. Н. Ходасевич сформулировал об этом свою позицию так: «всякое «беззащитное» использование технических средств, позволяющих получать информацию о происходящем в жилище событиях, следует рассматривать как ограничение неприкосновенности жилища, требующее судебного решения» [15].

Квантовое сканирование зданий, сооружений требует соответствующих механизмов правового регулирования [16, с. 28]. Складывается впечатление, что конституционные права человека отделимы от материальных объектов (физических тел) и претендуют на нечто большее в цифровой среде, в которой человек добровольно или по общему правилу предоставляет о себе информацию. Последнее становится мегаресурсом, центром денежных отношений, находясь одновременно

¹ Кирилов М. «Дрон сам определяет цель и атакует». Как в зоне СВО разрабатывают и тестируют новейшее российское оружие // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/07/19/nevskiy/> (дата обращения: 11.01.2025).

² Керсипова Е. Штрафы с камер ГИБДД в 2024 году: за какие нарушения приходят, как обжаловать // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/05/17/shtrafy-s-kamer-gibdd-v-2024-godu/> (дата обращения: 09.01.2025).

³ Путин назвал искусственный интеллект основой для нового рывка в развитии человечества // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10172451> (дата обращения: 10.01.2025).

под пристальным вниманием криминальных структур и разного рода недоброжелательных лиц.

Результат исследования и выводы

В заключении хочется заметить, что отказ от бумажного производства по уголовным делам — это не только экологический вопрос. Значительнее этого выглядит преодоление стереотипов, стандартов и привычек

в рутинной работе органов расследования и судов. Вопросы экономического, правового, идеологического и психологического характера еще длительное время будут оставаться в центре внимания. Однако уже сегодня наблюдаются предпосылки развития цифровизации уголовного судопроизводства, и учитывая положительный зарубежный опыт возникает уверенность, что все проблемы на этом пути будут успешно преодолены.

Список источников

1. Артемова В. В., Ермаков С. В., Иванов Д. А. Зарубежный опыт и перспективы использования электронного формата уголовных дел в Российской Федерации // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2024. № 1. С. 7–10.
2. Афанасьева С. И., Добровлянина О. В. О внедрении, развитии, усовершенствовании электронных способов собирания доказательственной информации по уголовным делам // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2023. № 60. С. 349–377.
3. Болотаева О. С. Правосубъектность искусственного интеллекта // *Государство и право*. 2022. № 4 (208). С. 15–17.
4. Высокотехнологичный уголовный процесс : монография / под ред. д-ра юрид. наук С. В. Зуева, д-ра юрид. наук Л. Н. Масленниковой. Москва : Юрлитинформ, 2023. 216 с.
5. Зайцев О. А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2019. № 4 (77). С. 42–57.
6. Зуев С. В. Информационные технологии и принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2021. № 4 (31). С. 98–105.
7. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран / Д. В. Бахтеев, В. А. Задорожная, А. И. Зазунлин [и др.]. Москва : Юрлитинформ, 2020. 216 с.
8. Казакова Т. А. Использование технологий искусственного интеллекта в области правосудия // *Экономика и право: проблемы, стратегия, мониторинг* / под ред. Е. В. Фомина. Чебоксары : Изд. дом «Среда», 2023. С. 143–151.
9. Кравчук Н. В. Искусственный интеллект как судья: перспективы и опасения // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право*. 2021. № 1. С. 115–122.
10. Маричева О. В. Цифровые решения для оптимизации назначения уголовных наказаний в условиях военного положения // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2024. Т. 14, № 5. С. 115–129.
11. Поляков М. П. Цифровизация: слуга или повелитель правосудия? // *Государство и право в изменяющемся мире: проблемы и перспективы цифровизации правовой среды : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 24 марта 2022 года*. Нижний Новгород : Автор, 2023. С. 69–78.
12. Поляков М. П. Доказательства и цифровая подпись в уголовном процессе: ожидание волшебства // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2020. № 1 (49). С. 229–231.
13. Рябчиков С. А. Видеопротоколирование как средство уголовно-процессуального доказывания // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2024. Т. 24, № 2. С. 56–62.
14. Рябчиков С. А. Организационно-техническое обеспечение деятельности органов предварительного расследования по использованию электронного документооборота в досудебном производстве // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2023. № 4 (39). С. 89–95. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-89-95
15. Ходасевич О. Н. Ограничения права личности при проведении отдельных видов ОПК. Примерные пути решения // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2015. № Т. 13. С. 4316–4320. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85864.htm> (дата обращения: 10.01.2025).
16. Чурикова А. Ю. Риски ограничения прав человека при использовании квантовых технологий в уголовном судопроизводстве // *Информационное право*. 2024. № 3 (81). С. 27–30.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.01.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.02.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 03.03.2025.

Научная статья
УДК 342.92
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-68-73

С. 68–73

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ НОРМА ЗА ПРОТИВОПРАВНОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ФУНКЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА (РЕЙДЕРСКИЙ ЗАХВАТ): КОНСТРУКЦИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ

Виктория Маратовна Кочедыкова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
v.koched@mail.ru

Аннотация. В настоящее время проблема рейдерских захватов в Российской Федерации является актуальной — число корпоративных конфликтов, связанных с установлением контроля над организацией путем незаконных или формально законных методов, не уменьшается. В статье исследуется рейдерство как негативное социальное явление, проанализировано действующее законодательство по освещаемому вопросу. Сформулировано обоснование необходимости криминализации рейдерства на примерах судебной практики. Исследовав состояние законодательства, автор считает возможным выделить рейдерство отдельным составом уголовно наказуемого деяния, создав отдельную норму Уголовного кодекса Российской Федерации, определив рейдерский захват как противоправный захват бизнеса либо посягательство на предпринимательскую деятельность. Дается характеристика элементам состава данного противоправного деяния: объективная сторона, объект, субъективная сторона, субъект. Определяются квалифицирующие признаки преступлений, связанных с рейдерскими захватами.

Ключевые слова: рейдерство, рейдерский захват, состав преступления, противодействие рейдерству, поглощение предприятия

Для цитирования: Кочедыкова В. М. Уголовно-правовая норма за противоправное осуществление функции управления в отношении юридического лица (рейдерский захват): конструкция состава преступления, квалифицирующие признаки // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 68–73. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-68-73

Research article

CRIMINAL-LEGAL NORM FOR UNLAWFUL EXERCISE OF MANAGEMENT FUNCTION IN RELATION TO A LEGAL ENTITY (RAIDER SEIZURE): CONSTRUCTION OF THE CORPUS DELICTI, QUALIFYING FEATURES

Victoria M. Kochedykova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
v.koched@mail.ru

Abstract. Currently, the problem of corporate raiding in the Russian Federation is relevant — the number of corporate conflicts related to the establishment of control over an organization by illegal or formally legal methods does not decrease. The article examines corporate raiding as a negative social phenomenon, analyzes the current legislation on the issue under consideration. The rationale for the need to criminalize corporate raiding is formulated using examples of judicial practice. Having studied the state of the legislation, the author considers it possible to single out corporate raiding as a separate criminal offense, creating a separate norm of the Criminal Code of the Russian Federation, defining corporate raiding as an illegal takeover of a business or an encroachment on entrepreneurial activity. The characteristics of the elements of this illegal act are given: objective side, object, subjective side, subject. The qualifying features of crimes related to corporate raiding are determined.

Keywords: raiding, raider seizure, composition of the incident, counteraction to raiding, takeover of an enterprise

For citation: Kochedykova VM. Criminal-legal norm for unlawful exercise of management function in relation to a legal entity (raider seizure): construction of the corpus delicti, qualifying features. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):68-73. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-68-73

Введение

В нашей стране рейдерский захват бизнеса довольно распространенное явление, и направлен он, прежде всего, на противоправное завладение движимым и недвижимым имуществом компании, например, земельными участками, зданиями, сооружениями, денежными средствами, а также производственными средствами, производственной техникой, товаром компании [13, с. 37].

Возникновение рейдерских захватов в Российской Федерации (далее — РФ) связано с изъянами рыночных способов перераспределять собственность, системными проблемами рыночной оценки средств предприятий, которые можно легко реализовать (превратить в деньги), неотчетливой и непрозрачной системой фиксации прав собственности, ростом корпоративных конфликтов. В итоге, это способствует формированию способов нападения на частную предпринимательскую собственность и трансформации способов так называемого «экономического терроризма» через рейдерство и гринмейл¹, направленных на смену собственника предприятия целиком либо какой-то его части [12, с. 103].

В материалах ежегодного доклада Уполномоченного по защите прав предпринимателей при президенте РФ, который был представлен 26 мая 2021 года, содержатся следующие данные: 78,6 % предпринимателей считают, что законодательство Российской Федерации не предоставляет достаточных гарантий для защиты бизнеса от необоснованного уголовного преследования. Того же мнения придерживаются 60,8 % адвокатов и юристов и 18,4 % прокуроров. Среди наиболее значимых проблем Уполномоченный выделяет «криминализацию правомерной хозяйственной деятельности как метод давления на бизнес» и подмену гражданско-правовых споров уголовным преследованием. Уголовные дела возбуждаются без учета того, есть ли между сторонами гражданский спор; иногда это происходит даже вопреки позиции арбитражных судов, сказано в докладе².

Методология исследования

В законодательстве РФ определение рейдерства отсутствует, однако А. Ю. Федоров формулирует данную дефиницию следующим образом: «рейдерство — это общественно опасное, противоправное деяние, связанное с незаконным приобретением права владения, и (или) пользования, и (или) распоряжения активами (частью активов) юридического лица, либо связанное с установлением контроля над юридическим лицом путем незаконного приобретения права владения, и (или) пользования, и (или) распоряжения долями участников юридического лица в уставном капитале юридического

лица и (или) голосующими акциями акционерного общества, причиняющее вред правам и законным интересам собственников и осуществляемое вопреки их волеизъявлению, угрожающее безопасности личности, общества и государства» [11, с. 38].

Исследованию проблемы противодействия рейдерству в уголовно-правовой науке посвящены научные труды ряда ученых. В. А. Герасименко исследует факторы возникновения и распространения рейдерства, в том числе несовершенство законодательно-правовой базы в Российской Федерации [4, с. 20]. Ф. Г. Шахкелдов выводит определение рейдерства, дает криминалистическую характеристику способов преступлений, связанных с незаконными захватами имущественных комплексов юридических лиц [12, с. 103]. Е. В. Борисова провела анализ влияния рейдерских захватов организаций на различные звенья финансовой системы страны, условий социально-экономической среды, в которой возникло и развивается рейдерство, определила, что защита от рейдерства может быть обеспечена системным подходом к осуществлению комплекса мер, способствующих повышению экономической безопасности России [2, с. 20]. Л. А. Андреева исследует уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия рейдерским захватам, поддерживает идею введения отдельной нормы в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), предусматривающей ответственность за осуществление рейдерского захвата, предлагает совершенствование правовой системы касательно исследуемого вопроса [1, с. 16]. И. В. Ботвин исследует причины и условия рейдерской деятельности, изучает общие детерминанты, приходит к выводу, что проблема требует незамедлительного внимания государства с выработкой комплексного и всестороннего решения по предупреждению силового захвата бизнеса [3, с. 100].

Отсутствие отдельной нормы в УК РФ, предусматривающей наказание за рейдерский захват, следовательно, неимение четко сформулированных и закрепленных признаков состава преступления, создает определенные проблемы при расследовании деяний, связанных с рейдерской деятельностью.

Среди признаков рейдерства в научной литературе принято выделять: противоправность, направленность посягательства в отношении юридических лиц, переход права управления юридическим лицом, отчуждение имущества юридического лица или имущественных прав в результате захвата.

Кроме того, рейдерский захват может быть охарактеризован отчуждением какого-либо имущества предприятия, впоследствии увеличение имущественной массы виновного лица за счет уменьшения фондов юридического лица-жертвы. При этом может быть осуществлен переход права управления. Для рейдерского захвата обязательным условием является установление контроля над помещениями, в которых находится юридическое лицо, что в последующем позволяет установить контроль над организацией [11, с. 63].

¹ Гринмейл — продажа пакета акций фирме-эмитенту, менеджеру или текущему владельцу фирмы-эмитента по цене, значительно превышающей рыночный курс // Энциклопедия Руниверсалис. URL: <https://руни.рф/Гринмейл> (дата обращения: 20.10.2024).

² Между своим делом и уголовным все меньше разницы: Борис Титов в своем докладе оценил опасность ведения бизнеса в России // Газета РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/05/26/60abba669a794710f338fb83> (дата обращения: 20.10.2024).

Признаками, общими для всех противоправных деяний, связанных с незаконным захватом имущественных комплексов юридических лиц, следует назвать:

— все правонарушения, связанные с противозаконным нападением на имущественные комплексы организаций, в своей совокупности выступают как единая целенаправленная деятельность;

— предмет посягательства — имущественный комплекс юридического лица (полностью или частично);

— мотив преступления — корыстный, но не только в своих личных интересах, но и в интересах других лиц;

— основная цель действий — переход права собственности на имущество из законного владения к другому собственнику, осуществляемая против воли собственника или руководителя организации;

— общественно-опасные последствия — поглощение юридического лица в обход установленным нормам и правилам присоединения [12, с. 107].

Рейдерский захват чаще всего сопровождается возбуждением уголовных дел в отношении захватываемого предприятия. Уголовные дела инициируются с целью давления на жертву захвата. Даже если в итоге такие дела закрываются, пострадавшие терпят убытки.

При подаче заявлений для возбуждения уголовного дела, при отсутствии признаков состава преступления, преступники стремятся:

— получить доступ к документам и информации по захватываемой организации путем производства их выемки либо истребования в соответствии с запросами;

— осуществить психологическое давление на лиц, которые сопротивляются рейдерскому нападению, например, директора организации;

— достичь нейтрализации физических лиц, которые возможно будут оказывать противодействие, посредством их задержания [12, с. 106].

Актуальная судебная практика показывает, что участники рейдерского захвата привлекают к уголовной ответственности по следующим статьям: вымогательство (163 УК РФ), мошенничество (159 УК РФ), принуждение к совершению сделки или отказу от её совершения (179 УК РФ), регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом (170 УК РФ), незаконное предпринимательство (171 УК РФ), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (174.1 УК РФ), самоуправство (330 УК РФ), подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (327 УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (165 УК РФ) и т. п.

Например, Санкт-Петербургским городским судом 29 августа 2019 года привлечена к ответственности преступная группа, занимавшаяся различными видами мошенничеств, связанных, в частности, с присвоением недвижимого имущества, рейдерской деятельностью по завладению чужим имуществом, а также

деятельностью, связанной с выполнением заказов на ликвидацию физических лиц¹. Преступная деятельность группировки, связанная с рейдерскими захватами, была сопряжена в том числе с фальсификацией документов, угрозой применения насилия, применением насилия, похищениями людей, убийствами. Определением Верховного суда Российской Федерации от 15 января 2020 г. приговор Санкт-Петербургского городского суда от 29 августа 2019 г. оставлен без изменения. В данном случае суд устанавливал ответственность за рейдерство сразу по 5-ти статьям УК РФ, а именно: 126 УК РФ, 111 УК РФ, 105 УК РФ, 30 УК РФ, 159 УК РФ, то есть квалифицировались отдельные действия участников преступной группы, осуществляемые ими в процессе противозаконной деятельности, в том числе рейдерских захватов. Данный пример подтверждает довод о необходимости введения самостоятельной нормы о рейдерстве в УК РФ с целью устранения проблем, возникающих в процессе расследования и квалификации таких противоправных деяний, как рейдерские поглощения, так и для единообразия судебной практики по привлечению к ответственности виновных лиц.

Еще одним примером необходимости криминализации рейдерства как уголовно-правового деяния является дело № 2-64/2016 Московского городского суда. Согласно приговору от 26 декабря 2016 г. к уголовной ответственности привлечена группа лиц, осуществившая похищение потерпевшего для получения от него согласия на прекращение им предпринимательской деятельности с целью в дальнейшем получения прибыли рейдерами от предпринимательской деятельности потерпевшего. При этом преступление не было доведено до конца по причине смерти похищенного в процессе осуществления похищения. В зависимости от распределения ролей, выполняемых участниками преступной группы, ее члены были осуждены по ст. 105 УК РФ (убийство), 30 УК РФ (приготовление к преступлению и покушение на преступление), 126 УК РФ (похищение человека). Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 августа 2017 года приговор Московского городского суда с участием присяжных заседателей от 26 декабря 2016 года изменен в отношении одного из участника совершения преступления, в остальной части — оставлен без изменения².

Рейдерство зачастую сопряжено с преступлениями против личности, собственности. В таком случае правоохранительные органы квалифицируют это как отдельное преступление по статьям убийство (105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (111 УК РФ), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (112 УК РФ), умышленное причинение

¹ Апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации от 15 января 2020 г. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1868502 (дата обращения: 25.10.2024).

² Апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации от 03 августа 2017 г. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1570102 (дата обращения: 29.10.2024).

легкого вреда здоровью (115 УК РФ), незаконное лишение свободы (127 УК РФ), присвоение или растрата (160 УК РФ), грабеж (161 УК РФ), разбой (162 УК РФ), вымогательство (163 УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (165 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение имущества (167 УК РФ)¹.

На сегодняшний день при расследовании преступлений, связанных с рейдерскими захватами, следственные органы квалифицируют отдельные уголовно-наказуемые действия, которые имели место в процессе рейдерской операции.

Так, например, действующее уголовное законодательство предусматривает отдельные составы, косвенно указывающие на этапы реализации умысла, направленного на рейдерство.

Действия рейдеров нередко квалифицируются по следующим статьям УК РФ:

— ст. 179 УК РФ (в случаях, когда рейдер принуждает владельца организации заключить сделку по отчуждению имущества под угрозой насилия);

— ст. 170.1 УК РФ (в случаях, когда в регистрирующий орган представляются заведомо ложные данные в целях внесения недостоверных сведений в ЕГРЮЛ, реестр ценных бумаг или систему депозитарной учета);

— ст. 170 УК РФ (в отношении должностных лиц, регистрирующих заведомо незаконные сделки, искажающих сведения ЕГРЮЛ и государственного кадастра);

— ст. 173.1 и 173.2 УК РФ (при использовании в процессе захвата фирм-однодневок и подставных лиц);

— ст. 183 УК РФ (при незаконном получении сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну);

— ст. 185.5 УК РФ (фальсификация решения общего собрания или совета директоров общества);

— ст. 186 УК РФ (в части изготовления и сбыта ценных бумаг);

— ст. 196 и 197 УК РФ (преднамеренное и фиктивное банкротство);

— ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств, — при представлении в суд в целях получения неправосудного акта поддельных документов);

— ст. 327 УК РФ (подделка документов);

— ч. 3 ст. 299 УК РФ (незаконное возбуждение уголовного дела в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности) [7, с. 495].

Вместе с тем, как мы видим, рейдерский захват полностью не охватывается признаками ни одной нормой действующего УК РФ.

Ввиду отсутствия в УК РФ отдельной статьи, предусматривающей наказание за рейдерство, значительно снижается эффективность противодействия данным деяниям, что препятствует выработке целостных подходов в борьбе с криминальными рейдерскими захватами.

По мнению Г. К. Смирнова [9, с. 7], А. А. Соловьева [10, с. 9], Н. С. Косьяненко [5, с. 120], О. С. Рудик [8, с. 263] рейдерство — это один из видов преступности, критерием которой является цель отчуждения предприятия, его имущества, имущественных прав, денежных средств, а также недвижимости, земельного участка с использованием незаконных средств и способов. Однако как вид преступности, состоящий из совокупности различных самостоятельных преступлений, предусмотренных УК РФ, рейдерство не соответствует этому требованию. Те преступления, за которые в настоящее время привлекаются к ответственности рейдеры, не образуют единую систему и общность, а представляют собой отдельные действия единого преступного процесса или преступной деятельности [12, с. 81].

Интерес в рамках исследуемой проблемы представляет позиция Л. А. Андреевой, которая предлагает «выделить рейдерство отдельным составом уголовно наказуемого деяния, создав отдельную статью УК РФ «Рейдерство», определив понятие как противоправный захват бизнеса, выделив четыре части в проектируемой статье: захват предприятия как объекта собственности, акций, смена руководства; захват бизнеса (группы предприятий, составляющих единую технологическую цепочку либо группы предприятий, объединенных единой сетью либо крупного бизнеса); захват бизнеса группой лиц с участием должностных лиц, использующих свое должностное положение; захват бизнеса в особо крупном размере либо сопровождающийся убийствами, тяжкими телесными повреждениями». По ее мнению, «необходимо квалифицировать „рейдерство“ исключительно как преступление, совершенное группой лиц, а введение отдельной статьи УК РФ позволит отграничить это противоправное деяние от других уголовно наказуемых деяний» [1, с. 17]. Соглашаясь и поддерживая мнение автора, мы предлагаем рассмотреть уголовно-правовую характеристику рейдерского захвата.

Уголовно-правовая характеристика рейдерского захвата

Описанная выше правоприменительная практика предопределила вывод о том, что в УК РФ необходимо включить отдельную норму, предусматривающую уголовное наказание за осуществление рейдерского захвата, с целью правильной квалификации данного преступления и, как следствие, определение соответствующего наказания за него. При введении отдельной статьи за рейдерство в УК РФ будут устранены проблемы подмены элементов состава преступления смежными составами преступлений, что позволит отграничить это противоправное деяние от других уголовно наказуемых деяний в области экономики.

Объектом рейдерского захвата следует признать общественные отношения, охраняемые уголовным законом (безопасность экономических отношений в широком смысле, при завладении бизнесом — экономическая безопасность отдельного производственного комплекса, общественные отношения по реализации права на бизнес).

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.10.2024).

Закрепление объекта в составе преступления данного противоправного деяния дает возможность определения юридической природы рейдерского захвата. Если нападение преследует цель завладеть имуществом потерпевшего, то в таком случае совершаемое преступление относится к посягательствам на собственность, если нападение совершается с целью завладения бизнесом — рейдерский захват. Правильное определение объекта посягательства имеет значение для отграничения сходных между собой преступлений и их правильной квалификации [1, с. 19].

К объективной стороне рейдерского захвата следует отнести: общественную опасность данного деяния, совершенного группой лиц. Общественно опасные последствия наступают в виде перераспределения активов, собственности предприятия, причинение ущерба собственникам бизнеса, лишение собственника предприятия бизнеса полностью, причинная связь между рейдерским захватом и его последствиями, а также способ, орудия (средства), время, место и обстановка совершения преступления.

Субъективную сторону рейдерского захвата составят: вина (исключительно в форме умысла); мотив (т. е. побуждения, которыми руководствовалось лицо при совершении преступления — завладение бизнесом); цель, которую лицо преследовало при совершении преступления — завладеть бизнесом.

Субъектом рейдерского захвата следует признавать физическое вменяемое лицо, совершившее противоправное деяние (исполнитель преступления). Т. к. рейдерский захват совершается исключительно группой лиц, то в качестве квалифицирующих признаков необходимо предусматривать все формы и виды соучастия в преступлении (ст. 33, 35 УК РФ). В качестве квалифицированных видов рейдерства следует предусмотреть не только размер причиненного ущерба, но вид причиняемого вреда.

Заключение

Правоприменительная практика привлечения к ответственности за преступление, связанное с рейдерским захватом, указывает на необходимость выделения данного преступления в отдельную статью УК РФ, что позволит избежать ошибок в процессе расследования данного преступления, отграничения от смежных составов преступлений, и обеспечит единообразие судебной практики.

Необходимость внесения самостоятельной нормы в УК РФ, обусловлена целью уголовно-правового запрета рейдерских захватов. Предлагаем ввести в главу 22 УК РФ статью 185.7 «Рейдерский захват», под которым следует понимать «незаконное получение возможности осуществления функции управления в отношении юридического лица, а равно отчуждение имущества и (или) имущественных прав, относящихся к данному юридическому лицу, в пользу рейдера или аффилированных лиц» [6, с. 61] и выделить следующие квалифицирующие признаки данного преступления: совершение деяния группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; совершение деяния, повлекшего незаконный захват управления юридическим лицом, с незаконным проникновением в помещение, с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия; в крупном и особо размере, а также использование поддельных документов и, возможно, др.

Предложенное дополнение уголовного законодательства Российской Федерации позволит, по нашему мнению, не только решить проблемы правоприменительной практики, связанные с квалификацией противоправных деяний, направленных на рейдерский захват, но и выработать вектор направления уголовной политики государства в сфере противодействия рейдерству в России.

Список источников

1. Андреева Л. А. Рейдерство (уголовно-правовой и криминологический аспекты) // Юриспруденция. 2010. № 4. С. 16–22.
2. Борисова Е. В. Защита от рейдерства в системе финансового контроля предприятия // Вестник экономической безопасности. 2015. № 5. С. 20–22.
3. Ботвин И. В. Некоторые проблемы детерминации рейдерства в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 100–103.
4. Герасименко В. А. Рейдерство — преступление или преступность // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 3. С. 79–90.
5. Косьяненко Н. С. Недружественные поглощения (рейдерство) организаций в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 2. С. 119–124.
6. Кочедыкова В. М. Рейдерский захват: понятие, виды, методы // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2022. № 3 (60). С. 60–66.
7. Кочедыкова В. М., Майоров А. В. Жертвы криминального рейдерства в России // Виктимология. 2024. Т. 11, № 4. С. 491–503. DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-4-491-503
8. Рудик О. С. Явление рейдерства в современной России // Актуальные вопросы публичного права. Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2010. С. 261–263.
9. Смирнов Г. К. Проблемы применения и совершенствования уголовного законодательства уголовного законодательства в России в сфере противодействия рейдерству // Российская юстиция. 2009. № 12. С. 6–10.
10. Соловьев А. А. Правовые основы противодействия рейдерству // Юрист. 2011. № 1. С. 8–14.

11. Федоров А. Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия) : монография. Москва : Волтерс Клувер. 2010. 480 с.

12. Шахкелдов Ф. Г., Степанов С. Д. Рейдерство: понятие и криминалистическая характеристика способов совершения преступлений // ЮП. 2020. № 3 (94). С. 103–107.

13. Щеглов Ю. А., Ионова Е. Н. Рейдерство как реальная угроза бизнесу в современной России // Вестник Пензенского государственного университета. 2019. № 4 (28). С. 36–38.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 27.12.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.01.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 28.02.2025.

Научная статья
УДК 343.3/7
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-74-79

С. 74–79

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, УСТАНОВЛИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Дмитрий Владимирович Лобач

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Владивосток, Россия
dimaved85@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-7229-439X>

Аннотация. В статье исследуется правовая неопределенность, выступающая негативным явлением, препятствующим надлежащему уяснению содержания правовых предписаний, создавая тем самым для правоприменителя возможности неограниченного усмотрения, что влечет нарушение принципа законности. Правовая неопределенность рассматривается через анализ уголовно-правовых норм о преступлениях против мира и безопасности человечества в российском уголовном законодательстве. На основании проведенного анализа представлены пять видов правовой неопределенности: 1) правовая неопределенность, которая сохраняется при обращении к положениям международного права; 2) правовая неопределенность, которая сохраняется при судебном толковании; 3) правовая неопределенность, разрешаемая при уяснении смысла оценочных понятий через более очевидные понятия; 4) предполагаемая (скрытая) правовая неопределенность; 5) правовая неопределенность, возникающая при конкуренции уголовно-правовых норм. Делается вывод о том, что различные виды правовой неопределенности отражают специфические особенности этого явления: ограниченный характер регулятивного действия бланкетной нормы; пределы судебного толкования; возможность выявления аутентичного смысла закрепленных в структуре правовой нормы понятий через другие понятия; сложности понимания подлинного смысла правовой нормы при кажущейся на первый взгляд ее очевидности; неясность в регламентации родственных общественных отношений двумя или несколькими нормами.

Ключевые слова: преступления против мира и безопасности человечества, правовая неопределенность, эффективность правового регулирования, конкуренция правовых норм, мародерство, геноцид, агрессия, военные преступления

Для цитирования: Лобач Д. В. Проблемы правовой неопределенности уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления против мира и безопасность человечества // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 74–79. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-74-79

Research article

PROBLEMS OF LEGAL UNCERTAINTY OF CRIMINAL LAW RULES ESTABLISHING LIABILITY FOR CRIMES AGAINST PEACE AND SECURITY OF HUMANITY

Dmitry V. Lobach

Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladivostok, Russia
dimaved85@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-7229-439X>

Abstract. The article examines legal uncertainty, which is a negative phenomenon that prevents proper understanding of the content of legal regulations, thereby creating opportunities for law enforcement officers to exercise unlimited discretion, which entails a violation of the principle of legality. Legal uncertainty is considered through the analysis of criminal law norms on crimes against peace and security of mankind in Russian criminal legislation. Based on the analysis, five types of legal uncertainty are presented: 1) legal uncertainty that remains when referring to the provisions of international law; 2) legal uncertainty that remains in judicial interpretation; 3) legal uncertainty resolved by clarifying the meaning of evaluative concepts through more obvious concepts; 4) presumed (hidden) legal uncertainty; 5) legal uncertainty arising from the competition of criminal law norms. It is concluded that different types of legal uncertainty reflect specific features: limited nature of the regulatory effect of a blanket norm; limits of judicial interpretation; the possibility of identifying the authentic meaning of concepts enshrined in the structure of a legal norm through other concepts; difficulties in understanding the

true meaning of a legal norm when it seems obvious at first glance; ambiguity in regulating related social relations by two or more norms.

Keywords: crimes against the peace and security of mankind, legal uncertainty, effectiveness of legal regulation, competition of legal norms, marauding, genocide, aggression, war crimes

For citation: Lobach DV. Problems of legal uncertainty of criminal law norms establishing liability for crimes against the peace and security of mankind. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):74-79. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-74-79

Введение

В юридической литературе широкое распространение приобретает вопрос правовой неопределенности нормативных положений, регулирующих общественные отношения в различных сферах жизни общества и государственного управления [2; 3; 7]. Правовая неопределенность представляет собой ситуацию, когда смысл правовой нормы неоднозначен, неясен или противоречив в понимании, в результате чего происходит размытие границ регулятивного действия правовой нормы, создаются условия для ее неправильного применения, а также возникают сложности в правовой квалификации. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что правовая неопределенность препятствует надлежащему уяснению содержания правовых норм, открывает перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод¹.

В свою очередь, неопределенность юридического содержания правовых норм создает условия для снижения эффективности механизма правового регулирования, поскольку запланированная модель упорядочивания общественных отношений (модель должного) не достигается в полном объеме, а возникающий порядок регулирования социальных отношений (модель сущего) демонстрирует противоречие целям, постулируемым законодателем в рамках правовой политики, что закономерным образом может привести к ослаблению доверия к власти.

Неопределенность социальных отношений, включая неопределенность в правовом регулировании, выступающем одним из проявлений правового воздействия, является непреходящей проблемой как в исторической ретроспективе, так и в современных условиях. Так, еще в античном мире такие известные мыслители, как Платон и Аристотель, рассматривали явление неопределенности в фокусе философского мировоззрения как некое отклонение от идеальной формы мироустройства в его онтологическом выражении. В XVIII в. известный представитель эпохи Просвещения Ш. Л. де Монтескье своим знаменитым трактате по политической философии

«О духе законов», рассматривая проблему несовпадения смысла (духа закона) и текста (буквы закона), отмечал, что недопустимы противоречия и неопределенность в законах, которыми руководствуются суды в своей деятельности, как нечто противное духу умеренного образа правления [5, с. 78].

Правовая неопределенность объясняется рядом причин: особенности языка изложения правовых норм; несоблюдение правил формальной логики; несовершенство юридической техники; низкий уровень правовой культуры; динамика социальных отношений, предопределяющая иное прочтение смысла правовой нормы; сложность самих отношений, требующих правового регулирования [4; 8]. Последняя причина отражает рассогласованность между потребностью в правовом регулировании, обусловленной политическими, экономическими, социальными, психологическими, идеологическими, международными и другими факторами, и пониманием существа социальных отношений, требующих такого регулирования. Государство, признавая необходимость решения этой задачи, неспособно этого сделать в полном объеме по причине еще несформировавшегося понятийно-категориального аппарата и (или) отсутствия оптимальных параметров адекватного регулирования. Другими словами, возникает ситуация, когда сложный характер социального взаимодействия, проявляемый в многоуровневом укладе общества, охватывающем все многообразие информационных, технологических, культурных, политических, экономических, образовательных и других факторов, актуализирует насущную потребность нормативного закрепления такого взаимодействия в правовые рамки, однако сделать это в полном объеме не представляется возможным, так как социально-коммуникационные институты не могут быть адекватно представлены юридическим языком.

Вместе с тем сама неопределенность в правовой норме отражает степень ее абстрактности, что является закономерным признаком нормативного регулирования в отличие от казуального способа упорядочивания отношений. Допустимая неопределенность в правовой норме создает условия для диспозитивного усмотрения возможности применения нормативного положения к ситуациям, которые не могут быть строго зафиксированы в нормативном предписании. Кроме того, неопределенность в праве зачастую выступает закономерным следствием изменений социальных отношений, приводящих к новому смысловому наполнению правовой нормы без преобразования ее текстуальной части. Такой подход отражает так называемую

¹ Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов) : Информация Конституционного Суда РФ : одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/ (дата обращения: 23.12.2024).

теорию «живого права», которая постулирует генетическую связь права с динамикой социальных отношений. В соответствии с этой теорией право нельзя рассматривать в «чистом» виде безотносительно к той социальной реальности, в которой осуществляется правовое регулирование, так как только социальная жизнь во всем своем многообразии закладывает смыслообразующую основу правовой надстройки [10].

Материал и методы

В статье анализируются нормы российских и международных правовых актов, определяющих уголовно-правовое регулирование ответственности за общественно опасные деяния, посягающие на мир и безопасность человечества, в контексте правовой неопределенности их содержания. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников, герменевтический методы.

Описание исследования

Правовая неопределенность как негативный спутник правотворчества проявляется по-разному, что можно продемонстрировать на примере конструирования уголовно-правовых норм о преступлениях против мира и безопасности человечества в российском уголовном законодательстве. Анализ указанных норм позволяет выявить пять видов правовой неопределенности: 1) правовая неопределенность, которая сохраняется при обращении к положениям международного права; 2) правовая неопределенность, которая сохраняется при судебном толковании; 3) правовая неопределенность, разрешаемая при уяснении смысла оценочных понятий через более очевидные понятия; 4) предполагаемая (скрытая) правовая неопределенность; 5) правовая неопределенность, возникающая при конкуренции уголовно-правовых норм.

1. *Правовая неопределенность, которая сохраняется при обращении к положениям международного права.* Данный вид правовой неопределенности можно продемонстрировать на примере уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ), а также за совершение публичных призывов к ее развязыванию (ст. 354 УК РФ). Понятие агрессивной войны в указанных нормах отсутствует. В науке уголовного права в абсолютном большинстве случаев данное понятие раскрывается через отсылку к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Определение агрессии»¹, что, казалось бы, снимает вопрос о точности правового смысла рассматриваемой нормы. Однако неопределенность данного понятия все же сохраняется, так как резолюция Генеральной

Ассамблеи ООН не является международным договором и не порождает международных обязательств для государств в части криминализации определенных деяний на национальном уровне [9, с. 23–44]. Понятие агрессивной войны, используемое в уголовно-правовых нормах ст. 353 и ст. 354 УК РФ, раскрывается как имплицитное явление, смысл которого определяется историко-правовым толкованием нормы п. «а» ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала, впервые установившего уголовно-правовой запрет на деяния, составляющие преступления против мира. Вместе с тем в конструкции преступлений против мира также отсутствует легальное определение агрессивной войны, что объясняется конкретно-историческими условиями отправления правосудия над высшими руководителями нацистской Германии, ответственных за развязывания агрессивных войн, повлекших нарушение мирного сосуществования государств и народов. Таким образом, кажущаяся определенность анализируемого понятия, заключаемая в соответствии смысла понятия тем конкретно-историческим условиям, при которых проводился Нюрнбергский процесс, сменяется на абсолютную неопределенность в современных условиях, так как параметры правомерности применения силы в практике международных отношений не сформировались в полной мере. По этой причине квалифицировать применение одним государством своих вооруженных сил против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности другого государства в качестве акта агрессии в рамках нюрнбергской модели агрессии было бы не совсем правильно, так как при неизменности оценки общественной опасности агрессии происходят изменения в понимании того, что такое вооруженная сила, положенная в основу данного явления, а также меняются критерии правомерности применения силы в международных отношениях.

2. *Правовая неопределенность, которая сохраняется при судебном толковании.* Правовая неопределенность может быть преодолена посредством разъяснения высших судебных инстанций, которые осуществляют официальное (нормативное) толкование правовых норм. Толкование права, будучи мыслительным (познавательным) процессом, направленным на объяснение знаковой системы, также выступает в качестве результата юридической деятельности, отражающего подлинный смысл правовой нормы в системе правового регулирования. Бесспорным является значение юридического толкования в механизме правового регулирования. Это значение выражается в обеспечении режима законности, смягчении недостатков в содержании правовых актов, возникающих по причине неправильного или неполного использования средств и приемов юридической техники, завершении процесса регламентации общественных отношений [1, с. 293]. Вместе с тем толкование права может как устранять правовую неопределенность в полном объеме, так и снижать ее до приемлемого уровня, позволяющего правоприменителю наиболее правильным образом осуществлять реализацию права. Так,

¹ Определение агрессии : утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года // ООН : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 12.11.2024).

например, одним из видов вербальных преступлений являются публичные призывы к совершению определенных уголовно-наказуемых деяний. Сами публичные призывы к совершению конкретных преступлений раскрываются в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по делам о терроризме (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»¹) и экстремизме (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»²). В соответствии с разъяснениями высшей судебной инстанции под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности. Ключевое отличие публичных призывов от подстрекательства к совершению преступления заключается в критерии определенности: публичные призывы обращены к неопределенному кругу лиц, в то время как подстрекательство — к конкретному лицу. Вместе с тем судебное толкование публичных призывов к совершению конкретного преступления не дает ответа на вопрос о том, как разграничивать подстрекательство в отношении двух и более известных (индивидуально определенных) лиц, совершенные в одном месте и в одно время. Такая ситуация становится возможной, например, когда происходит собрание трудового коллектива или объединение верующих для отправления религиозного культа, где каждый поименно известен лицу, осуществляющего такие призывы. В подобных случаях происходит размывание критерия определенности в понимании публичности призывов.

3. *Правовая неопределенность, разрешаемая при уяснении смысла оценочных понятий через более очевидные понятия.* Как уже было сказано, неопределенность права связана с оценочными понятиями, которые часто используются вместе с конкретными в своем содержании понятиями. Преодоление правовой неопределенности в этом случае выражается в экстраполивании общего родового значения всех конкретных по содержанию понятий, перечисляемых в диспозиции правовой нормы в последовательной связке, на оценочное понятие, искомым смыслом которого только следует определить. Сказанное можно проиллюстрировать на примере диспозиции правовой нормы ст. 361 УК РФ, предусматривающей ответственность за акт международного

терроризма. Объективная сторона этого преступления заключается в совершении взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации. Через указание на иные действия, подвергающие опасности социально значимые и охраняемые законом блага, законодатель расширяет диапазон возможных действий, которые могут совершаться для целей терроризма. Такое законодательное решение объясняется невозможностью перечисления в правовой норме всех возможных деяний, совершаемых в качестве акта терроризма, что и отражает нормативный характер правового предписания. В то же время неопределенность иных действий, совершаемых в качестве акта терроризма, разрешается через указание на их общественную опасность — они должны подвергать опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность других лиц.

4. *Предполагаемая (скрытая) правовая неопределенность.* Некоторые формулировки уголовно-правовых норм в силу их буквального толкования являются как бы очевидными в понимании, но в привязке к нормам международного или российского права все же отражают некоторую степень неопределенности. Так, в соответствии с нормой ст. 357 УК РФ одним из проявлений геноцида выступают убийства членов соответствующей демографической группы. Указание на множественное число означает, что убийств должно быть не менее двух. Однако, исходя из Элементов преступлений Римского статута Международного уголовного суда (далее — МУС), геноцид может быть окончательным и при совершении хотя бы одного убийства. Несмотря на то, что Российская Федерация не признает юрисдикцию МУС, наше государство несет международные обязательства по Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.³, положения которой были имплементированы в национальное уголовное законодательство. В свою очередь, статутная модель геноцида полностью повторяет конвенционную модель этого преступления.

Из общей теории международного договорного права известно, что конвенционные положения, закрепляя международные обязательства, должны аутентично восприниматься и единообразно реализовываться всеми субъектами международного права, а как следствие — необходимо не только закрепление в национальном законодательстве нормативных положений международных договоров с учетом особенностей юридической техники и специфики национального правотворчества, но и унифицированное понимание смысла этих положений. Единообразное понимание смысла нормы о геноциде, являющейся результатом имплементации Конвенции о геноциде, продуцируется накопленным опытом реализации международной уголовной

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 19.11.2024).

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 19.11.2024).

³ Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него : принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года // ООН : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 19.11.2024).

ответственности за геноцид, получившего нормативное закрепление в Элементах преступлений. Учитывая специфику профессионального правосознания российских правоохранителей и судей, характеризуемого знаниями национального позитивного права, сложившейся правоприменительной практики и достижений правовой доктрины, незначительную практику применения нормы ст. 357 УК РФ, а также связь этой нормы с Конвенцией о геноциде, следует признать возможным опираться на Элементы преступлений в той мере, в которой интерпретационные положения этого документа адаптируют правовой смысл нормы ст. 357 УК к конвенционной модели геноцида, но при условии приоритетного обеспечения национальных интересов Российской Федерации.

Таким образом, раскрытие правового смысла уголовно-правовой нормы ст. 357 УК становится возможным через толкование нормы о геноциде, закрепленной в Римском статуте МУС, при том что сам документ безусловно не является юридически обязательным для России.

Похожая ситуация наблюдается и с нормой о мародерстве (ст. 356 УК РФ). Одним из обязательных признаков объективной стороны этого преступления является его совершение в период военного положения. Казалось бы, смысл нормы понятен в силу ее очевидности *in concreto*. Между тем толкование нормы в части определения оснований для введения военного положения, закрепленных в Федеральном конституционном законе от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении»¹, создает неясность в понимании законодательной логики. Дело в том, что в соответствии с ч. 1 ст. 3 этого закона режим военного положения может вводиться на основании агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии. Что касается состоявшейся агрессии, то здесь вопросов не возникает — государство вводит особый режим, так как факт агрессии означает начало вооруженного конфликта или возникновение состояния войны. Однако в случае угрозы агрессии вооруженного конфликта еще нет, а хищения, совершенные в период военного положения, введенного на этом основании, должны квалифицироваться как мародерство, то есть как военное преступление.

5. *Правовая неопределенность, возникающая при конкуренции уголовно-правовых норм.* Например, норма ст. 356 УК РФ содержит два практически идентичных квалифицированных состава мародерства (п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 4 ст. 356 УК РФ). Положение п. «в» ч. 3 ст. 356 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 12 лет за совершение мародерства с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а санкция нормы п. «в» ч. 4 ст. 356 УК РФ уже предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет за содеянное

с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Таким образом, налицо необоснованное законодательное повторение угрозы тяжкого вреда здоровью как квалифицирующего признака мародерства, закрепленного непосредственно в п. «в» ч. 4 ст. 356 УК РФ, и как часть более общего понятия — угроза насилием, опасным для жизни или здоровья (п. «в» ч. 3 ст. 356 УК РФ). Строго говоря, правовая неопределенность здесь возникает не в силу отсутствия четкого понимания смысла угрозы причинением тяжкого вреда здоровью — содержание данной конструкции сложилось в правоприменительной практике и уточняется в науке уголовного права, — а потому, что возникает двойственность возможной квалификации, в связи с чем перед правоприменителем встает вопрос о подлинном смысле двух норм, каждая из которых может быть применена в конкретной ситуации.

Заключение и выводы

Правовая неопределенность уголовно-правовых норм препятствует надлежащему уяснению их содержания, создавая тем самым для правоприменителя возможности неограниченного усмотрения, что влечет нарушение принципа законности. Анализ уголовно-правовых норм о преступлениях против мира и безопасности человечества в фокусе рассмотрения различных видов правовой неопределенности позволяет выявить специфические особенности рассматриваемого явления. Так, правовая неопределенность, которая сохраняется при обращении к положениям международного права, демонстрирует ограниченный характер регулятивного действия бланкетной нормы; правовая неопределенность, которая сохраняется при судебном толковании, показывает пределы права интерпретационной деятельности судов; правовая неопределенность, разрешаемая при раскрытии смысла оценочных понятий, демонстрирует возможность выявления аутентичного смысла закрепленных в структуре правовой нормы понятий через другие понятия; предполагаемая (скрытая) правовая неопределенность обнаруживает сложности понимания подлинного смысла правовой нормы при кажущейся на первый взгляд ее очевидности; правовая неопределенность, возникающая при конкуренции уголовно-правовых норм, отражает неясность в регламентации родственных общественных отношений двумя или несколькими нормами.

В целях повышения эффективности уголовно-правового регулирования отношений, составляющих международный мир и безопасность человечества, учитывая регулятивное действие принципа законности, охватывающего также и условие правовой определенности нормативных положений [6], и адекватную допустимость неопределенности таких положений в связи с их нормативной природой, представляется целесообразным (в контексте доминант правовой политики) модернизировать рассматриваемые нормы с учетом общих принципов правотворчества, правил юридической техники и специфики национального понятийно-категориального

¹ О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (дата обращения: 11.12.2024).

аппарата. В этой связи норма ст. 353 УК РФ требует конкретизации через легальное закрепление понятия «агрессивная война», норму о военных преступлениях необходимо реконструировать для оптимизации юридического содержания и ограничения широты отсылки к международному праву (по сути, норма аккумулирует

содержание международного гуманитарного права). При толковании норм о геноциде и мародерстве (разновидность военных преступлений) следует исходить из смысла международно-правовых норм, сложившейся правоприменительной практики и политико-правовой природы (сущности) международных преступлений.

Список источников

1. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х т. Т. II. Москва : Юрид. лит., 1982. 360 с.
2. Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности : курс лекций. Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2023. 176 с.
3. Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании : монография. Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2019. 157 с.
4. Линько В. В. Правоприменительная деятельность в условиях неопределенности в праве // Закон и право. 2019. № 9. С. 54–58.
5. Монтескье, Шарль Луи де. О духе законов / [сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук]. Москва : Мысль, 1999. 672 с.
6. Наумов А. В. Конкретизация Конституционным Судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 88–94.
7. Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение : монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. Москва : Проспект, 2022. 296 с.
8. Пряхина Т. М. Правовая неопределенность закона // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (14). С. 38–43.
9. Халафян Р. М. Нормы международного «мягкого права» в правовой системе Российской Федерации. Развитие механизма национально-правовой имплементации международных норм : монография. Москва : Норма, 2022. 256 с.
10. Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова ; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. Санкт-Петербург : Университетский издательский консорциум, 2011. 704 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.01.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 07.02.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.02.2025.

Научная статья
УДК 343.211.2
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-80-83

С. 80–83

АНАЛОГИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПРАВИЛ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Максим Валерьевич Морозов

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия
m_morozov_84@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-3295-4998>

Аннотация. Согласно части 2 статьи 3 Уголовного кодекса Российской Федерации применение уголовного закона по аналогии не допускается. В связи с этим возникает вопрос: распространяется ли эта норма на правила квалификации преступлений? Цель настоящей статьи — определить, допустимо ли правила квалификации преступлений применять по аналогии.

Прежде чем ответить на данный вопрос, автор использовал разработанную в российской науке уголовного права классификацию правил квалификации преступлений в зависимости от источника их происхождения на нормативные и ненормативные. Делается промежуточный вывод, что законодательный запрет на применение аналогии распространяется в основном на охранительные нормы уголовного права, предусматривающие определенный вариант поведения и соответствующие ему правовые последствия. В статье подчеркивается регулятивный характер немногочисленных норм уголовного права, предусматривающих правила его применения. В связи с этим автор приходит к окончательному выводу о том, что запрет аналогии на нормативные правила квалификации преступлений не распространяется. Нет законодательного запрета также и на применение ненормативных правил квалификации преступлений, сформулированных в доктрине уголовного права либо в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: квалификация преступлений, аналогия закона, метод аналогии, применение права, конкуренция норм

Для цитирования: Морозов М. В. Аналогия при применении правил квалификации преступлений // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 80–83. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-80-83

Research article

ANALOGY IN THE APPLICATION OF RULES OF QUALIFICATION OF CRIMES

Maxim V. Morozov

Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH", Novosibirsk, Russia
m_morozov_84@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-3295-4998>

Abstract. According to Part 2 of Article 3 of the Criminal Code of the Russian Federation, the application of criminal law by analogy is not allowed. In this regard, the question arises: does this norm extend to the rules for qualifying crimes? The purpose of this article is to determine whether it is permissible to apply the rules for qualifying crimes by analogy.

Before answering this question, the author used the classification of rules for qualifying crimes, depending on their source of origin, into normative and non-normative, developed in Russian criminal law science. An intermediate conclusion is made that the legislative ban on the application of analogy applies mainly to protective rules of criminal law that provide for a certain type of behavior and the corresponding legal consequences. The article emphasizes the regulatory nature of the few rules of criminal law that provide for the rules for its application. In this regard, the author comes to the final conclusion that the ban on analogy does not extend to normative rules for qualifying crimes. There is also no legislative ban on the application of non-normative rules for qualifying crimes formulated in the doctrine of criminal law or in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: qualification of crimes, analogy of law, method of analogy, application of law, competition of norms

For citation: Morozov MV. Analogy in the application of rules of qualification of crimes. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):80-83. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-80-83

Введение

Правила квалификации преступлений — это «приемы, способы применения уголовного закона, предусмотренные в нем самом, руководящих постановлениях пленумов Верховных Судов РФ, РСФСР и бывшего СССР, а также выработанные судебной практикой и уголовно-правовой теорией» [1, с. 275]. Под правилом уголовно-правовой квалификации можно также понимать «нормативное либо выработанное судебной практикой или теорией уголовного права правило поведения субъекта квалификации по установлению и юридическому закреплению соответствия признаков фактического состава признакам уголовно-правового состава» [2, с. 231].

Круг правил квалификации преступлений довольно полно разработан в российской науке уголовного права, отражен в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и — частично — в уголовном законодательстве. Вместе с тем несмотря на это, в правоприменительной часто встречаются ситуации, в которых при неукоснительном соблюдении адресации этих правил, они не могут быть применены. Поэтому возникает вопрос о том, можно ли использовать такие правила применительно к схожим фактическим ситуациям, то есть, по сути, применив аналогию. В отечественной науке уголовного права ответ на него еще далек от каких-либо ясных очертаний, что обуславливает проведение исследования в рамках настоящей работы.

Материал и методы

В статье использованы: уголовный закон, официальные акты его толкования, специальная литература по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических, нормативных правовых источников, а также судебной практики.

Описание исследования

Очевидно, что, решая поставленную задачу, сначала необходимо определиться с разновидностями правил квалификации преступлений. В теории уголовно-правовой квалификации данные правила принято делить в зависимости от содержащего их источника. Соответственно, выделяются правила, закрепленные в уголовном законодательстве (условно — нормативные правила), и названные в других, ненормативных источниках (ненормативные правила квалификации) [2, с. 232]. Так, В. Г. Шумихин к нормативным относит те правила квалификации преступлений, которые имеют в качестве своего источника уголовно-правовые или уголовно-процессуальные нормы. В число ненормативных правил автор включает те из них, которые исходят из судебной практики или уголовно-правовой теории [3, с. 19].

Следует отметить, что названия для указанных групп правил — «нормативные», «ненормативные» — достаточно условные, поскольку «ненормативные» правила также выполняют нормативную функцию, предписывая субъекту квалификации определенный вариант поведения. Разница между ними только в вариантах

их закрепления — официальном (законодательном) или неофициальном. Данную функцию, по сути, подчеркивают некоторые юристы, раскрывая понятие «правило квалификации преступлений» через ключевое слово «предписание» [4, с. 156; 5, с. 25].

В первую из названных групп можно включить положения, закрепленные: в ч. 3 ст. 17 УК РФ — о квалификации при конкуренции общей и специальной норм; в ч. 4 ст. 34 УК РФ — о квалификации соучастия при наличии специального субъекта преступления; в ч. 5 ст. 34 УК РФ — о неудавшемся соучастии в преступлении и пр. Ко второй группе относятся правила квалификации преступлений, которые содержатся в официальных право-толковательных документах (постановления Пленума Верховного Суда РФ (РСФСР, СССР) и доктрине уголовного права.

Согласно ст. 3 УК РФ, преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом (ч. 1), при этом «применение уголовного закона по аналогии не допускается» (ч. 2). В данном случае следует обратить внимание на то, что при формулировании запрета аналогии законодатель использовал слово «применение». Под применением уголовного права, как верно отметил Е. В. Благов, следует понимать «принятие и закрепление решения о предусмотренности (или непредусмотренности) установленных фактических обстоятельств в соответствующей норме и об определении (или неопределении) содержащейся в ней меры уголовно-правового характера» [6, с. 73]. Это означает, что запрещено задевать аналогию только при реализации тех норм, которые содержат определенный вариант поведения и его уголовно-правовые последствия. На предписывающие же нормы, получающие реализацию за счет исполнения, данный запрет не распространяется. Нормативные правила квалификации преступлений как раз и предусматриваются предписывающими нормами.

Таким образом, нормативные правила квалификации допустимо применять по аналогии. Например, частью 3 ст. 17 УК РФ предусмотрено правило квалификации преступлений при конкуренции общей и специальной норм, при выполнении которого правоприменителем признается, что совокупность преступлений отсутствует и предпочтение необходимо отдать специальной норме. Буквально это правило не распространяется на ситуацию, при которой, например, конкурируют две специальные нормы. Вместе с тем очевидно, что правило, предусмотренное частью 3 ст. 17 УК РФ должно использоваться и при таком виде конкуренции. Поэтому в данном случае допустимо, применив аналогию, воспользоваться этим правилом и при конкуренции нескольких специальных норм, при которой предпочтение будет отдаваться «более специальной» норме.

Так, убийство двух или более лиц, совершенное в состоянии аффекта (ч. 2 ст. 107 УК РФ) будет предусматриваться «более специальной» нормой, чем убийство одного лица, совершенное в состоянии аффекта (ч. 1 ст. 107 УК РФ). При этом простой состав убийства

предусмотрен общей нормой в ч. 1 ст. 105 УК РФ. Поэтому при такой конкуренции совокупность преступлений будет отсутствовать, а ответственность лица будет наступать только по ч. 2 ст. 107 УК РФ.

Другая группа правил — ненормативные правила квалификации преступлений — гораздо более объемна, поскольку к формулированию правил правоприменения законодатель относится весьма сдержанно. При отсутствии соответствующего нормативного правила квалификации преступления ненормативное правило формулируется, конечно, с учетом нормативных правил, противоречий им быть не должно.

Что касается возможности использования ненормативных правил квалификации преступлений по аналогии, то это не только допустимо, но и необходимо. Также это предотвращает систему данных правил от неоправданно большого количества и разброса директив правоприменителю. Изучение судебной практики же говорит о том, что разъяснения относительно квалификации отдельных преступлений, данные Верховным Судом РФ, задействуются и при квалификации других общественно опасных деяний.

Например, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (в редакции от 24 мая 2016 г.) разъяснил особенности установления признака «совершенные деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения» применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 264 и 264.1 УК РФ¹.

Уже после вступления данной редакции постановления Пленума в силу в июне 2019 г. этот же признак был включен законодателем и в ст. 263 УК РФ (чч. 1.2, 2.1 и 4)², однако разъяснения Пленума на эту статью УК не распространялись. Поэтому потребность судебной практики в правильном установлении признака «лицом, находящимся в состоянии опьянения» удовлетворялась с помощью аналогии. Очевидно, что Верховный Суд РФ не может реагировать на изменения в уголовном законодательстве настолько оперативно, насколько это устраивает правоприменительную практику. Более того, к настоящему времени разъяснение по поводу рассматриваемого признака Пленум ВС РФ на статью 263 УК РФ так и не распространил. Следует предположить, что это косвенно свидетельствует о молчаливом согласии Верховного Суда РФ с применением сформулированного им правила по аналогии.

Ряд разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда РФ, хотя и посвящены вопросам квалификации отдельных преступлений, в силу своей логической и уголовно-политической обоснованности могут и должны

иметь универсальный характер. В этих случаях ограничение этих правил квалификации только рамками постановления Пленума следует расценивать как приведение примера, изложение образца, на основании которых правоприменитель может действовать и в других подобных случаях.

Например, в п. 15 постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Пленум Верховного Суда РФ по вопросу квалификации кражи, грабежа или разбоя отметил, что «при признании этих преступлений совершенными организованной группой действия всех соучастников независимо от их роли в содеянном подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на статью 33 УК РФ»³. Тем самым Верховный Суд РФ официально закрепил правило квалификации преступлений, совершенных организованной группой, имеющее для правоприменителя базовое значение при квалификации практически любых преступлений, совершенных организованной группой.

Следует заметить, что Верховный Суд РФ редко дублирует такого рода правила в правотолковательных документах, посвященных квалификации различных видов преступлений. Так, например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»⁴ какого-либо разъяснения относительно квалификации преступлений, совершенных организованной группой, независимо от роли в содеянном как соисполнительства без ссылки на статью 33 УК РФ не содержится. Несмотря на это, деяния, совершенные организованной группой, ответственность за которые предусмотрена п. «а» ч. 4 ст. 228.1, п. «а» ч. 3 ст. 229, п. «а» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ и другими статьями Главы 25 УК РФ, квалифицируются с использованием того же правила, названного в постановлении Пленума № 14.

Так, действия организатора сбыта наркотических средств, не являвшегося исполнителем преступления, в приговоре Березниковского городского суда Пермского края были квалифицированы по ст. 228.1 УК без ссылки на ст. 33 УК РФ⁵. По той же статье и без ссылки на ст. 33 УК РФ Индустриальный районный суд г. Хабаровска квалифицировал организационные действия лица по сбыту наркотических средств, осуществлявшемуся иными лицами⁶. В обоих случаях суд установил совершение преступления организованной группой.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 2–6.

⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8. С. 3–12.

⁵ Уголовное дело № 1-546/2011 // Актофакт. URL: <https://actofact.ru/case-59RS0011-1-546-2011-2011-07-29-2-0/> (дата обращения: 15.01.2025).

⁶ Уголовное дело № 1-911/2011 // Актофакт. URL: <https://actofact.ru/case-27RS0004-1-911-2011-2011-10-31-2-0/> (дата обращения: 15.01.2025).

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 25. Ст. 3166.

Таким образом, можно сделать вывод, что правило, распространяющееся на квалификацию кражи, грабежа и разбоя, применяется по аналогии при квалификации других общественно опасных деяний. Учитывая это, можно только согласиться с высказыванием А. В. Наумова о том, что «без судебного прецедента не обойтись при квалификации преступлений» [7, с. 144].

Заключение и вывод

Исходя из сказанного выше, следует вывод, что на Верховном Суде РФ лежит большая ответственность при даче разъяснений по поводу квалификации конкретных преступлений, потому что изложенное правило потенциально может быть использовано по аналогии применительно к квалификации преступления, не охватываемого рамками конкретного постановления Пленума. Поэтому особую значимость приобретает взаимодействие Верховного Суда РФ с представителями уголовно-правовой науки по вопросам проработки и обоснованию правил квалификации преступлений, соотносению этих правил с выработанными в науке

уголовного права принципами квалификации преступлений [8, с. 39–41].

Подводя итоги, можно также заключить, что допустимо применять по аналогии как нормативные, так и ненормативные правила квалификации преступлений. В первом случае аналогия не запрещена, потому что нормы, содержащие такие правила, реализуются в рамках регулятивных, а не охранительных правоотношений. Законодательный запрет аналогии распространяется только на применение права, но не на его соблюдение, исполнение или использование. Во втором случае правила квалификации преступлений, выработанные в науке уголовного права и/или изложенные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, не существуют в виде правовых норм, поэтому запрет аналогии на них также не распространяется. Более того, использование правил квалификации, выраженных в постановлениях Пленума применительно к одной группе преступлений по отношению к другой группе криминальных посягательств способствует унификации данных правил и, в итоге, развитию теории квалификации преступлений.

Список источников

1. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. Москва : Центр ЮрИнфоР. 2010. 599 с.
2. Сабитов Р. А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации. Москва : Юрлитинформ, 2013. 592 с.
3. Шумихин В. Г. Нормативные правила квалификации преступлений. Пермь : Пермский гос. ун-т, 2009. 216 с.
4. Идрисов Н. Т. Правила квалификации преступлений в системе уголовного права // Системность в уголовном праве : материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2007 г.). Москва : ТК Велби, 2007. С. 155–157.
5. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений : учеб. пособие / под ред. А. И. Рагога. Москва : Проспект, 2006. 176 с.
6. Благоев Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 505 с.
7. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. В 2 т. Т. 1. Москва : Юридическая литература, 2004. 496 с.
8. Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 54 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.01.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.02.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.02.2025.

Научная статья
УДК 343.13
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-84-89

С. 84–89

ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО: ПОНЯТИЕ, ИСТОРИЯ, ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Надежда Анатольевна Моругина

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия
moruginy@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос возможного перехода от бумажной формы производства по уголовным делам к электронной (цифровой) и её апробации в отдельных субъектах Российской Федерации. Сделан вывод о том, что межведомственное электронное взаимодействие участников уголовного судопроизводства может объединить сервис единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД МВД России). На основе изучения мнений ученых и анализа зарубежного опыта отдельных стран (Сингапур, Испания, Азербайджанская и Кыргызская Республики, Республика Казахстан), предложено авторское понятие «электронное уголовное дело», а также сделан вывод о целесообразности введения в УПК РФ раздела «Электронное уголовное дело».

Ключевые слова: уголовное дело, электронное уголовное дело, цифровая платформа уголовного судопроизводства, информационные технологии

Для цитирования: Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: понятие, история, зарубежный опыт, перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 84–89. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-84-89

Research article

ELECTRONIC CRIMINAL CASE: CONCEPT, HISTORY, FOREIGN EXPERIENCE, PROSPECTS

Nadezhda A. Morugina

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia
moruginy@mail.ru

Abstract. The article considers the issue of a possible transition from the paper form of criminal proceedings to electronic (digital) and its approbation in certain subjects of the Russian Federation. It is concluded that interdepartmental electronic interaction of participants in criminal proceedings can combine the service of the unified information and analytical support system for the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia (ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia). Based on the study of the opinions of scientists and the analysis of the foreign experience of individual countries (Singapore, Spain, the Azerbaijan and Kyrgyz Republics, the Republic of Kazakhstan), the author's concept of "electronic criminal case" is proposed, and it is also concluded that it is advisable to introduce the section "Electronic criminal case" into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal case, electronic criminal case, digital platform of criminal proceedings, information technology

For citation: Morugina NA. Electronic criminal case: concept, history, foreign experience, prospects. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1)84-89. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-84-89

Введение

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит каких-либо разъяснений и не дает ответа на вопрос о том, что такое «уголовное дело». Отсутствие данного понятия в законе порождает научные дискуссии, где каждый из участников предлагает свое понимание.

Так, В. В. Иващенко считает, что уголовное дело — это деятельность, инициированная вынесением постановления на основании предположения достаточной степени вероятности о наличии факта совершения

преступления, осуществляемая специально уполномоченными уголовно-процессуальным законом субъектами в порядке, предусмотренном УПК РФ, и направленная на достижение назначения уголовного судопроизводства [7, с. 180–182].

Однако рассматривать уголовное дело исключительно с позиции «деятельности» представляется ошибочным, так как это и совокупность документов, в которых отражены результаты следственных и иных процессуальных действий, а также решений

должностных лиц, что поддерживается другими авторами. Так, например, И. И. Шереметьев, С. В. Супрун и Р. Ганболд уголовное дело рассматривают с точки зрения систематизированной совокупности процессуальных документов, изложенных на бумажных носителях [24, с. 81–90; 22, с. 140].

В. В. Кальницкий, П. Г. Марфицин считают, что уголовное дело — это и «деятельность органов предварительного расследования, прокурора и суда по установлению события преступления, привлечению лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности», и «совокупность процессуальных документов»¹.

В. В. Конин, анализируя понятие «уголовное дело», предлагает рассматривать его значение с точки зрения криминалистики и уголовного процесса. В первом случае автор под «уголовным делом» понимает модель, наполненную деятельностью «определенных субъектов» по применению разработанных криминалистической наукой наработок и положений с целью установления всех обстоятельств совершенного преступления, изобличения виновных. Во втором — «уголовное дело» — это система, которая объединяет в себе оперативно-розыскные, следственные, процессуальные, а также судебные решения, образующая доказательственную и процессуальную совокупность, позволяющую следователю, дознавателю, прокурору и суду сделать вывод о виновности либо невиновности лица, привлеченного к уголовной ответственности [10, с.115–116].

Я. О. Мотовиловкер определяет уголовное дело как: 1) производство; 2) совокупность документов, фиксирующих факты и действия; 3) деятельность [14, с. 8], что также не лишено смысла.

Для более детального разъяснения понятия «уголовное дело» видится целесообразным проанализировать историю возникновения данного понятия, выделив его основные признаки.

Первая попытка законодателя дать определение понятию «уголовное дело» была предпринята разработчиками Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств — участников СНГ в 1996 году, где в п. 5 ст. 10 уголовное дело это «*обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования и судом по поводу одного или нескольких предположительно совершенных деяний, запрещенных уголовным законом*»².

Следует заметить, что в Соборном уложении 1649 года при расследовании преступлений использовался термин «судное дело». При этом уполномоченные лица должны были **зафиксировать «судное дело» «набело», т. е. на бумажный носитель, с обязательной подписью составителя** — «закрепiti своєю рукою»³.

¹ Кальницкий В. В., Марфицин П. Г. К вопросу о понятии «уголовное дело» // Сайт «Правовые технологии». URL: <http://www.lawtech.ru/pub/bstat42.htm> (дата обращения: 02.09.2024).

² Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914840> (дата обращения: 08.09.2024).

³ «Судное дело напишет набело, и дяку, справа то дело с прежнему запискою, закрепiti своєю рукою». Выверено по изданию:

В Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года неоднократно упоминается термин «уголовное дело» и зарождается понимание того, что он в себе содержит. Так, в главе 10 «О заключении следствия» статья 481 гласит: «*Бумаги, относящиеся к следствию, шиваются по порядку времени составления или получения, перенумеровываются, скрепляются по листам и прошнуровываются за печатью следователя. Бумагам сим составляется опись с указанием: на каком листе дела каждая из них находится*»⁴.

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «дело» представляет собой «собрание документов, относящихся к какому-либо факту или лицу»⁵, а «уголовный» — «относящийся к преступности, к преступлениям и их наказуемости»⁶. В данном случае уголовное дело — это собрание документов, **относящихся к преступлению и его наказуемости**.

В результате можно сделать вывод, что уголовное дело представляет собой систематизированную совокупность процессуальных документов, относящихся к преступлению и его наказуемости, удостоверяющих деятельность органов предварительного расследования, прокурора и суда зафиксированную на бумажном носителе и надлежаще заверенную должностным лицом.

Материалы и методы

Основу проведенного исследования составило уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, зарубежные правовые акты, а также публикации ученых, исследовавших данную проблему. При этом активно использовались общенаучные и частно-научные методы познания правовой действительности, отражающие диалектический подход в рассмотрении теоретических вопросов уголовного процесса.

Описание исследования

Стремительное развитие IT-технологий в сфере уголовного судопроизводства, включая внедрение электронного документооборота в правоохранительных органах и судах, применение дистанционных форм при проведении следственных и судебных действий вносит определенные корректировки в уголовно-процессуальную форму, а именно ведет к замене бумажного носителя информации на электронный при производстве по уголовному делу.

В настоящее время среди ученых-процессуалистов продолжается дискуссия о том, что следует понимать под электронным уголовным делом.

Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 98.

⁴ Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // НИУ «Высшая школа экономики» : [сайт]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864> (дата обращения: 08.09.2024).

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва : Азбуковник, 1997. С. 159.

⁶ Там же. С. 824.

Так, Р. В. Пенез, проанализировав лексему «электронный» применительно к понятию уголовного дела, предположил, что это электронно-фиксированная информация при помощи аппаратно-технических устройств и программных средств, которая выражена в установленном формате, отражает какой-либо факт или событие, имеет отношение к уголовному делу и заполняется соответствующим должностным лицом с целью осуществления расследования по уголовному делу [16, с. 52–55].

А. Ф. Абдулвалиев, рассуждая о том, что такое электронное уголовное дело, делает акцент на электронном носителе цифровой информации, предназначенном для хранения материалов электронного уголовного дела, с заложенной внутри него программой по ее формированию и алгоритмизации последовательных действий с момента возбуждения уголовного дела и до стадии исполнения приговора, включающей в себя бланки и шаблоны отдельных процессуальных документов, позволяющих прикрепить к уже имеющейся информации фото, кино- и видеоизображения, а также иные файлы и программные продукты [1, с. 59].

А. М. Долгов обозначает электронное уголовное дело как «содержащиеся на материальном носителе в электронном виде документы, отражающие ход расследования»¹.

Хочется согласиться с мнением О. В. Мичуриной и В. С. Мичурина, которые считают, что электронное уголовное дело — это не только комплекс процессуальных документов в цифровом формате, составляющих его содержание и размещенных на технических устройствах, но и отображение хода результатов уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой как до, так и для его возбуждения, а также на весь период производства по нему [13, с. 18–21].

С учетом развития цифровизации уголовного судопроизводства некоторые авторы предлагают свое видение того, что означает «электронное уголовное дело». Так, например, Ю. Н. Соколов считает, что это электронное устройство со сложным внутренним строением файлов [20, с. 28–33].

Ю. Н. Познанский полагает, что электронное уголовное дело — это идентичная копия уголовного дела, созданная в электронном виде [17, с. 42]. В. В. Артемова, С. В. Ермаков, Д. А. Иванов — что это документы на электронном носителе, набор электронных документов, расположенных в структурированных папках [2, с. 7–10].

О. В. Качалова, Ю. А. Цветков пишут о том, что электронное уголовное дело должно иметь вид информационного портала, в котором содержится вся информация по уголовному делу... а также соответствующие рубрики для различных участников уголовного судопроизводства, куда в сканированном виде помещаются

процессуальные документы со всеми необходимыми документами, исключаящими их дальнейшее исправление и корректировку [9, с. 97–98].

Электронное уголовное дело можно рассматривать и как теоретическую модель, что вызывает особый интерес.

К примеру, М. С. Сергеев предложил модель «единого электронного производства по уголовному делу», которая включает в себя восемь блоков: электронное производство проверки сообщений о преступлении; электронное следственное действие; электронная оперативно-розыскная деятельность; электронные технические средства; электронное производство дознания; электронное производство дознания в сокращенной форме; электронное судебное производство в суде первой инстанции; электронное судебное производство контрольно-надзорных действий. По мнению автора, воплощение модели в жизнь повысит доверие граждан к правосудию [19, с. 262–263].

С. В. Зуев и Н. А. Моругина представили теоретическую модель электронного уголовного дела, структурно состоящую из восьми взаимосвязанных блоков, включая общие положения; понятийный аппарат; принципы цифрового судопроизводства; участники уголовного судопроизводства; система доказывания; модуль электронного уголовного дела; цифровая платформа уголовного судопроизводства; законодательное решение [6, с. 85]. Модуль электронного уголовного дела состоит из пяти функциональных подмодулей (приложений), отвечающих за сбор электронной информации о происшествии, накопление и систематизацию электронных доказательств по уголовному делу, электронный суд, исполнение приговора, обжалование решений, принятых судом [4, с. 78–79]. Представляется, что эти подмодули должны заменить существующие стадии уголовного судопроизводства.

При анализе приведенных точек зрения учёных-процессуалистов о понятии «электронное уголовное дело», а также его теоретической модели, становится очевидным, что оно имеет несколько правовых граней и рассматривается в науке уголовного процесса с разных сторон. Полагаем, что для более детального понимания данного феномена необходимо исследовать законодательство и практику применения электронного уголовного дела в зарубежных странах, учесть порядок и специфику производства.

Важно отметить, что в некоторых странах (например, в Азербайджанской Республике) в уголовно-процессуальном законодательстве есть нормы, регулирующие ведение уголовного судопроизводства в электронном виде, а также утверждена Инструкция по осуществлению уголовного судопроизводства в электронной форме. Кроме того, в Республике Казахстан на законодательном уровне закреплено понятие «электронное уголовное дело», под которым понимается «обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования по поводу одного или нескольких уголовных правонарушений в электронном

¹ Долгов А. М. Электронное уголовное дело в досудебных стадиях уголовного процесса в России // КубГУ : [сайт]. URL: <https://kubsu.ru/sites/default/files> (дата обращения: 05.09.2024).

формате посредством модуля e-УД», там же прописан порядок его производства¹.

В США электронное уголовное дело представляет собой электронное досье с документами либо иной электронной информацией, размещенное на цифровой платформе уголовного судопроизводства².

В Сингапуре подача и обслуживание документов в электронном виде по уголовным делам осуществляется через интернет с помощью цифровой платформы — Интегрированной системы электронных судебных разбирательств (The Integrated Electronic Litigation System (iELS) — или электронного судопроизводства (eLit)), которая представляет собой безбумажную технологию осуществления всех процедур с момента выявления преступления, где заявления о преступлении подаются в электронном виде в Департамент уголовных расследований Сингапура (Criminal Investigation Department (Singapore)) до слушания в суде. По мере необходимости следователь может вносить материалы в уголовное дело, а адвокат и обвиняемый — ознакомиться с ними в зависимости от уровня допуска. Для подачи электронных документов либо иной электронной информации в систему стороны используют национальный ID Singpass³ с усиленной цифровой подписью.

Материалы уголовного дела хранятся в специальном облаке, доступ к которому имеется лишь у прокуратуры и суда. Кроме того, система автоматически направляет электронные документы соответствующим сотрудникам регистратуры суда для обработки, а также осуществляет дальнейшую маршрутизацию электронного досье по делу (аналог электронного уголовного дела) в судах.

Интегрированная система электронных судебных разбирательств (The Integrated Electronic Litigation System iELS) состоит:

- из интерфейса, доступ к которому осуществляется через интернет;
- шлюза, получающего и направляющего материалы соответствующей стороне или суду;
- приложений документооборота судов, которые обслуживают внутреннюю маршрутизацию и документооборот в судах;
- модуля слушания, используемого для проведения слушаний в электронном виде;

¹ Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате : приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 года № 2 (зарег. в Министерстве юстиции Республики Казахстан 23 января 2018 года № 16268) // ИПС «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268> (дата обращения: 05.09.2024).

² Case Management/Electronic Case Files (CM/ECF) / Public Access to Court Electronic Records (США), Federal Court of Australia (Австралия), Money Claim Online (Великобритания), Canadian Legal Information Institute (CanLII) (Канада), Beslissing Ondersteunend Systeem (BOS) (Нидерланды).

³ Singpass — это надежная цифровая идентификация каждого жителя Сингапура для простого и безопасного доступа к государственным услугам онлайн и оффлайн // Справочный центр Crypto.com. URL: <https://help.crypto.com/ru> (дата обращения: 16.09.2024).

— автоматизированной системы управления ключами, выдающей цифровые сертификаты на смарт-картах.

В настоящее время в этой стране более 84 % документов подаются в суд в электронном виде, остальные документы подаются через сервисное бюро, с обязательной последующей оцифровкой электронных документов⁴.

В Испании электронное уголовное дело Justicia Digital (цифровое правосудие), состоит из цифровой платформы для безопасного обмена информацией между судебными органами и органами предварительного расследования (LexNet), мониторинга его движения между инстанциями (Minerva Digital), а также программы просмотра документов (файлов) (Horus), цифровой электронной подписи документов (Portafirmas) и системы архива (Archivo).

В Кыргызской Республике созданы необходимые технологические условия для формирования комплексной системы «Цифровое правосудие», которая интегрирована с существующими общегосударственными информационными системами и цифровыми платформами (ЕРП (регистрация и досудебное производство); АИС «Юридическая помощь»; АИС «Суд»; АИС «Исполнительное производство»), через систему межведомственного взаимодействия «Түндүк» [11, с. 7–8].

Исходя из вышесказанного, нетрудно заметить, что обмен процессуальной информацией в электронном виде между участниками уголовного судопроизводства успешно осуществляется благодаря цифровой платформе или единой экосистеме, объединяющей несколько функциональных платформ.

Еще в 1983 году Н. Винер сделал обоснованный вывод о том, что системы в современной интерпретации должны быть цифровыми с двоичной системой счисления, имеющими систему хранения информации, выдачи ее пользователю, а последовательность действий должна планироваться самой машиной таким образом, чтобы исключить вмешательство человека в процесс решения задачи до получения конечного результата [3].

Достаточно интересным выглядит мнение профессора П. С. Пастухова, который считает, что это коммуникационная среда накопления и систематизации информации, состоящая из совокупности сервисов, позволяющих пользователям получать широкий круг услуг в рамках единого «бесшовного» интегрированного процесса [15, с. 535].

Л. Н. Масленниковой называет экосистему кибернетическим скелетом, движущей силой уголовного судопроизводства (уголовного дела), управляемой производством в реальном времени, где инструменты автоматизации должны легко интегрироваться между собой [12, с. 63]. В данном случае автоматизация выступает неким связующим звеном.

⁴ Интегрированная система электронных судебных разбирательств The Integrated Electronic Litigation System (iELS) или электронное судопроизводство (eLit). URL: https://www.elitigation.sg/_layouts/IELS/Error/NErrror.aspx (дата обращения: 16.09.2024).

Представляется, что цифровая платформа уголовного судопроизводства — это программно-аппаратный комплекс, предназначенный для обработки, формирования, распределения, хранения и систематизации материалов электронного уголовного дела в цифровом виде, их обмена между зарегистрированными (идентифицированными) пользователями, а также проведения видеофиксации, стенографирования хода дистанционного судебного разбирательства и генерирования приговора либо иного судебного решения с применением информационных технологий.

Наряду с этим многие ученые-процессуалисты (например, С. В. Зуев, В. С. Черкасов, Х. Х. Рамалданов, А. С. Каменев, Ю. Н. Соколов [5; 8; 18; 21; 23]) предлагают разработать пилотный проект «Электронное уголовное дело», апробировав его в отдельных субъектах Российской Федерации. Необходимо отметить, что предлагаемый формат ведения уголовного дела в настоящее время позволяет реализовывать такие проекты, как «Онлайн-правосудие», «ИБД-Ф»¹, вытесняя традиционные формы производства.

Одновременно полагаем, что одним из условий успешной реализации данного проекта станет наличие единой цифровой платформы, объединяющей межведомственное электронное взаимодействие участников уголовного судопроизводства.

Возникает справедливый вопрос, на каких цифровых платформах и как возможно обеспечить эффективность реализации проекта «Электронное уголовное дело» в России?

Ю. Н. Соколов сделал вывод, что ИС «Электронное уголовное дело» должна быть интегрирована в существующую цифровую платформу ГАС «Правосудие» как дополнительный закрытый контур, содержащий криминалистически значимую информацию... доступ к которой будут иметь суды общей юрисдикции и иные властные субъекты².

Надо отметить, что на площадке группы РИТВУС был проведен опрос, где на вопрос «Какая цифровая платформа, по вашему мнению, сможет объединить межведомственное электронное взаимодействие участников уголовного судопроизводства?» 43 % опрошенных указали именно на ГАС «Правосудие»³.

¹ Интегрированный банк данных федерального уровня, предназначенный для информационного обеспечения деятельности ОВД РФ по выявлению и раскрытию преступлений, установлению лиц, объявленных в розыск, подтверждению наличия либо отсутствия судимости, в случае наличия — времени и места отбывания наказания.

² В рамках докторского исследования проведено анкетирование в шести субъектах Российской Федерации, где в анкетировании приняли участие 982 респондента из числа должностных субъектов органов предварительного расследования; на вопрос «При дальнейшей модернизации ГАС „Правосудие“, будет ли актуально использование ИС „Электронное уголовное дело“ в качестве ее подсистемы?» 44 % респондента (443 участника) ответили «да, будет актуально», и 22 % (213 участников) — «скорее актуально, чем нет» [21].

³ РИТВУС. URL: <https://www.ritvus.com> (дата обращения: 09.09.2024).

Таким образом, для осуществления электронного производства в Российской Федерации необходимо следующее:

1. Интернет-портал по приему сообщений о преступлениях в цифровом виде.
2. Программно-аппаратные комплексы:
  - а) по формированию материалов уголовного дела в цифровом виде;
  - б) обработке и обмену несекретной информацией;
  - в) проведению видео-конференц-связи.
3. Интеллектуальная система судебного разбирательства, состоящая из следующих компонентов:
  - а) регистрация электронного уголовного дела;
  - б) судебное разбирательство онлайн;
  - в) генерирование решений с использованием возможностей искусственного интеллекта.

Полагаем, что на данном этапе обеспечить межведомственное электронное взаимодействие участников уголовного судопроизводства может сервис единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД МВД России).

Основными преимуществами предложенного варианта цифровой платформы уголовного судопроизводства является:

- возможность интеграции с множеством баз данных МВД России в целях повышения уровня автоматизации при получении и обработке электронной информации;
- концентрация массива электронных уголовных дел в условиях надлежащей защиты информации.

Заключение и вывод

Учитывая все вышесказанное, предлагаем дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 63.1 следующего содержания: *«Электронное уголовное дело — совокупность электронных документов, а также иной электронной информации, собранной с соблюдением правил фиксации, представленных на материальном носителе в электронно-цифровой форме, надлежаще заверенных должностным лицом и размещенных на цифровой платформе уголовного судопроизводства, в соответствии с требованиями настоящего Кодекса».*

В целях реализации идеи внедрения электронного уголовного дела представляется целесообразным предусмотреть в УПК РФ раздел 6.1. «Электронное уголовное дело», состоящий из двух глав: «Сбор электронной информации о происшествии» и «Накопление и систематизация электронных доказательств по уголовному делу». В первой главе предусмотреть статьи: 475.1. Повод и основание сбора электронной информации о происшествии; 475.2. Порядок размещения электронной информации о происшествии; 475.3. Решения, принимаемые по результатам размещения электронной информации о происшествии. Во вторую главу следует включить такие статьи: 475.4. Накопление электронных документов и их систематизация; 475.5. Ознакомление с материалами электронного уголовного дела; 485.6. Решения, принимаемые по результатам накопления и систематизации электронных доказательств по уголовному делу.

Список источников

1. Абдулвалиев А. Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Право и политика. 2013. № 1. С. 58–65.
2. Артемова В. В., Ермаков С. В., Иванов Д. А. Зарубежный опыт и перспективы использования электронного формата уголовных дел в Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 1. С. 7–10.
3. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном мире и машине. 2-е изд. Москва : Наука, 1983. 339 с.
4. Зуев С. В. Информационно-технологический процесс уголовного судопроизводства: вопрос времени // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Шестой всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 24 мая 2024 г.). Екатеринбург : АНО «КримЛиб», 2024. С. 77–82. EDN FEIQCF.
5. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 118–123.
6. Зуев С. В., Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3 (57). С. 83–94.
7. Иващенко В. В. Определение понятия «прекращение уголовного дела» как формы окончания предварительного расследования по уголовным делам // Общество и право. 2009. № 2 (24). С. 180–182.
8. Каменев А. С. Осуществление функции защиты посредством собирания и проверки электронной доказательственной информации в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. С. 160–165.
9. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
10. Конин В. В. Термин «уголовное дело»: что под этим следует понимать? // Уголовный процесс. 2021. № 8. С. 114–118.
11. Мамбеталиева Т. Э., Байкулова И. С. Анализ законодательства Кыргызской Республики на предмет наличия норм, регулирующих использование аудио-, видеофиксации (АВФ) судебных заседаний // Программа USAID-IDLO «Повышение доверия общества к судебной системе Кыргызской Республики» ; Общественный фонд «Гражданская инициатива интернет-политики». Бишкек, 2021. 61 с.
12. Масленникова Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 10. С. 52–65.
13. Мичурина О. В., Мичурин В. С. Использование электронных документов вне электронного уголовного дела — прогрессивный тупик // Российский следователь. 2024. № 6. С. 18–21.
14. Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Вопросы факта и права. Воронеж : изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 152 с.
15. Пастухов П. С. Цифровые платформы как основа электронного документооборота в уголовном судопроизводстве // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 521–540.
16. Пенез Р. В. Содержание понятия «электронное уголовное дело» в уголовном судопроизводстве // Право Донецкой народной республики. 2018. № 4. С. 52–55.
17. Познанский Ю. Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33). С. 41–44.
18. Рамалданов Х. Х. Электронное уголовное дело: миф или реальность? // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 93–98.
19. Сергеев М. С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018. 322 с.
20. Соколов Ю. Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1. С. 28–33.
21. Соколов Ю. Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных как объекты познания в криминалистике : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2023. 440 с.
22. Супрун С. В., Ганболд Р. Предварительное расследование России и Монголии: актуальные проблемы определения содержания понятий «дознанное дело», «уголовное дело», «уголовное преследование», «прекращение уголовного дела» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 137–145.
23. Черкасов В. С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2022. 210 с.
24. Шереметьев И. И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 10. С. 81–90.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 05.12.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 27.12.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2025.

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-90-XX

С. 90–94

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСПОЗИЦИЙ ТИПИЧНЫХ ДЛЯЩИХСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Валерий Владимирович Петренко

Прокуратура Краснодарского края, Краснодар, Россия

p_v.v@list.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-4528-9448>

Аннотация. В ходе исследования проведен лингвистический анализ терминов побег, уклонение, хранение, ношение, дезертирство, занятие, невыплата, неуплата, организация и дезорганизация, используемых в формулировании диспозиций соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации и являющихся девербативами, так называемыми отглагольными существительными либо отглагольными именами действия. Исследована лимитативность, характеризующая тип отношения действия к его пределу, а также фазовость, как значимые для уголовного законодательства и концепции длящихся преступлений аспектуальные признаки девербативов. Приведена лингвистическая классификация содержательных типов предела, понимаемым как пространственная или временная граница чего-нибудь, которая может быть выражена в виде прекращения обозначаемого действия, достижения определенной целевой установки либо перехода субъекта (или объекта) действия в новое состояние. Дана характеристика термину «бездействие», также являющемуся отглагольным существительным. Сделан вывод, что лингвистический аспект законодательной конструкции состава преступления позволяет лишь учесть значимые признаки конкретного противоправного деяния, а также отграничивать преступное деяние от непроступного поведения того же лица. Лингвистическая конструкция состава преступления как длящегося не требует обязательного длящегося характера его совершения. Но использование девербатива, который может носить только актовый характер, препятствует его использованию для обозначения преступлений, которые могут быть совершены как длящиеся. Длительный характер оконченного деяния преступлениях такого рода обуславливается способом их совершения.

Ключевые слова: длящиеся преступления, побег, уклонение, хранение, ношение, дезертирство, невыплата

Для цитирования: Петренко В. В. Лингвистический анализ диспозиций типичных длящихся преступлений // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 90–94. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-90-94

Research article

LINGUISTIC ANALYSIS OF THE DISPOSITIONS OF TYPICAL CONTINUING CRIMES

Valery V. Petrenko

Krasnodar Regional Prosecutor's Office, Krasnodar, Russia

p_v.v@list.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-4528-9448>

Abstract. The study included a linguistic analysis of the terms escape, evasion, storage, bearing, desertion, occupation, non-disbursement, non-payment, organization and disorganization used in formulating the dispositions of the relevant articles of the Criminal Code of the Russian Federation and which are deverbatives, the so-called verbal nouns or verbal names of action. Limitativity, which characterizes the type of relation of an action to its limit, and phasing, as aspectual features of deverbatives that are significant for criminal legislation and the concept of continuing crimes, are investigated. A linguistic classification of substantive types of limit is given, understood as a spatial or temporal boundary of something, which can be expressed in the form of termination of the designated action, achievement of a certain target setting, or transition of the subject (or object) of the action to a new state. A characteristic is given for the term “inaction”, which is also a verbal noun. It is concluded that the linguistic aspect of the legislative construction of the elements of a crime allows only to take into account the significant features of a specific illegal act, as well as to distinguish a criminal act from non-criminal behavior of the same person. The linguistic construction of the elements of a crime as continuous does not require the mandatory continuous nature of its commission. But the use of a deverbative, which can only be of an actual nature, prevents its use to designate crimes that can be committed as continuous. The continuous nature of the completed act in crimes of this kind is determined by the method of their commission.

Keywords: continuing crimes, escape, evasion, storage, bearing, desertion, non-payment

For citation: Petrenko VV. Linguistic analysis of the dispositions of typical continuing crimes. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):90-94. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-90-94

Введение

Результаты исследования являются продолжением и актуализацией сведений, изложенных в публикации «Использование лингвистического подхода к конструированию диспозиций длящихся преступлений на примере побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи» [12].

Согласно определению преступления деяние должно быть запрещено уголовным законом под угрозой наказания. Язык уголовного закона — это язык государственной власти, для которого основными требованиями являются точность и лаконичность выражения [6, с. 14]. При формулировании юридической нормы необходимо обеспечить ее понимание как правоприменителями, так и обычными гражданами, на которых возлагается исполнение. Лингвистический подход к анализу юридических понятий позволяет вскрыть причины ошибочного толкования правовых норм, устранить поводы для многолетних дискуссий и споров из-за неудачной формулировки статьи закона [13, с. 101].

Материал и методы

В статье использован текст уголовного закона, материалы лингвистических исследований, специальная литература по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы исследования, анализ теоретических и справочных источников, исторический метод.

Описание исследования

Рассмотрим лингвистический аспект законодательных понятий, используемых для описания длящихся преступлений. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях»¹, в качестве примеров длящихся преступлений приведены хранение оружия, уклонение от административного надзора и невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий, иных выплат. К типичным длящимся преступлениям правоприменительная практика также относит занятие высшего положения в преступной иерархии, побег, похищение человека, уклонение от уплаты алиментов, дезертирство и другие. «Занятие», «побег», «похищение», «уклонение» и многие другие юридические понятия, используемые в диспозициях статей УК РФ, являются девербативами, так называемыми

отглагольными существительными либо отглагольными именами действия.

Значения действия, состояния, выражаемые этими существительными, не соответствуют общему категориальному значению предметности, но подчиняются ему, принимая морфологические формы предметного имени, становясь «опредмеченным» наименованием действия, состояния.

Недостатком является то, что отглагольные имена действия в отличие от соответствующих им по значению глаголов являются нетождественными обозначениями соответствующих явлений действительности [7, с. 126, 127].

Одной из важнейших особенностей девербативов является сведение предложения к конкретному словосочетанию или термину [4, с. 108]. Лингвисты В. Порциг, Е. Курилович называли эту особенность первичной функцией имен действия, используя которую в ходе частеречного перехода, сказуемое становится определяемым членом именной группы [8, с. 64, 253]. Семантическое содержание этих языковых единиц, унаследованное ими от мотивирующего глагола, и его семантико-синтаксическое функционирование в предложении позволяет девербативам быть носителями информации о сложных фактах действительности (событиях, ситуациях) [18, с. 23].

Имя действия было весьма распространенной языковой формой в древнерусском языке. В течение XIV–XVIII веков появилось множество парных именных образований, различающихся аспектуальной семантикой, в которых можно усмотреть категорию вида. Например, девербативы «подвязание» и «подвязывание». Затем в течение последующих двух столетий количество отглагольных имен действия значительно сократилось, что обусловило утрату их парности и существенно сократило видовую дифференциацию. Поэтому семантика вида в русских отглагольных именах сильно нейтрализована, лишена регулярных формальных показателей и, как следствие, статуса грамматической категории [14, с. 7, 212]. Отдельные авторы указывают на имплицитный (скрытый) характер глагольных грамматических категорий (вид, залог, время) [5, с. 6].

Длительность, предусмотренная нормой закона, может определяться, помимо девербатива, иными элементами диспозиции статьи, которые выступают в качестве внешних (контекстуальных) средств ее выражения. Например, в формулировке части 1 ст. 337 УК РФ *самовольное оставление части продолжительностью свыше двух суток, но не более десяти суток*.

Кроме длительности, явно указанной в уголовном законе, может быть внутренняя длительность, предусмотренная семантическим значением самого девербатива. Рассмотрим две разновидности такой

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 43 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464554/ (дата обращения: 17.01.2025).

длительности: результативная и протяженная (ограниченная и неограниченная).

Семантика результативной длительности реализуется девербативом «побег» в контексте «сбежать из места заключения».

Примером протяженной неограниченной длительности являются девербативы «хранение», «культивирование».

В ходе лингвистических исследований установлено, что значение действия как процесса наиболее ярко передается отглагольными именами с суффиксом *-ние*, которые по сравнению с безаффиксными образованиями (*разбой*) ближе по своей семантико-словообразовательной структуре к мотивирующим глаголам и могут более последовательно и дифференцированно передавать оттенки характера глагольного действия (длительность, кратность, завершенность, незавершенность и т. д.) [9, с. 185].

Важнейшим семантическим признаком девербативов является лимитативность, характеризующая тип отношения действия к пределу [16, с. 46].

Категория предельности/непредельности отражает общее представление о направленности/ненаправленности действия к внутреннему пределу, соответствующее процессам внеязыковой действительности.

В русском языке под пределом понимается пространственная или временная граница чего-нибудь. Данная граница может быть выражена в семантике самым разным образом: подразумеваемое прекращение обозначаемого действия, достижение определенной целевой установки либо переход субъекта (или объекта) действия в новое состояние [2, с. 241–242].

Отглагольные имена действия без явных ограничений наследуют от глагола аспектуальный признак результативного предела действия и способны актуализировать в речи все его типы: реальный и потенциальный, эксплицитный и имплицитный. Семантический признак результативного предела действия является релевантным для именной формы выражения действия.

В лингвистике разработана классификация содержательных типов предела, реализующихся в различных способах глагольного действия:

— результативный (действие достигает своего естественного предела, предусмотренного его природой);

— количественно-временной (временная граница определенной длительности действия, временная граница начала или конца действия, крайняя граница интенсивности, продолжительности или повторяемости);

— одноактный (действие совершается в один прием с минимальной длительностью, например девербатив «взрыв» — ч. 2 ст. 167 УК РФ) [14, с. 200, 201, 207].

В статьях Особенной части уголовного закона используются имена действия с результативно-аннулирующим значением. Например, пара имен действия «организация» (ст. 322.1 УК РФ) и «дезорганизация» (ст. 321 УК РФ).

К высокоиспользуемым в УК РФ относятся девербативы с результативно-обстоятельственным способом действия («перевозка»).

Содержащийся в девербативе предел может быть потенциальным, как в диспозициях статей, описывающих цель совершения преступления. Так, в статью 206 УК РФ включена лингвистическая конструкция в целях **понуждения** совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия.

Важной составляющей категории аспектуальности девербатива является фазовость, которая представляет собой детерминацию глагольного действия по признаку ограничения процесса временным пределом в диапазоне от момента возникновения до его завершения, или отношение неопредельного процесса к его началу или завершенности, противопоставление начала действия и его исчерпанности.

Фазовость — это сложный семантический признак, тесно взаимосвязанный с категорией глагольного вида, со значением способа глагольного действия, с общим лексическим значением, которое в значительной степени сохраняется в отглагольных именах действия.

Выделяются три основных типа значений: начинательное (начало — процесс), завершительное (процесс — завершение) и целостное синхронизированное фазовое значение (интервал между началом и концом действия минимален или отсутствует).

Значительное количество длящихся преступлений совершается в форме бездействия. Термин «бездействие» также является девербативом, образованным от глагола состояния, не содержащего сем кратности и многоактности, которому свойственна непрерывная неопределенная длительность [14, с. 151].

Отдельную группу образуют отрицательные девербативы, которые выражают значение исключения факта осуществления действия. К данной категории относятся девербативы «невыплата», «неуплата», используемые в уголовном законе для описания типичных длящихся преступлений и выражающие преступное бездействие, отрицающее противопоставляемое действие как форму правомерного поведения. Так как лимитативность наследуется девербативами от связанных с ними глаголов, то в деяниях, выраженных отрицательными девербативами, смысловое содержание не сводится к семантике предела. В них отсутствует как процессность, так и ограниченность действия пределом, а имеется так называемое выражение ситуации обобщенного факта [16, с. 92].

Девербатив «уклонение» является одним из наиболее распространенных, используется для формулирования диспозиций статей 169, 177, 185.1, 185.4, 192–195, 198, 199, 199.3, 199.4, 243.3, 308, 314, 314.1, 328, 330.1, 339 УК РФ. При этом преступления, предусмотренные ст. 177, 328 УК РФ, являются типичными длящимися преступлениями. Отнесение иных перечисленных преступлений к длящимся вызывает споры. Особенно активная дискуссия развернулась в отношении налоговых преступлений.

В словарях этот девербатив определяется как действие по глаголам «уклониться» и «уклоняться» [3, с. 469, 480], в связи с чем в аспекте длительности совершения деяния он полисемичен и может использоваться для

обозначения как процесса уклонения, так и достигаемого результата.

С. В. Яровая, Т. И. Нагаева обращают внимание, что термины «неисполнение обязанностей» и «уклонение от обязанностей» являются носителями различных по объему понятий. Деяния, которые ими определяются, различаются по объективным и субъективным признакам.

Термин «уклонение» определяет понятие, производное от неисполнения обязанности, но значительно более узкое по сравнению с основным, являя собой специальный вид неисполнения обязанности [10, с. 1369–1370].

Уклонение в уголовно-правовом смысле — это всегда бездействие по исполнению обязанности, запрещенное УК РФ и достигаемое определенным способом в форме деяния, в ряде составов преступлений, прямо указанном в уголовном законе. Представляется, что уголовно-правовое понимание уклонения соответствует его семантическому значению, выработанному в лингвистике. Деяния, объединенные термином «уклонение», семантически могут носить как длящийся, так и актовый характер, определяемый его уголовно-правовой спецификой.

Обратившись к девербативу «побег», отметим, что он образован от начинательного глагола движения с префиксом *по-*. При этом фазовость, формируемая начинательным значением приставки, полностью нейтрализована [14, с. 189]. В решениях, описывая преступление, предусмотренное ст. 313 УК РФ, суд обычно использует выражение «совершил побег»¹ либо «сбежал из мест лишения свободы»². В отношении периода после совершения побега чаще всего суд ограничивается указанием на дату задержания³ либо отмечает, что подсудимый в этот период «находился на свободе»⁴. В отдельных приговорах указывается, что подсудимый «совершил побег», с упоминанием в качестве даты совершения только момента юридического окончания деяния⁵.

¹ См., напр.: Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда : от 14.05.2020 № 22-2552/20. URL: https://kraevoi--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=f9dc7e82-43b7-40df-a4eb-19bf0d95dab9&deloid=4& (дата обращения: 01.10.2024) ; Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда : от 13.03.2023 № 22К-1935/2023. URL: https://kraevoi--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=cb6e4ed1-45b5-42f5-9d70-229e54dfd6c8&deloid=4&caseType=0&new=0&srv_num=1&hideJudge=0 (дата обращения: 01.10.2024).

² См., напр.: Апелляционное постановление № 22К-5201/2023 от 5 октября 2023 г. по делу № 3/14-4/23. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4MSN5qjXw5ZT/> (дата обращения: 01.10.2024).

³ См., напр.: приговоры Усть-Лабинского районного суда от 21.10.2015 № 1-312/2015, от 06.05.2015 № 1-151/2016, от 15.12.2022 № 1-395/2022. URL: <https://ust-labinsky--krd.sudrf.ru> (дата обращения: 01.10.2024).

⁴ См., напр.: Приговор Усть-Лабинского районного суда от 12.07.2023 по делу 1-126/2023. URL: https://ust-labinsky--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&nc=1&case_id=390366123&case_uid=ee164609-e50d-4b7e-8578-cc9a86327b22&deloid=1540006&new=0 (дата обращения: 01.10.2024).

⁵ См., например: приговоры Усть-Лабинского районного суда от 24.10.2012 № 1-315/2012, от 06.03.2013 № 1-30/2013, от 17.06.2014 № 1-182/2014. URL: <https://ust-labinsky--krd.sudrf.ru> (дата обращения: 01.10.2024).

При этом выражение «быть/состоять в бегах», согласно словарям, означает «скрываться после побега» [1, с. 22], а не во время него, и указывает на определенное состояние субъекта. В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой приведен следующий пример употребления девербатива: «Побег состоялся. Беглец благополучно пересек границу (Б. Полевой. Встреча с легендой)». Термин «бегство», который также означает уход и может употребляться в контексте «бегство из плена» [15, с. 67], в отличие от побега, семантически не имеет предела как временной границы действия.

Поэтому девербатив «побег» понимается как выраженное действие, обращенное к его результативному пределу, с завершительной фазовостью.

В отличие от побега девербатив «перевозка», также имеющий лимитативную длительность, используется для описания преступлений, являющихся юридически оконченными на любой момент совершения процессуальной части действия.

Тесно связано с побегом дезертирство. Девербатив образован от двух производящих слов: «дезертир» и «дезертировать» [10, с. 280]. Дезертир — это военнослужащий-беглец [1, с. 140]. Дезертировать — значит совершить или совершать дезертирство. Глагол двувидовой, может образовывать формы совершенного и несовершенного вида [15, с. 377; 11, с. 157]. От глагола «дезертировать» может быть образован гораздо реже используемый глагол совершенного вида «сдезертировать» [17, с. 280] (дезертировать — 302 текста, 400 примеров; сдезертировать — 1 текст, 1 пример при лексико-грамматическом поиске на сайте «Национальный корпус русского языка»⁶). При поиске среди решений судов общей юрисдикции на сайте «Судебные и нормативные акты РФ»: дезертировать — 89 документов, сдезертировать — 0⁷). Таким образом, этимологически и семантически термин «дезертирство» связан с двувидовым глаголом «дезертировать», в связи с чем может носить и длящийся, и актовый характер.

При этом необходимо учитывать, что длительный характер совершения длящегося преступления обусловливается способом его совершения. Законодательная конструкция состава преступления позволяет лишь учесть значимые признаки конкретного противоправного деяния, а также отграничивать преступное деяние от непроступного поведения того же лица. Лингвистическая конструкция состава преступления как длящегося не требует обязательного длящегося характера его совершения. *Так, лицо, незаконно хранящее оружие или наркотики, задержанное через непродолжительное время после начала хранения, совершило актовое преступление, которое лингвистически сконструировано как длящееся с начинательной фазовостью и типично является таковым.*

⁶ Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.10.2024).

⁷ Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.10.2024).

Заключение и вывод

Лингвистический аспект законодательной конструкции состава преступления позволяет лишь учесть значимые признаки конкретного противоправного деяния, а также отграничивать преступное деяние от непротивоправного поведения того же лица. Лингвистическая конструкция состава преступления как длящегося не требует обязательного длящегося характера его совершения. Но использование девербатива, который может носить только актовый характер, препятствует его использованию

для обозначения преступлений, которые могут быть совершены как длящиеся.

Значение действия как процесса наиболее ярко передается отглагольными существительными с суффиксом *-ние* (уклонение, хранение, ношение).

Девербативы «уклонение», «хранение», «дезертирство», отрицательные девербативы (невыплата, неуплата), могут быть использованы для описания как актов, так и длительно совершаемых сложных единичных преступлений.

Список источников

1. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3 (бе — болдыхать) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 344 с.
2. Баклагова Ю. В. Предельность/непредельность как актуальный признак глагольного предиката // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 240–244.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. Р–Я. Москва : РИПОЛ классик, 2006. 672 с.
4. Долженко Н. Г. Имя действия в системе событийной лексики: пересеканность глагольной и именной лексики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2005. № 11. С. 105–110.
5. Егорова Е. Н. Девербативы как субстантивные формы глагола : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Егорова Елена Николаевна. Тамбов, 2009. 23 с.
6. Ефремова К. А., Абросимова Н. А. Лингвистические особенности текста Уголовного кодекса Российской Федерации // Terra Linguae. 2017. № 3. С. 14–16.
7. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва: Наука, 1982. 369 с.
8. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Москва : Издательство иностранной литературы, 1962. 456 с.
9. Мирошникова З. А. Проблемы семантики и функционирования имен действия в системе языка: дис. ... д-ра филолог. наук : 10.02.01 / Мирошникова Зинаида Александровна. Москва, 2003. 399 с.
10. Нагаева Т. И. О соотношении понятий «неисполнение обязанностей» и «уклонение от исполнения обязанностей»: технико-юридические аспекты определения признаков деяния в УК РФ // Lex Russica (научные труды МГЮА). 2012. № 6. С. 1368–1380.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. Москва : А ТЕМП, 2006. 944 с.
12. Петренко В. В. Использование лингвистического подхода к конструированию диспозиций длящихся преступлений на примере побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 1. С. 25–28.
13. Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: монография. Волгоград : ВЮИ МВД России, 1998. 220 с.
14. Пчелинцева Е. Э. Актуальные признаки в отглагольных именах действия в русском, украинском и польском языках : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Пчелинцева Елена Эдуардовна. Санкт-Петербург, 2016. 441 с.
15. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. В 4 т. Т. 1. Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
16. Теория функциональной грамматики : Введение. Актуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Ленинград : Наука, 1987. 348 с.
17. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. Ок. 145000 слов. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А–П. Москва : Рус. яз., 1990. 856 с.
18. Ульянцева С. Г. Семантико-синтаксические связи девербативных существительных в современном русском языке в сопоставлении с украинским языком : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 10.02.01 / Ульянцева Светлана Григорьевна. Киев, 1982. 25 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 27.01.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.02.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.02.2025.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИСМОТРА ЗА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ОБВИНЯЕМЫМИ ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ

Роман Анатольевич Филиппев¹, Оксана Витальевна Драгун²

^{1,2} Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия

¹ filipiev@live.ru

² oksana.dragun.01@bk.ru

Аннотация. Предмет исследования в статье представлен анализом применения отдельных мер уголовно-процессуального принуждения к несовершеннолетним обвиняемым и подозреваемым, выявлены проблемы, связанные с совершенствованием системы гарантий и процедуры применения уголовно-процессуального принуждения к несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства. Известно, что в сравнении с личностью взрослого сформировавшегося человека личность несовершеннолетнего обладает массой особенностей, обусловленных как физиологическими и психологическими причинами, так и социальными условиями жизни и воспитания несовершеннолетнего.

Цель исследования — выявление теоретических и правовых проблем применения уголовно-процессуального принуждения в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) и формирование положений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых редко применяется мера пресечения в виде присмотра за несовершеннолетними, а также авторами предложены пути повышения эффективности данной меры пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, подозреваемые, обвиняемые, несовершеннолетние, присмотр

Для цитирования: Филиппев Р. А., Драгун О. В. Некоторые вопросы реализации присмотра за несовершеннолетними обвиняемыми подозреваемыми // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 95–98. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-95-98

Research article

SOME ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF SUPERVISION OF MINORS ACCUSED SUSPECTS

Roman A. Filipyev¹, Oksana V. Dragoon²

^{1,2} Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russia

¹ filipiev@live.ru

² oksana.dragun.01@bk.ru

Abstract. The subject of the study in the article is presented by an analysis of the application of certain measures of criminal procedural coercion to minors accused and suspects, problems related to improving the system of guarantees and procedures for the application of criminal procedural coercion to minors involved in criminal proceedings are identified. It is known that, in comparison with the personality of an adult formed person, the personality of a minor has a lot of features due to both physiological and psychological reasons, as well as the social conditions of life and upbringing of a minor.

The purpose of the study is to identify theoretical and legal problems of the application of criminal procedural coercion in relation to juvenile suspects (accused) and the formation of provisions for improving legislation and law enforcement practice in this area.

The conducted research allowed us to conclude that in relation to minors, suspects and accused persons rarely use a preventive measure in the form of supervision of a minor, and the authors also propose ways to increase the effectiveness of this preventive measure.

Keywords: preventive measures, suspects, accused, minors, supervision.

For citation: Filipyev RA, Dragoon OV. Some issues of the implementation of supervision of minors accused suspects. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):95-98. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-95-98

Введение

Одной из отличительных черт уголовного процесса является возможность применения достаточно серьезных принудительных средств в отношении лиц, которые по своему статусу являются всего лишь обвиняемыми или подозреваемыми, а порой — лицами, к которым государство вообще не имеет каких-либо претензий и вовлекает их в процессуальную деятельность для обеспечения их собственных прав и содействия производству по уголовному делу.

Указанное обстоятельство актуализирует любую проблему, связанную с совершенствованием системы гарантий и процедуры применения уголовно-процессуального принуждения к участникам уголовного судопроизводства.

Несомненно, особое внимание законодателя и правоприменителя должно быть приковано к обеспечению такой категории участников уголовного судопроизводства, как несовершеннолетние обвиняемые и подозреваемые. Их возрастные, физиологические и психологические особенности, умноженные на стрессовый характер ситуации, связанной с уголовным преследованием: все это существенно специализирует порядок применения принуждения в отношении несовершеннолетних.

Как показывает статистика преступлений, совершенных несовершеннолетними, в последние годы имеет место устойчивая тенденция к сокращению числа таких преступлений, что говорит об эффективности государственных средств противодействия данному виду преступности. В то же время, говорить о том, что проблема преступности несовершеннолетних полностью устранена преждевременно. Во-первых, сама по себе тенденция к сокращению преступлений того или иного вида имеет обратимый характер и в любой момент может сменить обратной тенденцией к их увеличению. и, во-вторых, если проанализировать структуру преступности несовершеннолетних, становится очевидным, что при общем уменьшении количества преступлений по-прежнему среди них достаточно большую долю (до 30 %) занимают тяжкие и особо тяжкие преступления. Все сказанное говорит об актуальности любого вопроса, связанного с противодействием преступности несовершеннолетних [1, с. 475].

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы меры пресечения — присмотр за несовершеннолетними обвиняемыми, подозреваемыми. Основу исследования составили такие методы как: всеобщие (материалистической диалектики); правовые (формально-правовой, системно-правовой, логический, метод использования правовой статистики).

Описание исследования

Несовершеннолетними, в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации, признаются лица, которые на момент совершения преступления достигли возраста четырнадцати, но не достигли восемнадцати лет. К несовершеннолетним обвиняемым или

подозреваемым в совершении преступления применяются меры пресечения, аналогичные тем, что применяются к взрослым. Однако, законодательство многих стран, в том числе и России, предусматривает специфическую меру пресечения — присмотр за несовершеннолетним.

Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым представляет собой специфическую меру пресечения, которая применяется исключительно к лицам, не достигшим 18-летнего возраста. Суть данной меры пресечения заключается не только в обеспечении надлежащего поведения несовершеннолетнего, но и в активном исполнении ряда обязанностей: 1) не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда; 2) в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; 3) иным путем не препятствовать производству по уголовному делу, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится, о чем эти лица дают письменное обязательство. Эта мера пресечения с точки зрения ее применимости сочетает в себе черты двух других мер пресечения — подписки о невыезде и надлежащем поведении и личного поручительства. В сущности, можно сказать, что присмотр за несовершеннолетним является своего рода поручительством с особым субъектом — поручителем, в качестве которого выступают родителями, опекуны, попечители или другими заслуживающими доверия лица [2, с. 113].

Согласно ч. 2 ст. 423 УПК РФ при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр в порядке, установленном ст. 105 УПК РФ. Так, Пленум Верховного Суда РФ своим постановлением от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», указывает судам, что «избирая меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, суду необходимо руководствоваться требованием ст. 423 УПК РФ об обязательном обсуждении возможности применения альтернативной меры пресечения в виде передачи его под присмотр родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц, а находящегося в специализированном детском учреждении — под присмотр должностных лиц этого учреждения»¹. Однако следует заметить, что УПК РФ, а также новейшая судебная практика не содержат запрета одновременно с применением названной меры пресечения избирать в отношении несовершеннолетнего

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 07.11.2024).

подозреваемого (обвиняемого) и другую меру пресечения, не связанную с заключением под стражу [3].

При уголовно-процессуальном регулировании пристрастия за несовершеннолетним наиболее важным является порядок организации избрания данной меры. С одной стороны, процедурно он не подразумевает каких-бы то ни было сложностей. Проблемы его применения носят скорее психологический характер. При решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр. Почему же она так редко применяется? Ответ, думается, прост: суду, следователю или дознавателю чисто психологически сложно доверить присмотр за несовершеннолетним обвиняемым или подозреваемым совершенно незнакомым лицам, которые, более того, если речь идет о законных представителях несовершеннолетнего, единожды уже не уследили за ним.

Решение проблемы востребованности меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним полностью не представляется возможным. Однако, частично «облегчить» принятие решения об избрании присмотра за несовершеннолетним могло бы привлечение к этой процедуре представителей органов опеки и попечительства и комиссий по делам несовершеннолетних [4], которые по требованию суда, следователя или дознавателя могли бы предоставлять свое заключение о целесообразности передачи несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого под присмотр его законных представителей, что также можно было бы отразить в законе. Кроме того, указанные субъекты могли бы подготавливать аналитические данные об образе жизни несовершеннолетнего, осуществлении над ним контроля со стороны родителей или иных законных представителей, обобщенные характеристики подростка по месту учебы, работы и жительства. Позиция комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, выраженная в письменном заключении, могла бы упростить процедуру выбора конкретной из них [5, с. 57].

В отношении лиц, которые осуществляют присмотр, может быть применена ответственность за невыполнение возложенных обязательств в виде наложения

денежного взыскания в размере до десяти тысяч рублей, что также обуславливает ряд вопросов. Законодатель не конкретизирует положений, которые бы отвечали на вопрос, в чем может быть выражено нарушение меры пресечения. Обязательства по неисполнению возлагаются не лиц, в отношении которых была применена мера пресечения, а на родителей, опекунов или должностных лиц, а также должностных лиц специализированных детских учреждений. Законодатель прямо не предусматривает ответственность для несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого, однако возможно изменение присмотра за несовершеннолетними обвиняемыми, подозреваемыми на более строгую меру пресечения.

Заключение и вывод

В отношении несовершеннолетних, как и в отношении взрослых обвиняемых и подозреваемых, могут быть применены меры пресечения. Однако законодательством многих стран, в том числе и в России, предусматривается специфическая мера пресечения — присмотр за несовершеннолетним.

В ходе исследования стало известно, данная мера избирается крайне редко, что подтверждается анкетированием сотрудников органов внутренних дел и интервьюированием прокурорских работников. Данная проблема носит скорее психологический характер. При этом согласно закону при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр.

Однако стоит отметить, что у данной меры пресечения имеются перспективы. Частично «облегчить» принятие решения об избрании присмотра за несовершеннолетним могло бы привлечение к этой процедуре представителей органов опеки и попечительства и комиссий по делам несовершеннолетних, которые по требованию суда, следователя или дознавателя могли бы предоставлять свое заключение о целесообразности передачи несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого под присмотр его законных представителей, что также можно было бы отразить в законе.

Список источников

1. Титоренко Е. А., Федосеева И. С. Особенности применения мер пресечения к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым и лицам с ограниченными возможностями здоровья // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : материалы VII Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Москва, 27 ноября 2023 года. Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. С. 473–478.
2. Мищенко Е. В. Особенности применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. 2007. № 10 (34). С. 112–116.
3. Гринев В. А., Амиралиева Э. А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым): теоретико-правовой анализ // Символ науки. 2017. Т. 2, № 2. С. 185–187.
4. Ветошкин С. А. Ювенальное право : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. 169 с.
5. Ерофеева В. А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ерофеева Виктория Александровна. Москва, 2018. 242 с.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The contribution of the authors is equivalent.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 29.11.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 28.12.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.01.2025.

**ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ
О ЗАЩИТЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ИНЫХ КОНВЕНЦИЙ
В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РФ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕДМЕТА СТ. 164 УК РФ
«ХИЩЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ»**

Наталья Николаевна Артёменко

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, Россия

potad2@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-7693-3873>

Аннотация. Современные процессы глобализации характеризуются активным межкультурным общением и обусловленным им взаимопроникновением традиций и общественного опыта взаимодействующих народов и стран, что может сопровождаться вытеснением или замещением элементов национальной культуры популярными международными или иностранными культурными явлениями. В этих условиях неизбежно возникает проблема сохранения национальной идентичности на фундаменте исторически сложившейся национальной культуры. Основным ядром культуры выступают культурные ценности, следовательно, одной из задач, которая стоит перед обществом и государством, должна быть задача сохранения культурных ценностей. Это особенно актуально для России в связи со сложившейся достаточно опасной ситуацией относительно сохранности национальных культурных богатств. Показатели преступных посягательств, связанных с хищениями и последующим незаконным вывозом за пределы РФ культурных ценностей подтверждают уровень сегодняшней угрозы для культурного наследия российского общества.

Ключевые слова: культурные ценности, имплементация, конвенции, Уголовный кодекс РФ, преступления, хищение, предмет состава

Для цитирования: Артёменко Н. Н. Имплементация положений Конвенции о защите культурных ценностей и иных конвенций в Уголовный кодекс РФ относительно предмета ст. 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность» // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 99–104. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-99-104

Research article

**IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF THE CONVENTION
ON THE PROTECTION OF CULTURAL PROPERTY AND OTHER CONVENTIONS
IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION REGARDING
THE SUBJECT OF ARTICLE 164 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
«THEFT OF OBJECTS OF SPECIAL VALUE»**

Natalya N. Artemenko

Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russia

potad2@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-7693-3873>

Abstract. Modern processes of globalization are characterized by active intercultural communication and the resulting interpenetration of traditions and social experience of interacting peoples and countries, which may be accompanied by the displacement or replacement of elements of national culture by popular international or foreign cultural phenomena. In these conditions, the problem of preserving national identity on the basis of historically established national culture inevitably arises. Cultural values are the main core of culture, therefore, one of the tasks facing society and the state should be the task of preserving cultural values. This is especially important for Russia due to the current rather dangerous situation regarding

the preservation of national cultural treasures. The indicators of criminal encroachments related to the theft and subsequent illegal export of cultural property outside the Russian Federation confirm the level of the current threat to cultures.

Keywords: cultural values, conventions, Criminal Code of the Russian Federation, crimes, theft, the subject of the composition

For citation: Artemenko NN. Implementation of the Provisions of the Convention on the Protection of Cultural Property and Other Conventions in the Criminal Code of the Russian Federation regarding the Subject of art. 164 of the Criminal Code «Theft of Objects of Special Value». *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):99-104. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-99-104

Введение

В Стратегии национальной безопасности РФ от 2021 года культура отнесена к стратегически важным направлениям развития России.

Культурные ценности подлежали особой охране начиная со времен средневековья. В исторических памятниках встречаются статьи, предусматривающие ответственность за хищение особо охраняемых предметов, начиная с Судебника Ивана IV. Термин «культурные ценности» в исторических памятниках не использовался, законодатель ограничивался только перечислением конкретных предметов, либо указывал на объединяющее их понятие.

По своей содержательной части, термин «культурные ценности» состоит из двух самостоятельных понятий — «культура» и «ценность». Понятие «культура» имеет латинское происхождение «cultura», что в дословном переводе означает обитание, либо «colere», что означает возделывать, уважать. Понятие «ценность» понимается как важность, значимость или стоимость [7, с. 76].

Существующие международные акты в своем содержании по-разному формулируют дефиницию культурные ценности. Несмотря что уже свыше семидесяти лет прошло с момента, как данное понятие вошло в оборот, единства в терминологии на уровне международных документов, на уровне национального законодательства и на уровне российской науки нет.

Введение в законодательство единого подхода к понятию «культурные ценности» поспособствует правильному их толкованию и применению в практической деятельности, а также сближению международного и национального права.

Материал и методы

Аналитический метод, позволивший определить основы правовой регламентации охраны культурного наследия; индуктивный метод, с помощью которого, изучая конкретные правовые нормы и их совокупность, формировалось целостное представление о механизме правовой защиты культурного наследия; системный метод, при помощи которого объект исследования изучался как система и совокупность имеющихся знаний и представлений относительно вопросов, связанных с уголовной охраной культурных ценностей и регулированием этой сферы на уровне международных отношений; сравнительный метод, посредством которого проводилось сравнение законодательных актов, действующих в настоящее время на уровне международном и национальном; историко-типологический метод способствовал выявлению

единичного, общего и особенного в процессе формирования правовой базы и правоприминительной практики, способствовал проведению типологизации и систематизации форм и методов правового регулирования охраны культурного наследия.

Описание исследования

Конвенция ЮНЕСКО 1954 года¹, принятая в один год с Гаагской конвенцией, под культурными ценностями понимает любой предмет, который имеет значимость для народа, определенной территории (государства) или всемирного значения, включая в это понятие предметы, имеющие отраслевое значение, например, историческое, художественное и т. п. Разработчики Конвенции ЮНЕСКО от 1970 г.² вообще ограничились перечислением категорий ценностей, указав при этом на такой признак, как время создания ценности, привязав его к сроку более столетней давности.

В Конвенции ЮНЕСКО 1972 г.³ культурной ценностью признается «универсальная ценность», однако значение понятия, его сущность или какие-либо признаки не раскрываются.

Согласно Гаагской конвенции, под понятие культурных ценностей подпадают предметы независимо от их происхождения (то место, где они были созданы) и независимо от владельца (кто в настоящий момент ими обладает и признан собственником).

В договорах международного уровня и законодательстве внутринационального уровня, принятых (подписанных) после Конвенции 1954 г., при условии, что Конвенция была ратифицирована, понятие культурных ценностей указывалось лишь с незначительными изменениями базового изложения этого понятия в Конвенции, для одних государств в расширительном понимании, для других в более суженном.

Анализ приводимых в международных документах понятий культурных ценностей позволяет сделать вывод, что в их основе заложено два способа, через которые происходит уяснения смысловой нагрузки понятия

¹ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта : от 14.05.1954 // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. Москва : Логос, 1993. С. 282.

² Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности : от 14.11.1970 // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. Москва : Международные отношения, 1991. С. 290.

³ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия : от 16.11.1972 // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. Москва : Логос, 1993. С. 302.

культурных ценностей: использование основополагающих признаков, присущих культурным ценностям, которые позволяют их отграничить от всех иных предметов; внутрисистемная характеристика, позволяющая классифицировать культурные ценности на группы, виды и подвиды.

Таким образом, можно сказать, что понимание культурных ценностей происходит через сущностные и классификационные характеристики. Отличие в понятии культурных ценностей на международном уровне, отличается лишь глубиной конкретизации предметов, которые, по мнению разработчиков, относятся к культурным ценностям.

На уровне Международного уголовного суда (далее — МУС) за всю историю было вынесено только одно решение, касающееся посягательств на культурные ценности. 27 сентября 2016 года МУС по делу Прокурор против Ахмад Аль Факи Аль-Махди приговорён к девяти годам лишения свободы за нападение на культурные ценности. Следует отметить, что деяние совершенное Ахмад Аль Факи Аль-Махди квалифицировано как военное преступление. Ахмад Аль Факи Аль-Махди обвинялся в нападении (нанесения удара) на 10 зданий исторического и религиозного характера, в частности гробниц и мечетей в городе Тимбукту (Мали) с 30 июня до 11 июля 2012 года [3, с. 118].

На уровне национального законодательства каждое государство самостоятельно формирует национальное понятие культурной ценности. В случае если государство является государством-участником Конвенции, то национальное понятие культурной ценности должно соответствовать понятию, данному в ратифицируемых Конвенциях.

Первым отечественным нормативным актом, использующим понятие культурные ценности стали «Основы законодательства о культуре». В этом акте культурные ценности понимались как движимые и недвижимые, имеющие значимость для общества, а ценности подразделялись на такие виды, как светские ценности и религиозные ценности. Таким образом, можно сказать, что сам термин «культурные ценности» законодателем не раскрывался, а скорее указывались классификационные признаки культурных ценностей [5, с. 47].

На уровне национального законодательства РФ понятие культурных ценностей применительно к международным отношениям действует ФЗ № 4804-І от 15.04.1993 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»¹. В статье 7 установлен перечень признаков, при наличии которых предмет может быть отнесен к культурной ценности. В частности, к таким признакам относились: историческая ценность, археологическая значимость, художественная ценность, оригинальность и т. д.

Следующим актом, регулирующим культурные ценности можно назвать ФЗ № 54 от 26.05.1996 «О музейном фонде РФ и музеях в РФ»² и ФЗ № 64 от 15.04.1998

«О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории РФ»³.

Анализ текста указанных законов приводит к выводу, что в них законодатель не указал признаки, по которым тот или иной предмет можно отнести к культурным ценностям, так как нормы этих законов относятся к бланкетным видам норм и отсылают к ФЗ № 4804-І «О вывозе и ввозе культурных ценностей».

Наиболее опасными среди всех угроз, посягающих на культурные ценности, признаны угрозы уголовно-правового характера. Поэтому уголовно-правовая охрана культурных ценностей занимает достаточно значимое, даже можно сказать основное место среди иных видов охраны. По данным отдельных исследователей, ежедневно в мире совершается свыше 500 посягательств на культурные ценности [9, с. 49].

В российском законодательстве в статье 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность» закреплены все формы хищения. Также к составам преступлений, обозначенных в литературе как преступления, посягающие на культурные ценности, помимо ст. 164 УК РФ, относятся статьи 190, 243, 243.1, 243.2, 243.3, 243.4 УК РФ. В действующем УК РФ есть и иные нормы, где предметом могут выступать культурные ценности, например, статья 356 УК РФ, к культурным ценностям в данной статье отнесено национальное имущество, которое находится на территории оккупированной противником. К национальному имуществу в рамках статьи 356 УК РФ в первую очередь относятся культурные ценности [1, с. 151].

Понятие «культурная ценность» или «особая культурная ценность» в УК РФ не раскрывается. Понятие культурной ценности дается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ⁴ — это особая историческая, научная и культурная ценность похищенных предметов или документов определяется на основании экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, культуры.

Предметом указанных составов выступают культурные ценности, под которыми понимаются материальные движимые и недвижимые предметы религиозного или светского характера, созданные человеком либо природой или человеком и природой, имеющие особую историческую, научную, архитектурную, художественную, археологическую, палеонтологическую, анатомическую, минералогическую, документальную, градостроительную, нумизматическую, филателистическую и иную культурную значимость для части общества, всего общества и государства независимо от формы собственности на них и времени их создания.

³ Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1799.

⁴ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 15.01.2025).

¹ Российская газета. 1993. 15 мая.

² Собрание законодательства РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.

В теории права имеется достаточно много точек зрения на понятие культурных ценностей. По мнению В. И. Плохой, понимание собственности для этой группы составов должно проходить с позиции социальной, а не экономической категории, так как деяния посягают в первую очередь на благо, которое не имеет обществу в изобилии, но это благо признано нужным для общества [10, с. 95]. Исходя из рассмотренной позиции, искусство действительно представляется как социальное благо, которому характерна важность для общества.

Р. Б. Осокин под культурными ценностями понимает любое произведение, имеющее значение для государства, которое является закономерным результатом человеческого труда, причем этот результат может стать результатом работы как одного, так и нескольких человек. При этом автор указывает на неприменение к понятию культурных ценностей таких категорий, как происхождение и форма собственности [8, с. 196].

В основу понятия культурных ценностей через материальность предмета сведена позиция В. А. Шестакова «единичный материальный объект, который обладает конкретными признаками и существует вне зависимости от воли наблюдающего» [15, с. 231].

Культурная ценность — «материальный результат, охраняемый законодательством, который характеризуется уникальностью и носит всеобщий характер, обладающий какой-либо ценностью для общества, выступающий связующим звеном для разных поколений» [2, с. 173].

На основании анализа имеющихся в литературе точек зрения относительно признаков можно сказать, что к ним относятся: основные — материальность, результат деятельности человеческого труда, движимые и недвижимые; факультативные (производные) — временной признак (время создания), оценочный признак (стоимость), уникальность и неповторимость исполнения. Деление признаков на основные и дополнительные (факультативные) вполне обосновано с позиции уяснения их сущностных характеристик.

С практической и теоретической позиций значимым является вопрос относительно свойств и признаков, которые имеют значение при определении культурных ценностей как предметов преступления. Культурные ценности в составах, регулирующих отношения в сфере культуры, выступают решающим критерием для привлечения или непривлечения лиц к уголовной ответственности.

Несмотря на то, что четко закрепленное понятие культурных ценностей отсутствует, теорией выработан своеобразный подход к пониманию культурных ценностей. Этот подход базируется на признаках культурных ценностей, которые выведены посредством анализа международных документов.

Таких признаков насчитывается пять, и к ним относятся, во-первых, универсальный характер, который понимается как признание предмета на мировом уровне; во-вторых, незаменимость предмета, что понимается как невозможность создания аналога в той технологии, при

помощи которой был создан первоначальный предмет; в-третьих, эстетический посыл, которым характеризуется уникальность того или иного предмета в настоящий момент истории; в-четвертых, момент создания предмета исчисляется давностью более ста лет; в-пятых, указанные предметы имеют денежную оценку, то есть определенную стоимость. Вся совокупность этих пяти признаков позволяет на международном уровне вывести понятие культурной ценности. Так как за культурной ценностью все же сохраняется режим имущества с оговоркой на то, что это особый вид имущества, то ее правовой статус подлежит регулированию нормами права. Если говорить о международном уровне, то правовой статус таких предметов регулируется исключительно частным международным правом, действие которого распространяемо на все имущество в самом общем его понимании. Никаких исключений в правах на общее имущество законодательство не предусматривает, что, несомненно, является недостатком в отношении такого имущества, как культурные ценности. На международном уровне не проведено разграничение между особыми видами имущества, пусть и не культурными ценностями, и имуществом в самом общем его понимании. Актуальным и открытым этот вопрос остается до настоящего времени, разработка специальных норм по регулированию правового положения особого имущества не попадает в поле зрения международного права.

В отечественной науке сложилось два самостоятельных взгляда на понимание имеющейся на международном уровне ситуации.

Одна группа исследователей полагает, что создание норм, которые будут самостоятельно регулировать особый режим культурных ценностей, ни к чему не приведет. В обоснование своей позиции они задаются вопросом, что будет служить разграничивающим критерием, который позволит выделить в самостоятельную группу имущество, имеющее особый статус, а какое имущество останется вне пределов специального статуса, и его оборот будет регулироваться общими положениями [11, с. 47].

Создание специальных норм приведет к увеличению международных документов в их количественном восприятии, что в итоге будет существенно затруднять их применение. Ученые утверждают, что ценности являются одним из видов движимого имущества, и никакие специальные нормы для урегулирования их оборота создаваться не должны. Ко всем видам сделок, совершаемых с такими предметами, применяются правила общего характера.

Вторая группа ученых излагает абсолютно противоположное мнение, утверждая, что необходимо создать специальные нормы, которые будут целенаправленно действовать исключительно на ценности. Они обосновывают свою позицию тем, что ценности имеют особую природу, следовательно, должны обладать особым правовым режимом, который будет распространяться исключительно на них. В основе такого особого правового режима, должна лежать не коммерциализация, а духовность. Такое имущество не может охраняться наравне

с иными видами имущества, а должно подлежать особому уровню охраны вследствие своей значимости.

При проведении исследования нами выявлено несколько проблем, которые имеют не только теоретическое, но и практическое значение:

— анализ статей УК РФ, предусматривающих посягательства на культурные ценности, позволяет с уверенностью утверждать, что одни и те же предметы, на которые направлена уголовно-правовая охрана, обозначаются (именуются) разными названиями (терминами);

— понятие предмета рассматриваемых преступлений в УК РФ не раскрывается;

— анализ понятия «культурные ценности» подтверждает факт того, что в законодательстве России понятие культурных ценностей в различных нормативно-правовых актах раскрывается по-разному, более того, эти понятия существенно отличаются и по форме, и по содержанию;

— определения, данные в законодательстве, не соответствуют всем признакам, которыми обладает такой предмет преступления, как культурные ценности [4, с. 80].

Таким образом, с уверенностью можно говорить, что проблема понимания культурных ценностей носит комплексный характер. Разрешение этой проблемы станет значительным шагом вперед при реализации задачи охраны уголовной отрасли права [13, с. 4].

По мнению большинства ученых, изложенные законодателем в массе нормативных актов понятия культурных ценностей по своей сущности являются понятиями разного содержания, но тождественными по смысловой нагрузке, или же эти понятия соотносятся между собой как части и целое.

Однако не все ученые разделяют эту позицию, указывая на то, что все имеющиеся в УК РФ понятия не являются синонимами и не могут быть использованы правоприменителем как взаимозаменяемые понятия.

На отсутствие тождества понятий, относящихся к культурным ценностям в УК РФ, указывает и тот факт, что устанавливая уголовную ответственность, законодатель «развел» такие понятия, как предметы и документы, имеющие историческую, культурную и т. д. ценность [14, с. 122].

В научной литературе подтверждается тот факт, что нормы ратифицированных международных договоров, касающихся уголовно-правовой охраны культурных ценностей не закреплены в национальном законодательстве [12, с. 50].

Заключение и вывод

Диспозиция статьи 164 УК РФ, как и ряда других норм, предусматривающих посягательство на культурные ценности, указывает на конкретный вид культурных

ценностей, что является явной недоработкой законодателя и в ряде случаев приводит к необоснованному привлечению к ответственности. Ратификация международных конвенций и протоколов к ним обязывает государство-участника привести действующее национальное уголовное законодательство в соответствие с международными документами. Однако не все положения, прописанные в международных документах, нашли отражение в УК РФ.

По нашему мнению наиболее охватывающим понятием является понятие «культурные ценности», которое указано законодателем в ряде статей. Именно это понятие включает в себя все иные предметы, указанные как самостоятельные в статьях УК РФ [6, с. 65].

Под культурными ценностями для единообразного понимания предмета преступления рассматриваемой группы составов следует понимать материальные движимые и недвижимые предметы религиозного или светского характера, созданные человеком либо природой или человеком и природой, представляющие особую значимость в анатомическом, археологическом, архитектурном, градостроительном, документальном, историческом, научном, нумизматическом, палеонтологическом, филателистическом художественном, и ином значении, вне зависимости от времени создания и форм собственности.

Отнесение того или иного предмета преступления к культурной ценности должно производиться исключительно по основанию заключения проведенной экспертизы, так как понятие «культурная ценность», является понятием оценочным для уголовного законодательства. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29¹ указывает на то, что для вменения состава, предусмотренного статьей 164 УК РФ, в заключении эксперта необходимо определить ценность не только с учетом стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, искусства или культуры. Данное положение необходимо к применению, по нашему мнению, и в иных случаях вменения составов входящих в группу преступлений, посягающих на культурные ценности.

Внесение изменений, предлагаемых нами, в качестве усовершенствования диспозиций ряда статей УК РФ и приведение смысловой нагрузки к единому знаменателю, все же не позволит в полной мере разрешить сложившуюся ситуацию, так как необходимо изменение и иного отраслевого законодательства.

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29.

Список источников

1. Адельханян Р. А. Военные преступления в международном праве. Москва, 2021. 187 с.
2. Александрова М. А. Культурные ценности как правовая категория // Пакт Рериха: 70 лет : материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург : Рериховский центр СПбГУ, 2005. С. 173–186.

3. Арутюнян А. Дело Аль-Махди и нападение на культурные ценности как международное преступление // Международное правосудие. 2017. № 2 (22). С. 118–132. DOI: 10.21128/2226-2059-2017-2-118-132
4. Беспалько В. Г. Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений // Журнал российского права. 2005. № 3 (99). С. 80–85.
5. Клебанов Л. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2012. 47 с.
6. Ляпустин С. Н. Борьба таможенных органов с контрабандой культурных ценностей. Москва, 1997. 169 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. Москва, 2001 г. 1835 с.
8. Осокин Р. Б. Объективные признаки состава уничтожения или повреждения культурных ценностей // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 9. С. 196–202.
9. Панов В. П. Сотрудничество государств в борьбе с международными преступлениями. Москва : Юрист, 2022. 149 с.
10. Плохова В. И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность : монография. . Санкт-Петербург, 2021. 295 с.
11. Полихрониди А. В. Проблемы оборота культурных ценностей в международном частном праве // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 45–48.
12. Сергеев Д. Н. Международная криминализация посягательств на культурные ценности // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3 (111). С. 48–52. DOI: 10.34076/2410-2709-2019-3-18-24
13. Терешенкова А. Ю. Понятие «культурные ценности» в международных актах и внутреннем законодательстве Российской Федерации // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии. 2002. № 2. С. 4–12.
14. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. Москва, 1996. 412 с.
15. Шестаков В. А. Основные принципы построения классификации культурных ценностей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6 (22). С. 231–234.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 28.01.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.02.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.02.2025.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ

Дмитрий Алексеевич Бадиков¹, Елизавета Алексеевна Сучкова²

^{1,2} Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, Орел, Россия

¹ dibad008@yandex.ru

² andruxh.liza@mail.ru

Аннотация. Объектом рассмотрения настоящей статьи выступает проблема, связанная с участием налогового инспектора и банковского сотрудника в качестве специалистов в уголовном деле о неправомерном обороте средств платежей, совершенного путем приобретения и сбыта электронных средств платежей. Рассмотрена необходимость отнесения познания в области банковского дела и налоговой сферы к специальным, так как однозначные границы в признании знаний специальными отсутствуют. Проанализированы проблемные вопросы, возникающие при получении показаний от данных лиц, которые признаются в качестве свидетелей. Автором приводятся доводы, на основании которых невозможно привлечь рассматриваемых лиц в качестве свидетелей в уголовном деле. Рассмотрены пути решения в рамках внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, которое непосредственно повлияет на процесс расследования уголовного дела. Полученные разъяснения в рамках допроса специалиста относительно функционирования систем дистанционного банковского обслуживания, а также осуществления проверок юридического лица, характера действий заявителя, состав пакета документов, позволит следователю своевременно построить тактику расследования и запланировать для выемки конкретный перечень документов у юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Ключевые слова: специалист, свидетель, специальные знания, допрос, получение показаний, электронное средство платежа, неправомерный оборот средств платежей, расследование

Для цитирования: Бадиков Д. А., Сучкова Е. А. Особенности участия специалиста при расследовании неправомерного оборота средств платежей // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 105–108. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-105-108

Research article

PECULIARITIES OF PARTICIPATION OF A SPECIALIST IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL TURNOVER OF MEANS OF PAYMENT

Dmitry A. Badikov¹, Elizaveta A. Suchkova²

^{1,2} Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia

¹ dibad008@yandex.ru

² andruxh.liza@mail.ru

Abstract. The object of consideration of this article is the problem associated with the participation of a tax inspector and a bank employee as specialists in a criminal case on illegal circulation of means of payment, committed through the acquisition and sale of electronic means of payment. The necessity of attributing knowledge in the field of banking and tax sphere to special knowledge is considered, as there are no unambiguous boundaries in the recognition of knowledge as special. Problematic issues arising in obtaining testimony from these persons who are recognised as witnesses are analysed. The author gives arguments on the basis of which it is impossible to involve the persons in question as witnesses in a criminal case. The ways of solution are considered within the framework of amendments to the criminal procedural legislation, which will directly affect the process of investigation of a criminal case. The clarifications obtained in the framework of questioning of the specialist regarding the functioning of remote banking systems, as well as the implementation of checks of the legal entity, the nature of the applicant's actions, the composition of the package of documents, will allow the investigator to timely build the tactics of investigation and plan for seizure of a specific list of documents from the legal entity or individual entrepreneur.

Keywords: specialist, witness, special expertise, interrogation, obtaining evidence, electronic means of payment, illegal circulation of means of payment, investigation

For citation: Badikov DA, Suchkova EA. Peculiarities of participation of a specialist in the investigation of illegal turnover of means of payment. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):105-108. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-105-108

Введение

Получение показаний от налогового инспектора или сотрудника банка при расследовании неправомерного оборота средств платежей, совершенного путем приобретения и сбыта электронного средства платежа, имеет особое значение для получения значимых доказательств. Однако фиксация показаний данных лиц осуществляется, на наш взгляд, способом, не в полной мере отвечающим принципу целесообразности: путем допроса свидетелей. Указанное вызывает множество вопросов относительно правомерности фиксации допроса свидетеля как лица, которое сообщает сведения, касающиеся банковской и налоговой тайны, а значит, вызывает сомнения в достоверности и законности получаемых доказательств.

Соответственно, указанное влияет на ход расследования и в последующем на формирование обвинения.

Материал и методы

В статье использована специальная литература, посвященная особенностям расследования неправомерного оборота средств платежей и участия специалистов в уголовном судопроизводстве. Проанализированы научные исследования, рассматривающие участие специалиста в уголовном судопроизводстве, совершаемых в платежных системах, судебные решения судов Центрального федерального округа. В качестве специальных исследовательских методов использованы: формально-юридический, системный, структурно-функциональный и герменевтический подходы, методы логического познания (анализ, синтез, дедукция, обобщение, абстрагирование), а также формально-юридический метод исследования.

Описание исследования

Для решения обозначенной проблемы необходимо проанализировать процессуальную сторону. Согласно статье 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) специалист — это лицо, обладающее специальными знаниями. Можно углубиться в вопрос о понимании сущности «специального знания», который до сих пор вызывает дискуссии в научном сообществе. Формы использования специальных знаний обозначались в работах Т. В. Аверьяновой [1], Р. С. Белкина [2], Е. П. Ищенко [3], В. Н. Махова [4], Е. Р. Россинская [5], Л. Г. Шапиро [6], А. А. Эйсмана [7] и многих других видных отечественных криминалистов. Р. С. Белкин говорил о том, что «специальными являются те знания, которые приобретены субъектом в результате опыта» [2, с. 98]. Такого же мнения придерживается и Т. В. Аверьянова [1, с. 35]. А. А. Эйсман утверждал, что «к специальным знаниям относятся те знания, которыми обладают ограниченный круг специалистов» [7, с. 91]. Интересную трактовку «специальным знаниям» дает В. Н. Махов, выступая против общепризнанной формулировки.

Под специальными знаниями автор понимает «знания, присущие различным видам профессиональной деятельности, кроме тех, которые являются профессиональными для следователя и судьи» [4, с. 48]. Указанное понимание более чем отражает сущность определения, так как уже четко расставляются границы в отнесении тех или иных областей знаний, которые мы можем считать «специальными». По нашему мнению, к специальным знаниям мы можем отнести познания в области банковского дела или налоговой сферы. Соответственно, так как на предварительном следствии возможно использование специальных знаний в форме получения показаний специалиста, то рассмотрим реализацию указанной формы при расследовании неправомерного оборота средств платежей, совершенного путем приобретения и сбыта электронного средства платежа.

Получение показаний эксперта в рамках уголовного судопроизводства осуществляется официально регламентированным способом — путем допроса. Право «допросить эксперта для разъяснения данного им заключения» дано следователю ст. 205 УПК РФ. Иначе обстоит ситуация с получением показаний специалиста. Согласно ст. 80 УПК РФ, показания специалиста — это «сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний...». Так как показания специалиста являются доказательством, следовательно, они должны соответствовать требованиям относительности, допустимости и достоверности. Однако нормы, которая бы устанавливала порядок допроса специалиста, не существует. Указанное порождает проблемы в ходе расследования отдельной категории уголовных дел, где показания и разъяснения специалиста необходимы относительно функционирования систем дистанционного банковского обслуживания, а также осуществления проверок юридического лица в контексте как предпринимаемых действий заявителя, так и предоставляемых пакетов документов. В связи с этим предполагается возможность по аналогии регламентировать следственное действие «допрос специалиста». В таком случае участие специалиста будет осуществляться не в качестве дополнительного лица на следственном действии, а в качестве основного субъекта, дающего специальные разъяснения по поставленным вопросам следователем.

Урегулировав процессуальную сторону рассматриваемой проблемы, необходимо предположить, каким образом это повлияет на осуществление расследования рассматриваемого нами преступления. Следственная и судебная практика идет по пути наименьшего сопротивления и когда допрашивают банковских сотрудников и налоговых инспекторов в качестве свидетелей. По нашему мнению, указанная тенденция носит негативный характер. При допросе в качестве свидетелей лиц, обладающих специальными познаниями, грубо нарушается уголовно-процессуальное законодательство,

т. к. отсутствуют нормы, в рамках которых субъект расследования может осуществлять полноценное предварительное следствие. Свидетель — это лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. Однако тогда полностью игнорируются положения ч. 1 ст. 58 и ч. 4 ст. 80 УПК РФ, так как цель получения показаний у налогового инспектора и сотрудника банка — это получение сведений, «требующих специальных познаний». Такая необходимость встречается при расследовании сбыта электронных средств платежей при совершении неправомерного оборота средств платежей. Указанный способ в настоящее время является наиболее распространенным в преступном мире¹ и требует особого внимания со стороны органов предварительного следствия.

Необходимость признания лиц специалистами, которые обладают налоговой и банковской тайной, в рамках расследования обусловлено следующим. Налоговый инспектор обладает соответствующими знаниями в области налогов и налогообложения, имеет большую практику применения налогового законодательства и нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность налоговой службы в целом, ведет статистическую отчетность и аудит, инициирует проверки, владеет основами анализа и арбитража, а также видами и формами отчетности, ведения бухучета, документации. Таким образом, не существует сомнений, что указанные лица могут быть признаны специалистами в рамках расследования уголовного дела. В ходе расследования приобретения и сбыта электронных средств платежей, налоговый инспектор дает показания относительно тех моментов, которые связаны с государственной регистрацией юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, способами отправления документов для регистрации юридического лица, в том числе пакета электронных документов, особенностями проверки усиленной электронной-цифровой подписи, с помощью которой подписываются электронные документы, процедурой проверки поданных документов для регистрации, необходимостью явки заявителя в налоговый орган. Банковский сотрудник является специалистом в сфере

банковского дела. Следовательно, показания банковского сотрудника будут ограничиваться особенностями осуществления банковской деятельности, сведениями о процедуре оформления заявителем расчетного счета, порядке предоставления документов — каким образом и в каком количестве, необходимости явки заявителя в офис банка при оформлении расчетного счета.

Указанные лица по роду деятельности не могут давать показания в качестве свидетелей ввиду еще одного аспекта — обладания налоговой и банковской тайной. Возникают различные вопросы относительно того, каким образом лица, обладающие указанными видами государственной тайны, могут разглашать сведения, не являясь свидетелями по делу. В теории, свидетель — это лицо, которое непосредственно наблюдало за совершением преступления или может охарактеризовать личность преступника и иные сведения, касающиеся именно события преступления. Кроме этого, свидетель — это сведущее лицо, обладающее особыми сведениями в силу своей профессии. При расследовании совершения неправомерного оборота средств платежей путем приобретения и сбыта электронных средств платежей участие налогового инспектора и банковского сотрудника необходимо в качестве специалистов, сведения от которых будут получены в рамках проводимого дознания по делу.

Заключение

Таким образом, расследование неправомерного оборота средств платежей, совершенного путем приобретения и сбыта электронных средств платежей, имеет много особенностей, в частности это касается законности получения сведений от банковского сотрудника и налогового инспектора. Решение указанной проблемы было рассмотрено как с процессуальной стороны, которая является основой, так и со стороны осуществления расследования уголовных дел. Введение специальной нормы УПК РФ о допросе специалиста позволит наиболее законно подходить к процедуре получения показаний банковского сотрудника и налогового инспектора, признав их специалистами. Имея основные сведения о порядке оформления расчетных счетов, осуществления регистрации юридических лиц, а также о причине количества предъявляемых документов, которые могут быть и в электронном виде, следователь сможет законно использовать получаемые сведения, а также планировать последующий ход расследования уголовного дела.

Список источников

1. Аверьянова Т. В. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики. 2001. Вып. 2. С. 29–37.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. Москва : Юрид. лит., 1988. 302 с.
3. Ищенко П. П. Специалист в следственных действиях : уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. Москва : Юридическая литература, 1990. 157 с.
4. Махов В. Н. Участие специалиста в следственных действиях. Москва : [б. и.], 1975. 85 с.
5. Россинская Е. Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. № 5 (53). С. 32–43.

6. Шапиро Л. Г. Правовое регулирование института специальных знаний в уголовном судопроизводстве: проблемы и возможные пути их решения // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4. С. 36–39.

7. Эйсман А. А. Заключение эксперта : (структура и научное обоснование). Москва : Юрид. лит., 1967. 152 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The contribution of the authors is equivalent.

Дата поступления статьи / Received: 31.08.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 27.10.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2025.

ВЗГЛЯДЫ ЛЬВА ИСАЕВИЧА ШЕЙНИСА НА КРИМИНОЛОГИЮ, ПРЕСТУПНОСТЬ, ЕЁ ПРИЧИНЫ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕЙ: ИСТОРИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Павел Александрович Кабанов

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань, Россия

kabanovp@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>

Аннотация. Цель — расширить представление об истоках криминологического образования в России через деятельность одного из первых преподавателей криминологии — Льва Исаевича Шейниса.

Методы исследования: в качестве основного метода исследования использовался исторический метод, с помощью которого дана оценка криминологического образования и содержания криминологии в начале XX века через анализ литературных произведений Л. И. Шейниса.

Результаты: установлено, что как самостоятельное направление гуманитарного образования криминологическая подготовка российских студентов, российскими преподавателями происходила в Русской высшей школы общественных наук в Париже, в том числе профессором Л. И. Шейнисом. По своему содержанию и объему она уступала современному. Она осуществлялась преподавателями, имевшими высокую профессиональную квалификацию. Криминологическая подготовка являлась неотъемлемой частью гуманитарного образования.

Научная новизна заключается в том, что впервые в криминологической науке доказано появление российского криминологического образования в начале XX века, а не в 60-ые годы XX века, как утверждалось ранее. В числе одного из первых криминологов-педагогов следует отметить доктора медицины, доктора юридических и доктора экономических наук, профессора Русской высшей школы общественных наук в Париже Л. И. Шейниса.

Практическая значимость заключается в пересмотре отдельных положений криминологической доктрины, связанных с возникновением криминологического образования в России, а так же возвращением в историю криминологического учения незаслуженно забытого криминолога Л. И. Шейниса, а также его научных и учебных произведений, опубликованных в российских периодических изданиях.

Ключевые слова: криминология, криминальная антропология, личность преступника, причины преступности, криминологическая наука, криминологическое образование, Л. И. Шейнис

Для цитирования: Кабанов П. А. Взгляды Льва Исаевича Шейниса на криминологию, преступность, её причины и меры противодействия ей: историко-криминологическое исследование // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 109–117. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-109-117

Research article

VIEWS OF LEV ISAEVICH SHEINIS ON CRIMINOLOGY, CRIME, ITS CAUSES AND MEASURES TO COUNTERACT IT: A HISTORICAL AND CRIMINOLOGICAL STUDY

Pavel A. Kabanov

V. G. Timiryasov Kazan Innovation University (IEUP), Kazan, Russia

kabanovp@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>

Abstract. The aim is to expand the understanding of the origins of criminological education in Russia through the activities of one of the first teachers of criminology — Lev I. Sheinis.

Methods of research: the historical method was used as the main method of research, with the help of which the assessment of criminological education and the content of criminology in the early XX century was given through analyzing the literary works of L. I. Sheinis.

Results: it was established that as an independent direction of humanitarian education criminological training of Russian students by Russian teachers took place in the Russian Higher School of Social Sciences in Paris, including Professor

L. I. Sheinis. It was inferior to the modern one in terms of its content and scope. It was carried out by teachers who had high professional qualifications. Criminological training was an integral part of humanitarian education.

Scientific novelty lies in the fact that for the first time in criminological science the emergence of Russian criminological education in the early twentieth century, and not in the 60s of the twentieth century, as previously claimed. Among one of the first criminologist-educators should be noted Doctor of Medicine, Doctor of Law and Doctor of Economics, Professor of the Russian Higher School of Social Sciences in Paris L. I. Sheinis.

Practical significance lies in the revision of certain provisions of criminological doctrine related to the emergence of criminological education in Russia, as well as the return to the history of criminological teaching of undeserved forgotten criminologist L. I. Sheinis, as well as his scientific and educational works published in Russian periodicals.

Keywords: criminology, criminal anthropology, criminal personality, causes of crime, criminological science, criminological education, L. I. Sheinis

For citation: Kabanov PA. Views of Lev Isaevich Sheinis on criminology, crime, its causes and measures to counteract it: a historical and criminological study. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):109-117. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-109-117

Введение

Криминология — наука о состоянии, тенденциях и причинах изменения преступности и мер борьбы с ней сама подвержена изменениям. Как правило, в современных российских учебниках по курсу криминологии выделяется самостоятельный раздел под наименованием «история криминологии», в котором указываются этапы формирования криминологии, наиболее известные научные произведения о преступности, личности преступника, причины преступного поведения и меры сдерживания преступности, а также их авторы. Выделенный в качестве самостоятельного раннего этапа формирования и развития российской криминологии дореволюционный период обладает небольшим количеством литературных источников, обходясь незначительным количеством научных трудов и ещё меньшим количеством упоминания криминологов того времени. При этом историография криминологии обходится скудным количеством научных произведений, которые имеются в распоряжении авторов учебников и учебных пособий. Современные авторы среди дореволюционных криминологов наиболее часто выделяют академика Императорской академии наук К. Ф. Германа, профессоров М. В. Духовского, И. Я. Фойницкого, Н. А. Неклюдова, Н. Д. Сергиевского, М. П. Чубинского, С. К. Гогеля, Д. А. Дриля и некоторых других. Значительно реже упоминаются имена академика В. М. Бехтерева, профессоров В. Ф. Чижана, П. И. Ковалевского, В. В. Есипова, И. П. Закриевского, А. Н. Щеглова, а также П. Н. Тарновской, Е. Н. Тарновского и других. И есть значительное количество специалистов, по нашим данным, более ста человек, о которых никогда в современных отечественных научных и учебных произведениях не упоминалось, как и об их трудах по криминологии, хотя их научная ценность достаточно высока. Среди таких неизвестных современному российскому читателю криминологов оказался доктор медицины, доктор экономических и доктор юридических наук Лев Исаевич Шейнис, председатель правления Тургеневской библиотеки в Париже в период с 1900 по 1924 год [45, с. 234–240] — многогранная одаренная личность со значительным количеством опубликованных научных, научно-популярных и учебных работ по множеству

направлений социальной жизни. При этом эти работы были опубликованы на различных европейских языках, которыми автор владел в совершенстве.

Сведения о Л. И. Шейнисе из иностранных источников. Для общего представления о личности ученого можно найти произведения других авторов различного жанра. Однако полноту его положительных качеств и точное время жизни, как правило, раскрывают не столько воспоминания о нем, сколько «скорбные листки» — некрологи. Проведенное нами исследование содержания некрологов, посвященных памяти Л. И. Шейниса, опубликованных за рубежом на различных языках, позволило представить краткую биографическую справку о нем. Лев Исаевич Шейнис родился 8 февраля 1871 года в местечке Липканы, Хотинского уезда, Бессарабской области, Российской Империи — ныне город Липканы Бричанского района Республики Молдова. Жил, учился и работал во Франции. Получил высшее медицинское образование во французском Университете Монпелье, в 1897 году защитил диссертацию на степень доктора медицины, а в начале XX века на степень доктора права и экономики. Обладал знаниями семи действовавших в тот период языков, на которых свободно общался и писал свои произведения. Трагически погиб 14 ноября 1924 года в Париже в результате дорожно-транспортного происшествия при переходе улицы — был сбит таксистом, потерявшим управление автомобилем. Большинство специалистов он признавался одновременно российским и французским исследователем вопросов медицины, экономики, права, философии, социологии и других наук [3, с. 854; 4, с. 94; 7, с. 3; 13, с. 575; 9, с. 1; 10, с. 2; 11, с. 2; 15, с. 752; 17], в отдельных случаях указывалось, что он увлекался исследованиями в области криминологии [5, с. 1935].

Наш научный интерес к личности Льва Исаевича Шейниса обусловлен рядом объективных обстоятельств. Во-первых, он был уроженцем Российской Империи, её гражданином и имел прямое отношение к криминологическим исследованиям. Во-вторых, он оказался первым среди профессоров Русской высшей школы общественных наук в Париже, читавшим для студентов этого образовательного учреждения на русском языке курсы

по социальной криминологии, в том числе её раздела «криминальная антропология», начиная с 1900 года [31, с. 400–406]. В-третьих, после смерти Л. И. Шейниса в 1924 году его женой Л. В. Чеховой-Шейнис в Париже был издан сборник трудов покойного на русском языке под наименованием «Проблемы криминологии и социальной психологии». Это была первая книга на русском языке, в наименовании которой использовался термин «криминология», а также имелись наиболее значимые учебные и научные произведения Л. И. Шейниса по вопросам криминологии [38]. В-четвертых, значительную долю своих научных произведений Л. И. Шейнис публиковал в научных и научно-популярных изданиях Российской Империи, включая и некоторые работы по криминологии и её отдельным разделам. Все это свидетельствует о том, что Лев Исаевич Шейнис являлся одним из первых в России преподавателей криминологии, который не только преподавал этот курс, но и имел научные публикации по преподаваемой учебной дисциплине. Более того, до настоящего времени историко-криминологических исследований, позволяющих оценить взгляды Л. И. Шейниса на преступность, её причины, содержание криминологии, не проводилось. Все это обуславливает научную значимость проведенного исследования и её ценность для истории российской криминологии как науки и учебной дисциплины.

Объект исследования — общественные отношения, связанные с установлением и развитием криминологической подготовки российских студентов высших учебных заведений, через взгляды на криминологию одного из ведущих криминологов-педагогов начала XX века Л. И. Шейниса.

Предмет исследования — структура и содержание криминологического образования и криминологической науки в учебных и научных произведениях Л. И. Шейниса.

Цель исследования — определить взгляды Льва Исаевича Шейниса на преступность, её причины, меры предупреждения преступности и социальную криминологию как науку и учебную дисциплину в конце XIX — начале XX века.

Задачи исследования:

— найти, наиболее значимые научные произведения Л. И. Шейниса по вопросам криминологии, опубликованные в России на русском языке, и при необходимости ввести их повторно в научный оборот;

— описать и оценить содержание произведений Л. И. Шейниса по криминологии и выявить в них наиболее значимые идеи, направленные на формирование криминологической компетентности обучающихся;

— определить степень значимости профессиональной деятельности Л. И. Шейниса в формирование криминологии как науки и учебной дисциплины.

Эмпирическая база исследования включает в себя только научные и учебные произведения Л. И. Шейниса в рамках курса «социальная криминология», опубликованные на русском языке в российских периодических изданиях, а также отдельные произведения на иностранных языках характеризующие личность и его

профессиональные качества педагога-криминолога и криминолога-исследователя.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX века, когда вышла обнаруженная нами первая публикация на русском языке по криминологии, и до конца 1927 года, когда был опубликован сборник его произведений на русском языке в Париже.

Процесс и результаты проведенного исследования

Обращаясь к оценке взглядов профессора Л. И. Шейниса на преступность, её причины, меры противодействия преступности и на криминологию, необходимо отметить, что эта учебная дисциплина стала преподаваться ещё в 90-х годах XIX века в отдельных образовательных учреждениях высшего образования Европы и Северной Америки. Она преподавалась под видом различных курсов, таких как «криминальная антропология», «уголовная социология», «социальная криминология», «психология преступника», «криминальная этиология» и производных от них учебных дисциплин. Эти дисциплины преподавались специалистами различных отраслей знания и поэтому неизбежно носили «печать» авторских и отраслевых предпочтений. Дискуссионные подходы к содержанию курсов криминологии можно объяснить лишь не устоявшимся её статусом среди наук, разнообразием мнений по её содержанию, принадлежностью к различным научным школам. Если представители итальянской научной школы во главе с Чезаре Ломброзо относились к многообразию наименования криминологической науки терпимо, то их противники старались реже упоминать термин «криминальная антропология», заменяя его термином «криминология» и производными от него словосочетаниями. В период формирования криминологии как науки в конце XIX века, было отмечено открытое противостояние между представителями итальянской и французской научных школ. Эти противоречия переносились на наименование криминологических учебных дисциплин и их содержание. Поэтому, в силу известных противоречий, во Франции преподавалась криминология, включавшая в себя различные аспекты воззрения на преступность и меры противодействия ей как социальной или социологической науки [2, с. 138]. Данный подход отразился и на учебном плане Русской высшей школы общественных наук в Париже, в которой преподавалась учебная дисциплина под наименованием «социальная криминология» [27, с. 115–123]. Необходимо отметить, что в соответствии с учебной программой вуза в курс «социальной криминологии» входили три дисциплины: уголовная антропология, изучаемая студентами на первом курсе; психология преступника и уголовная социология, изучаемые на втором курсе [23, с. 60].

Лев Исаевич Шейнис читал в Русской высшей школе общественных наук в Париже в рамках социальной криминологии курс криминальной антропологии. Наиболее популярными среди студентов считались четыре его авторские лекции «Биологические и социальные

факторы преступности» и несколько лекций по общим вопросам системы криминальной антропологии (социальной криминологии) в соответствии с воззрениями Чезаре Ломброзо и Габриэля де Тарда [23, с. 35–36], а так же по специальному курсу «О самоубийстве, как социальном явлении» [35, с. 85–111].

Следует отметить, что в силу разнообразия подходов к дисциплине «социальная криминология» в её рамках разрабатывались и преподавались другие курсы. Одновременно с Л. И. Шейнисом в Русской высшей школе общественных наук в Париже читались следующие самостоятельные криминологические курсы:

— «Общая характеристика новых учений в области преступления и наказания» приват-доцентом Демидовского юридического лица, магистром уголовного права Михаилом Павловичем Чубинским;

— «Вопросы вменения и уголовной ответственности в позитивном освещении» практикующим юристом Александром Соломоновичем Гольденвейзером;

— «Биологическая теория преступления» сторонником антропологического направления в криминологии Максом Нордау (Max Nordau);

— «Теория прирожденных преступников» доктором медицины, профессором Антропологической школы в Париже Леонсом Пьером Манувриэ (Manouvrier Léonce-Pierre);

— «Психология преступника» доктором медицины, профессором Брюссельского вольного университета и Парижского института психофизиологии Николаем Николаевичем Баженовым;

— «Уголовная социология» московским присяжным поверенным, кандидатом прав Императорского Московского университета Владимиром Владимировичем Пржевальским [23, с. 35–37].

Несколько позже в учебную дисциплину «социальная криминология» был введен спецкурс «Социальные факторы преступности» (*Les facteurs sociaux de la criminalité*), читаемый малоизвестным тогда приват-доцентом Императорского Московского университета, магистром уголовного права Михаилом Николаевичем Гернетом [6, с. 853–854; 8, с. 797].

В современной криминологии из перечисленных выше шестерых наших соотечественников-криминологов, при рассмотрении вопросов истории дореволюционной криминологии, лишь фамилия М. П. Чубинского упоминается, да и то не часто. Его упоминание авторами современных российских учебников по криминологии происходит в основном благодаря переизданному в XXI веке произведению — книги «Чубинский М. П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права» [33]. Фамилия Михаила Николаевича Гернета в криминологических исследованиях и учебных произведениях упоминается в качестве виднейшего советского юриста-криминолога, имевшего исследовательский опыт, полученный в дореволюционный период со ссылкой на его магистерскую диссертацию, а отдельными специалистами

проводятся исследования его криминологического наследия [26, с. 51–83; 28, с. 519–529].

В рассматриваемый нами период отмечается многоликость криминологической науки, обусловленная разнообразием подходов к её предметной области, состоянием результатов полученных исследователями различных научных специальностей. По мнению выдающегося испанского криминолога конца XIX — первой половины XX века Констанцио Бернальдо де Кироса (Constancio Bernaldo de Quiros), сделавшему добротный обзор учебных программ по криминологии в европейских образовательных организациях высшего образования конца XIX века, преподавание курсов по криминологии в них, включая криминальную антропологию, являлось редким исключением. Однако в тех учебных заведениях, где эти курсы преподавались, они пользовались повышенным спросом среди студентов [1, с. 60–110]. Действительно, в конце XIX — начале XX века, по мнению профессора П. И. Люблинского, социальное учение о преступности именовалось по-разному: одни называли его «уголовной социологией», другие «криминологией», третьи «уголовной этиологией» [29, с. 363–387], поэтому и учебные курсы в образовательных организациях имели разные названия.

Возвращаясь к предметным границам нашего исследования, необходимо отметить, что некоторые из выпускников Русской высшей школы общественных наук в Париже, например, адвокат Парижского апелляционного суда Т. Чернов, в своих воспоминаниях указывали, что многообразие дисциплин в социальной криминологии и их разнонаправленность позволяли им критически мыслить. Они были признательны Л. И. Шейнису за профессиональное мастерство и доступность изложения материала по курсам, входившим в учебную дисциплину «социальная криминология» [21, с. 86].

Проведенный нами обзор основных научных произведений позволяет нам сделать вывод о том, что Лев Исаевич Шейнис был многогранной и одаренной личностью, обладал познаниями в различных сторонах социальной жизни: медицине, экономике, политике, праве, искусстве, социологии и других. Подтверждением тому служат опубликованные его научные произведения по различным направлениям на различных языках и различных континентах. Не выходя за предметные рамки нашего исследования, следует отметить, что по вопросам криминологии им опубликовано достаточное количество работ на различных языках, в том числе и на русском языке.

Первая из известных нам статей Л. И. Шейниса на русском языке по криминологии под названием «Теория Тарда и Ломброзо о преступлениях анархистов» была опубликована в 1899 году в журнале «Вестник права» в разделе «Литературное обозрение» [40, с. 312–323]. В этой работе он делает краткий обзор двух социально значимых научных статей по преступности анархистов. Первая из них принадлежит авторитетному итальянскому антропологу Чезаре Ломброзо «*Le crime de Luccheni*» (1898) [14, с. 240–248], а вторая

работа **известного французского криминолога Габриэля де Тарда** (так Г. де Тарда называет Л. И. Шейнис в тексте статьи. — П.К.) «Les crimes de haine» (1894) [20, с. 241–254]. При этом изложение текста работ дает в хронологическом порядке — сначала раскрывает содержание статьи Г. де Тарда, а потом уже обращается к содержанию произведения Ч. Ломброзо. Внимательно анализируя произведение Г. де Тарда, автор статьи критично и иронично отмечает, что преступления анархистов вызваны «возрастающим притеснением рабочих тиранией буржуазии и капитала». Этим он и объясняет преступность анархистов, но одновременно указывает на то, что Г. де Тард, противоречит самому себе, по крайней мере, своим ранее изданным основными работами по криминологии [18, с. 521–533; 19, с. 379–396; 32]. Г. де Тард призывает не к справедливому распределению доходов от производства в обществе между работником и работодателем, а к ужесточению репрессий в отношении анархистов — применению массовых расстрелов и взятием заложников. Такой подход одного из лидеров французской, европейской и мировой криминологии Г. де Тарда к преступности анархистов воспринимается автором негативно, хотя и сам Л. И. Шейнис принадлежит к социологическому направлению в криминологии, но предлагаемые им меры считает неприемлемыми и малоэффективными.

Оценка произведения Ч. Ломброзо началась автором с критики его предшествующих работ по криминальной антропологии, что было традиционно для большинства французских и европейских криминологов социологического направления. В процессе анализа произведения, соглашаясь с Ч. Ломброзо, он вслед за автором говорит, что действительно причины преступного поведения Луккени (убийство австрийской императрицы Елизаветы 10 сентября 1898 года в Женеве) вызваны социальными факторами: общими и экономическими условиями, собственного злосчастья и нищеты этого субъекта, а также бедствий, пережитых его родней. В связи с этим Л. И. Шейнис делает однозначный вывод о том, что «антропологическая теория преступности» Ч. Ломброзо претерпевает эволюцию — она трансформируется от теории «прирожденного преступника» к социальной теории причин преступности. Несколько позже, уже в другой работе, при оценке вклада Ч. Ломброзо в развитие мировой криминологии, Лев Исаевич напишет, что «криминальная антропология Ломброзо — колыбель современной криминологии» [36, с. 798–805]. По-сути, он подчеркивает, что «криминальная антропология» или «антропологическая теория преступности» Ч. Ломброзо — это начальная стадия формирования учения о преступности, её причинах и мерах противодействия ей, которая трансформировалась в криминологическую науку. Близкой по содержанию позиции придерживались и отдельные российские специалисты, полагая, что Ч. Ломброзо признавал не только биологические факторы преступности, но и отводил известное место социальным факторам. При этом считая, что разрабатываемая им криминология является отраслью науки

уголовного права, изучающей преступность и те естественные законы, которые обуславливают преступную деятельность [22, с. 13]. Такой подход социальных криминологов не противоречит эволюции взглядов Ч. Ломброзо, по крайней мере, отраженным в его научных произведениях на рубеже XIX–XX веков. Например, книге «Преступление, причины и средства правовой защиты» Ч. Ломброзо в начале книги в первой главе «Etiologie du Crime» рассматривает именно основные причины преступности [12, с. 7–45].

Проведенный нами поиск произведений Л. И. Шейниса в российских периодических изданиях начала XX века, показал, что в жанре литературной критики им были подготовлены и другие произведения, в том числе по криминологической тематике. Так, в разделе «криминология» шестого номера журнала «Вестник знания» за 1908 год была опубликована критическая статья Л. И. Шейниса под названием «Ещё одна биологическая теория преступности» [34, с. 800–807]. В этой работе он подверг критике произведение своего коллеги по Русской высшей школы общественных наук в Париже Макса Нордау «Новая биологическая теория преступления», которое было опубликовано в одном из журналов Германии на немецком языке в 1902 году [16, с. 150–164]. В 1903 году оно было переведено с немецкого языка на русский и опубликовано отдельной брошюрой [30]. Данную теорию он охарактеризовал, как неудачную попытку автора перенести биологические термины для описания общественной жизни, которая не способствует пониманию причин и механизмов социальных явлений, включая преступность. Близкая по содержанию оценка этой работы Макса Нордау, судя по имеющимся публикациям в периодических изданиях того времени, давалась и другими специалистами [44, с. 9–10].

Однако наибольшую популярность в Российской Империи как криминолога Л. И. Шейнису принесла публикация в 1903 году в двух номерах журнала «Мир Божий» работы «Биологические и социальные факторы преступности» [41, с. 168–187; 42, с. 243–254], которая составляла основную часть его одноименного курса, читаемого в Русской высшей школе общественных наук в Париже. В этой работе автор вначале критикует антропологическую теорию преступности и теорию «врожденного преступника», обращая внимание на антропологические изъяны этой теории, при этом отмечая, что труды Ломброзо являлись первой крупной попыткой подвести явление преступности под закон причинности. При анализе признаков «врожденного преступника», он утверждает, что татуировки у осужденных, находящихся в местах лишения свободы, — это не признак их преступности, а мода на них, которая свойственна и respectable лицам, а среди заключенных, солдат и матросов татуировки — это чисто профессиональная черта, в которой нет ничего преступного. Отмечая использование преступниками жаргона, он указывает, что наличие жаргона — это не признак преступности как биологической единицы, а признак определенной социальной группы, в которой он вращается.

В процессе оценки причин преступного поведения автор выделяет психологические факторы преступности — психологический автоматизм как психическое состояние. К ним он относит:

- скитание;
- kleптоманию;
- пироманию;
- склонность к самоубийству и т. д.

В число социальных факторов преступности автор относит разграничение в обществе на «своих» и «чужих»: все, что позволено к «чужому», преступно по отношению к «своим». При этом Л. И. Шейнис отмечает, что с осложнением общественной и международной жизни это деление на «своих» и «чужих» идет в двух направлениях — этническом и социальном. С одной стороны, развивается солидарность родовая, племенная, национальная и т. д., с другой стороны выступает солидарность на почве классовых интересов. Процесс смягчения нравов не подлежит сомнению, но сводится к тому, что понятие «свой» все более расширяется. Лев Исаевич в это работе ставит под сомнение понятие преступности в условиях деления на «своих» и «чужих». Он приводит в качестве примера убийство, запрещенное под страхом наказания над членом социальной группы к которой принадлежал убийца, но и здесь он находит исключения как в прошлом, так и в настоящем, в том числе санкционированное законом убийство в отдельных случаях:

- в виде войны;
- личной обороны;
- смертной казни;
- при исполнении стражей своих обязанностей.

Обращаясь к модной тогда теме «преступности анархистов» Л. И. Шейнис пишет, в основе преступлений анархистов лежат социальные факторы преступности, лишь частично усиливаемые биологическими — пьянством родителей. Рассматривая вопросы причинного объяснения преступности, автор обратился к анализу «теории подражания». С позиции этой теории он указывает, что в качестве психологических факторов в городе выступают — подражание — мода, а в сельской местности — подражание — обычай. Исследуя заразительность подражания как причины преступности, он отмечает, что в 1875 году парижанка Гра брызнула своему любовнику серной кислотой в лицо, и с тех пор этот способ мести женщин стал практиковаться на каждом шагу. В связи с этим он приводит высказывание своего коллеги, который по этому поводу сказал, что эпидемия заразных болезней распространяется с быстротой пара и ветра, эпидемия преступности — с быстротой телеграфа.

В качестве экономических причин преступности Л. И. Шейнис выделял экономические кризисы, поскольку они давали повышение показателей преступности, подтверждая это ссылкой на статистические данные. При этом прямо заявляя, что состояние преступности зависит от экономических условий жизни. В качестве социально-психологического фактора преступности Л. И. Шейнис выделил жадность. Вот как он иллюстрирует это фактор в жизни Франции. Если происходит увеличение

преступников среди купечества, то это его ответ на знаменитый клич «наживайтесь!». Этот клич стал девизом господствующих классов Франции. Согласно статистическим данным жадность в период с 1826 до 1830 года была в 13 случаев из ста мотивом убийства, насилия и поджога, теперь является таким мотивом в 22 случаях из 100, хотя преступления против личности постоянно уменьшались, в то время как число преступлений против собственности такими же темпами увеличивалось. Завершая обзор основных факторов преступности, автор попутно высказал идею о том, что «общества имеют тех преступников, которых они заслуживают». Обратившись к модной тогда в Европе теме реформирования пенитенциарной системы государства как средство снижения преступности, признавая его важным, все же отметил «корень вопроса не в том, чтобы улучшить тюрьмы, а чтобы сделать их совершенно ненужными».

Пожалуй, основой криминологических воззрений на преступность и криминологию Л. И. Шейниса следует признать его вступительную или вводную лекцию по курсу «уголовная антропология» под наименованием «Преступность, её эволюция и социальное значение», которая была опубликована на русском языке в 1905 году в журнале «Вестник знания» [37, с. 57–68]. Аргументировано критикуя антропологический и догматический подходы к преступности, особенно обращаясь к классической школе уголовного права, автор делает вывод: заслуга криминальной антропологии заключается в том, что она сделала серьезную попытку связать преступность с условиями действительности и распространить, таким образом, закон причинности на преступность [37, с. 59]. После чего он делает другой не менее значимый вывод: «Исследование причин или факторов преступности и составляет содержание криминологии или уголовной антропологии, понимаемой в широком смысле слова» [37, с. 61]. Обращаясь к научным доктринам уголовного права по вопросу причин преступности, Л. И. Шейнис пишет: «классическая школа уголовного права просто на просто игнорирует его; криминалисты-антропологи ищут причины преступления, главным образом в индивидуальных особенностях психофизической организации преступника; представители уголовно-социологической школы отводят главное место в этиологии преступности общественным условиям среды» [37, с. 61]. В последующем автор, со ссылками на социологов и экономистов, раскрывает свою позицию по социально-экономическим факторам преступности: взаимосвязь и взаимозависимость между экономическим положением населения и ростом преступности. При этом автор критикует основные подходы к понятию «преступление», отмечая изменчивость правовых подходов к его содержанию в различные времена, у различных народов и при различных обстоятельствах. Исследуя взаимосвязь культуры и преступности, на основе статистических данных, автор приходит к выводу о том, что чем выше уровень культуры, тем ниже уровень криминального насилия. При этом дополняя, что в более культурно развитых

регионах при совершении преступлений преступниками чаще используется хитрость и обман.

Безусловно, научную ценность представляют произведения Л. И. Шейниса, посвященные исследованию самоубийств, которые представляли собой часть социальной криминологии и были выделены автором в специальный курс «О самоубийстве, как социальном явлении». О криминологическом значении этих произведений, в свое время писал М. Н. Гернет, давая письменную рецензию на книгу «Проблемы криминологии и социальной психологии» [24, с. 121–122]. Первая из статей «К истории самоубийств» была опубликована в качестве самостоятельной лекции в курсе лекций профессоров Русской Высшей школы общественных наук в Париже, изданном в Санкт-Петербурге в 1905 году [35, с. 85–111]. Вторая статья «Эпидемические самоубийства» была опубликована также в качестве самостоятельной работы, развивающая положения первой [39, с. 129–150]. В самом общем виде кратко и емко общие положения этих статей изложены автором в статье «Самоубийство», опубликованной в Энциклопедическом словаре Русского библиографического института «Бр. А. и И. Гранат и К°» [43, с. 187–196].

В первой из опубликованных работ Л. И. Шейнис указывает на три фазы формирования учения о преступности: 1) когда преступление считается предметом индивидуальной психики, проявлением злой воли; 2) когда преступность ставится в непосредственную зависимость от причин биологических, и 3) уголовно-социологическая школа, которая придает решающее значение социальным факторам. Эти положения в полной мере автор переложил и на этапы развития самоубийства как социального явления. В частности он указывает, что в истории взглядов на самоубийство мы находим те же три главных момента: в течение долгих веков самоубийство приравнивается к преступлению и часто считается даже одним из самых тяжких преступлений; затем оно ставится в зависимость от таких биологических факторов, как расстройство психики или космические влияния, и наконец, в наше время оно становится одним из самых интересных предметов социологического исследования. Указанные выводы сформулированы на основе краткого обзора литературных источников, положений законодательства различных государств, складывавшейся веками правоприменительной практике по делам о самоубийствах — «чело-векоубийстве самого себя».

Критикуя положения психиатрических доктрин об эпидемических самоубийствах как формы невропатологии, в статье «Эпидемические самоубийства», Л. И. Шейнис, отмечает, что психиатры преувеличивают значение психиатрических отклонений и подражания в этиологии этого явления — причины этого явления социальные. Обратившись к эпидемиям самоистребления раскольников в 1896 и 1897 годах, вблизи Тернополя, автор пишет, причины массового самоистребления носят социальный и экономический характер, которые невозможно устранить административно-санитарными

мерами. Автор утверждает «как бы резко ни был выражен психопатический характер таких самоубийств, мы видим, что этот психопатический элемент в свою очередь является только отражением глубоко ненормальных общественных и политических условий — гнетущей экономической нищеты и невежества народа, разнужданного произвола» [39, с. 145].

В дальнейшем автор пишет: «коллективным самоубийствам с такой резко выраженной религиозно-психической окраской, какую носит самоистребление в русском расколе, приходится признать, что объяснение, сводящее все дело к подражательности или к «психической заразе», является далеко не полным: здесь, быть может, более чем где-либо психическая зараза требует для себя уже подготовленной почвы, и в этом предварительном процессе созидания благоприятной почвы первенствующая, если не исключительная, роль принадлежит социальным причинам» [39, с. 145]. По мнению Л. И. Шейниса, на состояние самоубийств в обществе большое влияние оказывают экономические и социальные кризисы, а так же «позорные войны», точнее проигранные государством войны, в частности (война между Россией и Японией) и усиление государственных репрессий. Для наглядности и точности своих выводов, автор использует полученные ранее научные результаты и статистические данные, включая произведения российских криминологов по тенденциям самоубийств в Российской Империи, в частности одну из статей Д. Н. Жбанкова [25, с. 27–40].

Краткие выводы по результатам исследования

Проведенный нами структурный анализ основных литературных источников, опубликованных Л. И. Шейнисом в российских изданиях на русском языке в конце XIX — начале XX века, позволяет нам сделать некоторые выводы о его взглядах на криминологию, преступность, её причины и меры противодействия ей, а так же на структуру и предметное поле криминологии.

Во-первых, Лев Исаевич Шейнис являлся одним из первых российских специалистов и преподавателей вузов со степенью доктора наук, который читал специальные курсы в общем курсе «социальной криминологии» в Русской высшей школы общественных наук в Париже. Основные научные и учебные произведения этого автора по вопросам криминологии были широко известны не только во Франции, но и в России, поскольку они были частично опубликованы в российской периодической печати.

Во-вторых, Лев Исаевич Шейнис был ярким представителем социологического направления в криминологии, хотя и читаемые им курсы именовались не традиционно для французского и большей части европейского образования — «криминальная антропология». Однако их содержание было направлено на объективное и всестороннее раскрытие содержания «антропологической теории преступности», её конструктивную критику, а также на понимание преступности как социального явления.

В-третьих, по глубокому убеждению Льва Исаевича Шейниса, преступность как массовое негативное социальное явление, вызвано в значительной степени социальными факторами (экономическими, политическими кризисами, несправедливыми войнами, массовыми репрессиями, нищетой населения, его невежеством и др.). По его мнению, биологические, психологические, климатические и иные факторы преступности вторичны по отношению к социальным причинам.

В-четвертых, Лев Исаевич Шейнис полагал, что меры противодействия преступности, в первую очередь, должны носить профилактический характер: обеспечивать социальную справедливость в обществе,

исключающую избыточную репрессивность государственного воздействия на преступников, включая применение смертной казни.

В-пятых, анализ литературных произведений по социальной криминологии Льва Исаевича Шейниса, опубликованных в российских периодических изданиях на русском языке, позволяет определить её предметные границы, структуру криминологических знаний и принадлежность к социальным наукам. По его мнению, обязательными элементами социальной криминологии являлись: преступность, причины или факторы преступности, личность преступника и предупреждение преступности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Constancio Bernaldo de Quiros. Los ultimos de criminologia // *La Espana Moderna*. 1898. Avo. 10. No 113. Mayo. P. 60–110.
2. Des sciences intermédiaires entre la psychologie & la sociologie, par M. Raoul de La Grasserie // *Annales de l'Institut international de sociologie*. 1904. Vol. X. P. 131–232.
3. Dr. Cheinisse // *Gazette des tribunaux : journal de jurisprudence et des débats judiciaires*. 1924. 26 decembre. P. 854.
4. Dr. Léon Cheinisse // *The British Medical Journal*. 1925. Vol. 1. No 3341. P. 94–94.
5. Dr. Léon Cheinisse Nov. 22, 1924 // *Journal of the American Medical Association*. 1924. Vol. 83. P. 1935.
6. Ecole russe hautes etudes Sociales // *Minerva: Jahrbuch der gelehrten Welt*. 1904. Vol. 14. P. 853–854.
7. George Claretie. La Mort du docteur Cheinisse // *Figaro : journal non politique*. 1924. 17 decembre. P. 3.
8. *International review of sociology*. 1903. No 2. P. 797.
9. La Carriere de la Victime // *Le Journal du Midi*. 1924. 17 novembre. P. 1.
10. La Mort du docteur Cheinisse // *La Lanterne : journal politique quotidien*. 1924. 24 decembre. P. 2.
11. La Mort du docteur Cheinisse // *La Lanterne : journal politique quotidien*. 1924. 10 decembre. P. 2.
12. Le crime, causes et remèdes; (avec un) Appendice sur le progrès de l'anthropologie criminelle pendant les années 1895-1898 / par Cesare Lombroso. Paris: G. Reinwald, 1899. VII, 583 p.
13. Léon Cheinisse // *Revista medica de Barcelona*. 1924. Vol. 2. P. 575.
14. Lombroso C. Le crime de Luccheni // *La Revue des Revues*. 1898. Vol. XXVII. P. 240–248.
15. Mort du docteur Cheinisse // *Gazette hebdomadaire des sciences médicales de Bordeaux*. 1924. Vol. 45. P. 752.
16. Nordau Max. Nouvelle Théorie Biologique du Crime // *La Revue des Revues*. 1902. Vol. XLIII. P. 150–164.
17. PARIS // *JAMA*. 1924. Vol. 83, No 24. P. 1935–1936. DOI: 10.1001/jama.1924.02660240049022
18. Tarde G. La Criminologie // *Revue d'anthropologie*. 1888. T. III. P. 521–533.
19. Tarde G. La crise de la morale et la crise du droit pénal // *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*. 1888. T. XXVI. P. 379–396.
20. Tarde G. Les Crimes de haine // *Archives de l'anthropologie criminelles*. 1894. Vol. 9. P. 241–254.
21. Tchernoff J. Dans le creuset des civilisations. Éditions Rieder, 1936. 226 p.
22. Воротынский Б. И. Биологические и социальные факторы преступности // *Журнал Министерства юстиции*. 1901. № 7. Сентябрь. С. 1–34.
23. Гамбаров Ю. С. Русская высшая школа общественных наук в Париже / Проф. Ю. С. Гамбаров и проф. М. М. Ковалевский. Ростов-на-Дону : Наука и жизнь, 1903. 60 с.
24. Гернет М. Н. Рецензия на кн.: Шейнис Л., доктор медицины и доктор юридических и экономических наук. Проблемы криминологии и социальной психологии. Изд. 3. Гржебина. Париж, 1926 г. 227 стр. // *Право и Жизнь*. 1926. Кн. 8–10. С. 121–122.
25. Жбанков Д. О самоубийствах в последние годы. Статистический очерк (1905–1909) // *Русское богатство*. 1909. № 4. С. 27–40.
26. Заварюхин В. Ю. Путь в науку юриста-криминолога М. Н. Гернета // *Инновационные технологии в науке и образовании: актуальные вопросы и достижения : монография*. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2016. С. 51–83.
27. Ковалевский М. М. Русская школа общественных наук в Париже за 1904-5 год // *Вестник знания. Ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал с приложениями для самообразования*. 1905. № 9. С. 115–123.
28. Луцкий А. И., Луцкий М. И., Киндюк Б. В. Вклад профессора М. Н. Гернета в развитие юридической науки // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13. № 3. С. 519–529.
29. Люблинский П. И. Преступления и преступность // *Энциклопедический словарь Товарищества „Бр. А. и И. Гранат и К°“*. Седьмое, совершенно переработанное издание / под ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф.

М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муремцева и проф. К. А. Тимирязева. Т. 33: Поляновский мир — Пуазель. М. : Изд. тов. А. Гранат и К°, 1916. С. 363–387.

30. Нордау М. Новая биологическая теория преступления / Макс Нордау ; пер. К. А. Малинин. Москва : тип. А. В. Васильева, 1903. 35 с.

31. Пархомовский М. «Нашла для Вас настоящий клад: Лев Исаевич Шейнис» // Русское еврейство в Зарубежье : Сборники статей, публикаций, мемуаров и эссе / сост., гл. ред. и издатель М. Пархомовский. Иерусалим, 1998. Том I (VI). С. 400–406.

32. Тард Г. Преступник и преступление / Г. Тард ; пер. Е. В. Выставкиной, под ред. М. Н. Гернета и с предисл. Н. Н. Полянского. Москва : т-во И. Д. Сытина, 1906. XX, 324 с.

33. Чубинский М. П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / сост. и вступ. статья В. С. Овчинского, А. В. Федорова. Москва : ИНФРА-М, 2008. 435 с.

34. Шейнис Л. Ещё одна биологическая теория преступности // Вестник знания. Ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал с приложениями для самообразования. 1908. № 6. С. 800–807.

35. Шейнис Л. К истории самоубийств // Русская Высшая школа общественных наук в Париже : Лекции профессоров / под ред. проф. Е. В. де-Роберти. Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевского. СПб. : Изд. Г. В. Львовича, Тип. Альтшулера, 1905. С. 85–111.

36. Шейнис Л. Ломброзо и его значение в эволюции криминологии // Вестник Европы. 1909. Т. 6. Кн. 12. Декабрь. С. 798–805.

37. Шейнис Л. Преступность, её эволюция и социальное значение // Вестник знания. Ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал с приложениями для самообразования. 1905. № 9. С. 57–68.

38. Шейнис Л. Проблемы криминологии и социальной психологии / Сост. Л. В. Чехова-Шейнис. Париж : Издательство З. Гржебина, 1927. 299 с.

39. Шейнис Л. Эпидемические самоубийства // Вестник воспитания: научно-популярный журнал для родителей и воспитателей 1909. № 1. Январь. С. 129–150.

40. Шейнис Л. Теория Тарда и Ломброзо о преступлениях анархистов // Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1899. № 10. Декабрь. С. 312–323.

41. Шейнис Л. И. Биологические и социальные факторы преступности // Мир Божий : ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для самообразования / ред. Виктор Острогорский. 1903. № 4. Апрель. С. 168–187.

42. Шейнис Л. И. Биологические и социальные факторы преступности // Мир Божий : ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для самообразования / ред. Виктор Острогорский. 1903. № 5. Май. С. 243–254.

43. Шейнис Л. И. Самоубийство // Энциклопедический словарь Русского библиографического института „Бр. А. и И. Гранат и К°“. Седьмое, совершенно переработанное издание / под ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муремцева и проф. К. А. Тимирязева. Т. 37: Рютли — Селевкия. М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1917. Стб. 187–196.

44. Я. Л. Чужаядность или наследственность? (Паразитизм или атавизм) // Новое время. 1902. 4 декабря. С. 9–10.

45. Яковлева М. Г. Проблемы идентичности и интеграции русских эмигрантов во французское общество на примере деятельности русской общественной библиотеки им. И. С. Тургенева // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2014. № 4. С. 234–240.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 16.02.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.02.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 28.02.2025.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-118-122

С. 118–122

УТОЧНЕННОЕ ПОНЯТИЕ ЭКСТРЕМИЗМА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К НОВЫМ СУБЪЕКТАМ РОССИИ

Сергей Викторович Кондратюк¹, Анна Михайловна Алипова²

^{1,2} *Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия;*

¹ *Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Луганск, Луганская Народная Республика, Россия*
kondratyuk.serzh@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

² *Автозаводский районный суд г. Тольятти (Самарская область), Тольятти, Россия*
alipova.a@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены причины и обстоятельства, способствующие распространению идеологии экстремизма в социуме новых субъектов России. Обозначены проявления современного экстремизма: выделение социальной общности по признакам языка, религии, культуры, места проживания и т. п.; приобретаемые формы экстремизма: фашизм религиозный, политический, национальный, идеологический; языковой экстремизм; терроризм как крайняя форма экстремизма. Применительно к условиям новых субъектов России, выделены признаки криминологического и уголовно-правового содержания, позволившие уточнить научное определение экстремизма: насилие, преступный мотив, субъект, объект. Показано профилактическое значение разрабатываемой антикриминальной стратегии государства. В свете реализации антикриминальной стратегии обоснована связь экстремизма с военной агрессией со стороны Украины. Обращено внимание на адаптивность экстремизма к пересекающему воздействию, осуществляемому правоохранительными органами. Обоснован криминологический-криминалистический подход к профилактике экстремизма в условиях новых субъектов России.

Ключевые слова: антикриминальная стратегия, экстремизм, криминологическая-криминалистическая профилактика, новые субъекты России, военная агрессия

Для цитирования: Кондратюк С. В., Алипова А. М. Уточненное понятие экстремизма применительно к новым субъектам России // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 118–122. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-118-122

Research article

REFINED CONCEPT OF EXTREMISM IN RELATION TO THE NEW SUBJECTS OF RUSSIA

Sergey V. Kondratyuk¹, Anna M. Alipova²

^{1,2} *Togliatti State University, Togliatti, Russia;*

¹ *Lugansk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Lugansk, Luhansk People's Republic, Russia*
kondratyuk.serzh@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

² *Avtozavodsky District Court of Togliatti (Samara Region) Togliatti, Russia*
alipova.a@yandex.ru

Abstract. The reasons and circumstances contributing to the spread of extremist ideology in the society of the new subjects of Russia are considered. The manifestations of modern extremism are outlined: singling out social community on the basis of language, religion, culture, place of residence, etc.; acquired forms of extremism: fascism religious, political, national, ideological; linguistic extremism; terrorism as an extreme form of extremism. Applied to the conditions of the new subjects of Russia, the signs of criminological and criminal-legal content are highlighted, which allowed to clarify the scientific definition of extremism: violence, criminal motive, subject, object. The preventive value of the developed anti-criminal strategy of the state is shown. In the light of realization of the anti-criminal strategy the connection of extremism with military aggression from the side of Ukraine is substantiated. Attention is paid to the adaptability of extremism to the suppressive impact carried out by law enforcement agencies. The criminological and criminalistic approach to the prevention of extremism in the conditions of new subjects of Russia is substantiated.

Keywords: anti-criminal strategy, extremism, criminological and forensic prevention, new subjects of Russia, military aggression

For citation: Kondratyuk SV, Alipova AM. Refined concept of extremism in relation to the new subjects of Russia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):118-122. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-118-122

Актуальность

На освобождённой территории новых субъектов России отмечаем многочисленные факты проявлений экстремизма со стороны государства Украины [5; 12; 24]. Можно утверждать, что в течение исторического периода украинские власти преследуют по признакам языка, религии, культуры социальные группы, сложившиеся на территории Донбасса. Действия подобного содержания определены в научной литературе термином «экстремизм» [4; 7; 9]. Преодоление экстремизма на освобожденной территории новых субъектов России осуществляется в рамках разрабатываемой антикриминальной стратегии [2], которая реализует положения Стратегии национальной безопасности¹ и опирается на достижения криминологии, криминалистики, других юридических наук. Задачей реализации антикриминальной стратегии определено профилирование проявлений экстремизма. Профилирование меры разрабатываются криминологией, но и наука криминалистика предлагает свои подходы, в плане установления обстоятельств, способствующих экстремистским проявлениям [3; 19; 22]. Однако существующий понятийный аппарат криминологического-криминалистической профилактики требует уточнения, с учётом специфики социума на указанной территории, а также современных требований юридической науки.

Цель работы

Уточнить содержание понятия экстремизма, применительно к условиям новых субъектов России, определить пути и направления криминологического-криминалистической профилактики экстремизма.

Обсуждение

Криминологами отмечается продолжающееся распространение идей экстремизма, особенно в новых субъектах России [1; 23]. Авторы указывают такие признаки современного экстремизма как общественного феномена [6; 11; 14]:

- расширение многоплановой экстремистской деятельности;
- захват экстремистскими сообществами широкой социальной базы;
- структурирование идейно-политического ядра экстремистских сообществ согласно иерархическому и сетевому принципам управления, создание централизованных организаций и неформальных экстремистских сетей.

В итоге современное понимание экстремизма как общественного явления характеризуется следующими проявлениями [13; 15; 17]:

1) выделение социальной общности или группы по признакам языка, религии, культуры, места проживания и т. п.;

2) наличие форм экстремизма применительно к условиям указанного региона можно распределить на а) фашизм (если преследование социальных групп предполагает их физическое уничтожение); б) религиозный экстремизм (если осуществляется преследование по признаку принадлежности к религиозной конфессии); в) политический, национальный, идеологический, языковой экстремизм; г) терроризм (форма проявления экстремизма, в основе которой лежит запугивание населения, как средство достижения политических целей).

Одновременно отмечаем наличие значительного числа мнений по вопросу содержания и сущности экстремизма [16; 20; 25]. При этом следует обратить внимание, что в научной литературе не встречается всеобъемлющего определения сущности экстремизма. Взгляды современных криминологов отображают лишь частные стороны данного социального феномена.

По нашим наблюдениям за криминогенной ситуацией на освобожденной территории указанного региона, сущностной характеристикой экстремизма является насилие (которое определяется в научной литературе как физическое либо психическое воздействие на человека, нарушающее конституционные права граждан на личную неприкосновенность), и объектом которого становятся граждане, их честь и достоинство, а также общественное сознание и общество, в целом.

Экстремизм как общественное явление проявляется насаждением в обществе чуждых ему мировоззрения, идеологии, морали, образа жизни. Причем средствами такого давления на общество становятся различного рода насильственные механизмы. В условиях новых субъектов России экстремистское насилие приобрело вооруженный характер. Преследование социальных групп осуществляется в ходе вооруженной агрессии со стороны государства Украины. Применение экстремистскими сообществами убийств мирных жителей, угрозы убийств должностных лиц и общественных деятелей превращается в крайнюю форму существования экстремизма — терроризм. При террористической форме проявления экстремизма насилие становится основным средством достижения преступных целей. В итоге социальное насилие, трактуемое как средство реализации экстремизма, называем первым признаком экстремизма как общественного явления.

Вторым признаком, по которому противоправное деяние признается экстремистским, определяем преступный мотив. Устойчивый мотив деяний, т. е. мотивация

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

поведения, возникает на основе сложившихся потребностей и интересов преступной личности. Мотивация трактуется социальными психологами как побуждение лица к осуществлению действий противоправного характера. На этом основании авторы трактуют мотивацию преступного поведения как целеустремленную ориентацию на совершение экстремистских деяний [8; 18; 21]. Отмечаем, что мотив преступления в уголовно-правовом аспекте становится квалифицирующим признаком общественно опасного деяния. Так, экстремистскую мотивацию называем вторым признаком экстремистских проявлений. Именно мотивы и цели определяют противоправное деяние как экстремистское.

Третьим признаком экстремизма, учитывая трактовку его уголовно-правового содержания, определяем его субъект. В уголовно-правовом понимании им является виновное лицо. Однако, выходя за пределы уголовно-правовой трактовки и учитывая антиэкстремистскую административную практику, а также выстраиваемую антикриминальную стратегию государства [10], к субъектам экстремизма относим экстремистские преступные сообщества, общественные организации, социальные группы, а также отдельные государства.

В качестве четвертого признака экстремизма естественным образом становится его объект. Объектом экстремизма являются общественные отношения, общественная мораль и достоинство, общественное сознание, в целом. Очевидно, что непосредственным объектом экстремизма становятся социальные группы, выделенные из социума по признаку языка, национальности, религиозной принадлежности, профессии, места проживания и т. п. Такие социальные группы подвергаются экстремистскому преследованию, мотивация которого связана с ненавистью к ним, со стремлением экстремистского субъекта изгнать их из общества, запугать или уничтожить.

Теперь, основываясь на выделенных признаках, можем уточнить научное определение экстремизма. Формулирование произведем путем перечисления существенных признаков данного общественного явления:

— противоправные деяния отдельных лиц, общественных структур и государств по мотивам ксенофобии, неприязни, нетерпимости, ненависти;

— реализация экстремистской идеологии, оправдывающей преследование социальных групп по признаку языка, национальности, религиозной принадлежности, профессии, места проживания и т. п.;

— направленность экстремистских деяний на преследование выделенных социальных групп, вплоть до изгнания их из общества, запугивания или уничтожения.

На современном историческом этапе экстремизм как общественное явление непримиримо преследуется со стороны Российского государства и общества, о чем свидетельствует разрабатываемая в настоящее время антикриминальная стратегия государства. В ответ экстремистские сообщества постоянно трансформируют способы совершения экстремистских преступлений и тем самым адаптируются к мерам преследования со стороны государства. Поэтому криминологика как наука совместно с криминологией приобретает существенное значение в вопросе профилирования экстремизма. Этим мы обосновываем криминологический подход к профилактике экстремизма в условиях освобожденной территории новых субъектов России.

Выводы

Направления профилактики, осуществляемой отдельно государственными органами и органами следственно-судебными, объединены понятием криминологический профилактики экстремизма.

В содержании экстремизма выявлены признаки криминологического и уголовно-правового содержания, позволившие уточнить научное определение данного общественно опасного явления: насилие, преступный мотив, субъект, объект. В свете реализуемой антикриминальной политики обращено внимание на адаптивность экстремизма к пресекающему воздействию, осуществляемому со стороны государства.

Показано, как проявления экстремизма на освобожденной территории новых субъектов России приобретают характер военных преступлений. Соответственно, криминологическая профилактика экстремизма в данных условиях осуществляется в рамках расследования преступлений данной категории.

Примечание

Исследование проведено на базе кафедры уголовно-правовых дисциплин Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации в рамках НИР по теме «Криминологическое предупреждение военных преступлений» (НИР утверждена на заседании Ученого совета ЛЮИ (Ф) УП РФ, протокол от 26.08.2024 № 8).

Список источников

1. Антикриминальная политика: теория формирования и показатели реализации / С. В. Кондратюк, А. М. Моисеев, Т. Н. Иванова [и др.] // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12, № 3 (44). С. 152–160. DOI 10.57145/27128482_2023_12_03_31
2. Антикриминальная стратегия и ее криминологическая составляющая / Т. Н. Иванова, С. В. Кондратюк, М. А. Михайлов [и др.]. Москва : Юрлитинформ, 2023. 288 с.
3. Бастрыкин А. И. Расследование преступлений Вооруженных сил Украины и украинских националистов // Актуальные проблемы расследования преступлений: перезагрузка : лекции / под редакцией А. И. Бастрыкина. Москва : Проспект, 2023. С. 16–25.

4. Бешукова З. М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Бешукова Зарема Муратовна. Краснодар, 2011. 235 с.
5. Влияние специальной военной операции на трансформацию преступности в Российской Федерации (криминологические аспекты) / А. А. Майдыков, А. В. Парфенов, А. Е. Огурцов, С. О. Конашенков // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18, № 1. С. 131–140. DOI 10.33693/2072-3164-2025-18-1-131-140
6. Глобальный индекс экстремизма / Г. В. Алексеев, Н. А. Аргылов, А. В. Байчик [и др.]. Санкт-Петербург : РАНХиГС при Президенте РФ, 2023. 416 с.
7. Деструктивное воздействие на несовершеннолетних: теория и практика противодействия / С. М. Воробьев, С. В. Пестов, А. М. Бычкова [и др.]. Москва : Инфра-М, 2023. 179 с. DOI: 10.12737/1894393
8. Касперович Ю. Г. Мотивация экстремизма и факторы его формирования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2 (49). С. 81–84.
9. Кобец П. Н., Краснова К. А. Основы выработки концептуальной платформы в решении проблемы предотвращения и защиты молодежи от угрозы проникновения в ее среду экстремизма и терроризма // Философия права. 2018. № 2 (85). С. 74–79.
10. Кондратюк С. В. Профилактика экстремизма в структуре антикриминальной политики государства: в условиях новых субъектов Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10, № 4. С. 397–404.
11. Криштопов С. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Криштопов Сергей Владимирович. Москва, 2022. 266 с.
12. Кулакова Н. Н., Анисимов В. В. Истоки формирования украинского радикального национализма: история и характеристика // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 265–269.
13. Мацкевич И. М., Королева М. В. Проблемы борьбы с организованной преступностью : учебное пособие. Москва : Проспект, 2025. 520 с.
14. Меркурьев В. В., Агапов П. В., Закомолдин Р. В. Охрана государственного суверенитета Российской Федерации уголовно-правовыми средствами // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 2 (71). С. 50–56.
15. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» / В. В. Меркурьев, П. В. Агапов, С. В. Борисов [и др.]. Москва : Проспект, 2021. 208 с.
16. Необыкновенный фашизм: криминологическая и уголовно-правовая характеристика / И. М. Мацкевич, П. В. Головненков, Г. А. Есаков, У. Хелльманн. Москва : Проспект, 2025. 264 с.
17. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания / П. В. Агапов, В. В. Меркурьев, С. В. Борисов [и др.] ; под редакцией В. В. Меркурьева. Москва : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. 248 с.
18. Поляков С. А. Гибридная война коллективного Запада как угроза национальной и международной безопасности // Российское право онлайн. 2024. № 4. С. 19–23. DOI: 10.17803/2542-2472.2024.32.4.019-023
19. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму : учебное пособие / под редакцией А. В. Юрковского. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. 306 с.
20. Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений: социальная и социально-политическая ситуация / В. К. Левашов, Н. В. Березина, Н. М. Великая [и др.]. Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2024. 432 с. DOI: 10.19181/monogr:978-5-89697-428-4.2024
21. Сергеев С. М. Мотивационные аспекты преступлений экстремистской направленности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (14). С. 158–166.
22. Смыслова В. Н., Краснова К. А. Деятельность неформальных молодежных движений экстремистской направленности как фактор виктимизации несовершеннолетних // Виктимология. 2021. Т. 8, № 1. С. 64–72.
23. Шевелева К. В. Об объекте геноцида // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 1 (35). С. 170–175. DOI: 10.54217/2588-0136.2023.35.1.021
24. Шевелева К. В. Особенности расследования геноцида, совершенного в отношении русскоязычного населения Украины // Ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, совершенные националистическим режимом Украины, дискредитацию органов государственной власти и Вооруженных Сил Российской Федерации : сборник материалов научно-практического семинара, Москва, 26 апреля 2023 года. Москва : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2023. С. 77–82.
25. Шиханов В. Н. Конструирование системы мер уголовно-правового воздействия в условиях постсовременного российского общества. Иркутск, 2024. 123 с.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 03.03.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.03.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.03.2025.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Эльвира Гумеровна Юзиханова¹, Наталья Александровна Корсикова²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
uzikhanovaeg@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-4864>

² Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия
korsikova-nataly@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-1565-3464>

Аннотация. Непосредственная деятельность государственных органов по пресечению правонарушений равным образом соотносится с деятельностью по выявлению и предупреждению отклонений в поведении граждан вразрез общепризнанным социальным и юридическим нормам, установленным в правовой системе страны. Многокомпонентную структуру деятельности государственных органов составляет обобщенное организационное звено под названием «противодействие», где противодействие — это собирательная категория, включающая в себя меры профилактического, организационно-управленческого, юридического и непосредственно противодействующего характера, основа деятельности, которая осуществляется на всех уровнях власти с использованием методов и мер государственного принуждения, а также комплекса мероприятий профилактического воздействия, направленных на оздоровление криминогенной обстановке в стране.

Сказанное, несомненно, относится к деятельности органов внутренних дел, являющихся основным универсальным правоохранительным органом в системе органов государственной власти и осуществляющим, в том числе борьбу с экстремизмом в различных его видах, формах и проявлениях в обществе, в том числе в молодежной среде.

Данная статья посвящена содержанию деятельности органов внутренних дел по противодействию молодежному экстремизму, поскольку ОВД выступают основным субъектом противодействия экстремизму в Российской Федерации. Рассмотрены вопросы, связанные с направлениями деятельности конкретных подразделений ОВД по противодействию экстремизму в молодежной среде на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, противодействие экстремизму, органы внутренних дел, молодежь, экстремистские проявления, экстремизм

Для цитирования: Юзиханова Э. Г., Корсикова Н. А. Содержание деятельности органов внутренних дел России по противодействию экстремизму в молодежной среде // Правопорядок история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 123–126. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-123-126

Research article

THE CONTENT OF THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF RUSSIA IN COUNTERING EXTREMISM AMONG YOUNG PEOPLE

Elvira G. Yuzikhanova¹, Natalia A. Korsikova²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia
uzikhanovaeg@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-4864>

² St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia
korsikova-nataly@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-1565-3464>

Abstract. The direct activity of state bodies to suppress offenses is equally correlated with the activity to identify and prevent deviations in the behavior of citizens contrary to generally recognized social and legal norms established in the legal system of the country. The multi-component structure of the activities of state bodies is a generalized organizational link called “counteraction”, where counteraction is a collective category that includes measures of a preventive, organizational and managerial,

legal and directly counteracting nature, the basis of activities that are carried out at all levels of government using methods and measures of state coercion, as well as a set of preventive measures aimed at improving the crime situation in the country.

The above undoubtedly applies to the activities of the internal affairs bodies, which are the main universal law enforcement agency in the system of state authorities, and which, among other things, combat extremism in its various types, forms and manifestations in society, including among young people.

This article is devoted to the content of the activities of internal affairs bodies to combat youth extremism, since the internal affairs bodies are the main subject of counteracting extremism in the Russian Federation. Issues related to the areas of activity of specific departments of the internal affairs bodies to combat extremism among young people at the current stage of society development are considered.

Keywords: youth extremism, counteraction to extremism, internal affairs agencies, youth, extremist manifestations, extremism

For citation: Yuzikhanova EG, Korsikova NA. The content of the activities of the internal affairs bodies of Russia to counter extremism among young people. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):123-126. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-123-126

Введение

Противодействие преступности — это одна из форм профилактики преступлений, которая заключается в предупреждении потенциальных преступников о возможных последствиях их действий, а также воздействии на их мотивацию и желание совершать преступления. Как верно отмечено Д. А. Гришиным, «это форма профилактики может применяться как к отдельным лицам, так и к группам людей и общественным явлениям, которые могут способствовать росту преступности» [2, с. 91].

В криминологии противодействие преступности может осуществляться через различные механизмы, например, через проведение пропагандистской работы, освещение проблем преступности в СМИ, образовательные программы, проведение тренингов и семинаров, работу с социально-опасными группами и многое другое. Основная задача противодействия преступности заключается в том, чтобы свести к минимуму вероятность совершения преступления и снизить уровень преступности в обществе.

В теории криминологии, противодействие преступности традиционно подразделяется на общее (оно же общесоциальное) и специальное.

Так, Е. С. Жигарев отмечает, что «сущность общесоциального предупреждения преступности состоит в устранении общих причин и условий, способствующих совершению преступлений в обществе» [3, с. 102–103]. Оно включает широкий спектр мер, таких как социальная политика государства, социально-экономические реформы, создание благоприятной социальной среды для жизни и развития личности, а значит, меры общесоциального предупреждения являются одной из составляющих профилактики и предупреждения в целом, они охватывают более широкую аудиторию и имеют более общий характер, чем целенаправленная работа с группами риска.

Специальное предупреждение преступности, напротив, направлено на предупреждение конкретных преступлений и преступных действий. Оно включает в себя различные меры, такие как повышение эффективности правоохранительных органов, ужесточение наказания за совершение определенных преступлений, проведение профилактической работы с лицами, склонными к совершению преступлений и т. д.

Поэтому общее и специальное предупреждение преступности тесно связаны между собой и могут взаимодействовать для достижения максимального эффекта в борьбе с преступностью.

В системе органов государственной власти, осуществляющих правоохранительные функции, именно органы внутренних дел России занимают центральное место в системе противодействия преступности.

Система данного правоохранительного органа является одним из важнейших инструментов борьбы с экстремизмом в молодежной среде. Правовая основа деятельности ОВД в этой области определяется рядом законов и нормативных актов.

Материал и методы

Эмпирической базой настоящего исследования стали аналитические материалы ГИАЦ МВД Российской Федерации по преступлениям экстремистской направленности, а также мониторинг результатов опубликованных научно-исследовательских работ, которые проведены другими исследователями в различных субъектах Российской Федерации.

Методологическая основа статьи определяется такими методами, как исторический, правовой, метод анализа и синтеза, формально-логический метод.

Описание исследования

Министр внутренних дел Российской Федерации Колокольцев Владимир Александрович на последнем заседании коллегии Министерства внутренних дел России 2 апреля 2024 года отметил, что «...в 2023 году сотрудники полиции провели свыше 19 тысяч лекций, бесед, из них три четверти в учебных заведениях. Охват аудитории превысил один миллион человек. Будем и дальше выстраивать открытый диалог с обществом, укреплять обратную связь в вопросе нетерпимости к идеологии экстремизма»¹.

Система ОВД по борьбе с экстремизмом в молодежной среде включает в себя комплекс мер, направленных

¹ Доклад Министра внутренних дел Российской Федерации : расширенное заседание коллегии МВД 2 апреля 2024 года // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 20.12.2024).

на профилактику, выявление и пресечение экстремистской деятельности. Эта система базируется на правовой основе, которая включает в себя ряд законодательных и нормативных актов, соблюдении прав и свобод граждан и с учетом социально-экономических условий развития общества.

Одним из таких нормативных документов является Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ¹. Этот закон устанавливает правовые механизмы борьбы с экстремизмом в Российской Федерации и определяет понятие «экстремистская деятельность», а также критерии, по которым она может быть признана экстремистской.

В рамках данного федерального закона ОВД выполняют задачи по обеспечению безопасности молодежной среды, предотвращению и пресечению экстремистских проявлений. В этой связи в систему органов внутренних дел по противодействию экстремизму входят подразделения участковых уполномоченных полиции, подразделения по противодействию экстремизму, подразделения по делам несовершеннолетних, уголовный розыск, патрульно-постовая служба, а также подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения, экономической безопасности и противодействия коррупции, и, кроме того, подразделения по вопросам миграции.

Система ОВД по противодействию экстремизму в молодежной среде строится на основе многоуровневой системы контроля и профилактики, которая включает в себя работу с молодежью и подростками в школах, вузах, детских и молодежных организациях; профилактику в социальной сфере через организацию досуговых мероприятий, культурных и спортивных мероприятий, проведение образовательной работы и т. д.; работу с семьями, в том числе через родительские комитеты и советы; работу социальных служб и других социальных институтов, занимающихся воспитанием и социализацией молодежи; профилактику индивидуальной склонности к экстремизму путем работы с отдельными лицами.

Каждое из вышеназванных подразделений и служб реализуют в своей работе значительный по объему правоохранный круг целей и задач, одни прямо относящиеся к работе по борьбе с экстремизмом, другие — косвенно.

Рассмотрим некоторые из них.

Служба участковых уполномоченных полиции (далее — УУП) является универсальной многозадачной службой в структуре полиции. Служба УУП больше других в органах внутренних дел взаимодействует с населением, больше других осведомлена о состоянии оперативной обстановки на территории обслуживания административного участка, имеет списки лиц, состоящих под административным надзором

и на профилактическом учете, списки лиц, ранее судимых за преступления, ведет учет семей, находящихся в социально опасном положении, учет неблагополучных семей, мигрантов, поэтому больше других способна повлиять на причины и условия совершения правонарушений.

Шанс спрогнозировать или предупредить правонарушение намного выше, если человек состоит на профилактическом учете как ранее совершающий правонарушения экстремистской направленности, или состоит под административным надзором за совершение аналогичных преступлений, или если в отношении подучетного поступают неоднократные сообщения или заявления соответствующего содержания.

Далее — подразделения по делам несовершеннолетних, которые в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних объективно занимают главенствующее место, о чем неоднократно в своих работах говорил А. А. Беженцев: «ПДН отведена особая роль замыкающего звена в системе профилактики правонарушений» [1, с. 148–149]. Основная часть их деятельности состоит в проведении профилактических мероприятий в школах, учебных заведениях, среди несовершеннолетних, в том числе состоящих на учете как «экстремисты».

Что касается содержания деятельности по пресечению правонарушений экстремистской направленности, то формально при осуществлении профилактических мероприятий у вышеназванных служб имеется возможность пресечь правонарушение экстремистской направленности, когда лицо, например, задумав совершить деяние, после проведенной с ним профилактической беседы прекратит свой преступный замысел.

Но это скорее является исключением. Пресечению правонарушений экстремистской направленности в большинстве случаев предшествует их выявление, и только в том случае, если невозможно предупредить заранее планируемое деяние.

Основным субъектом в системе ОВД, осуществляющим деятельность по пресечению правонарушений экстремистской направленности, являются подразделения по противодействию экстремизму.

Данное подразделение самостоятельно и во взаимодействии с оперативными подразделениями территориальных органов осуществляет для пресечения, в том числе, для раскрытия правонарушений экстремистской направленности комплекс оперативно-розыскных мероприятий.

Строевые подразделения дорожно-патрульной и постовой службы осуществляют профилактические мероприятия по данному направлению деятельности при несении службы на маршруте патрулирования.

Подразделения уголовного розыска, хотя и проводят адресные профилактические мероприятия, их проведение осуществляется в ходе основной деятельности, связанной с пресечением работы преступных групп этнической направленности, организованной преступности, незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

¹ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 20.12.2024).

Подразделения миграции осуществляют индивидуальные профилактические мероприятия с каждым иностранным гражданином, кто обращается за получением государственных услуг временного проживания, или осуществления трудовой деятельности, поскольку указанная категория граждан этнической направленности, может иметь совсем другие намерения, связанные с распространением экстремистских идей [5, с. 163; 6, с. 31].

Отдел оперативно-аналитической работы центра «Э» подразделения по противодействию экстремизму осуществляет выработку мер по стабилизации оперативной обстановки на территории региона обслуживания, анализ статистической информации о состоянии противодействия экстремизму с целью разработки адекватных мер реагирования и пропаганды нетерпимости идеологии экстремизма.

Указанные профилактические мероприятия призваны привить нетерпимость к самой идеологии терроризма, а также обезопасить лиц, способных попасть под ее влияние.

Заключение и вывод

Таким образом, ввиду проведенного авторами исследования, можно сформулировать следующие выводы.

Противодействие экстремизму сотрудниками ОВД в молодежной среде — это комплекс мер, направленных на предотвращение возможной вовлеченности молодых людей в экстремистские группировки и пропаганды экстремистских идей.

Для реализации противодействия экстремизму сотрудники ОВД могут проводить следующие мероприятия:

1. Индивидуальные беседы с молодыми людьми, нацеленные на формирование у них уважительного отношения к закону и правопорядку, осознания негативных последствий экстремистской деятельности, а также на разъяснение позиции государства в отношении экстремизма.

2. Проведение профилактических бесед с родителями, учителями и другими лицами, влияющими на формирование мировоззрения молодежи, для предупреждения возможного влияния экстремистских идей на их воспитанников [4, с. 329].

3. Организация образовательных мероприятий, таких как конференции, семинары, круглые столы, посвященные проблемам экстремизма, его последствиям и способам борьбы с ним.

4. Сотрудничество с различными организациями и общественными органами, направленными на поддержку молодежи, для предотвращения ее вовлечения в экстремистскую деятельность.

5. Проведение различных мероприятий, направленных на социализацию молодежи, в том числе организация досуговых мероприятий, спортивных мероприятий и т. д.

Целью такого противодействия является развитие у молодежи социально-нравственных ценностей и формирование устойчивых навыков социальной адаптации, а также формирование у молодежи критического мышления, осознанного отношения к информации и способности анализировать события и явления, происходящие в обществе, что снижает вероятность их вовлечения в экстремистскую деятельность.

Список источников

1. Беженцев А. А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних : учебное пособие. Москва : Флинта : МПСИ, 2012. 296 с.
2. Гришин Д. А. Предупреждение преступности. Разграничение используемой терминологии // Закон и право. 2020. № 7. С. 91–94. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10328
3. Жигарев Е. С. сущность общесоциального предупреждения преступности: прошлое и настоящее (критический взгляд криминолога) // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 102–106. DOI: 10.24411/2414-3995-2018-10018
4. Криминология. Общая и особенная части : учебник / В. Б. Клишков, А. Ю. Сагайдак, Я. Л. Алиев [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. 380 с.
5. Леготин М. П., Голубых Н. В., Алимбиев С. А. Вопросы общесоциального предупреждения экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64). С. 161–167. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.64.3.161-167
6. Летаева Е. А., Майорова Е. Н. Административно-правовой статус центра по вопросам миграции // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 29–35. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-29-35

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 14.01.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 30.01.2025.

Дата принятия статьи к опубликованию / Accepted: 15.02.2025.

ПРАКТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ СОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ПРАВОПОРЯДКА (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Петр Николаевич Кобец

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия
pkobets37@rambler.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Аннотация. Актуальность данного исследования состоит в том, что комплексное изучение положительных аспектов зарубежной правоохранительной работы по оказанию содействия общественностью полицейским формированиям в поддержании правопорядка может позволить вычлнить наиболее эффективные подходы, которые в дальнейшем послужат совершенствованию рассматриваемой правоохранительной практики в нашей стране. Опираясь на теоретические основы данной работы, в качестве ее методической базы автор использовал современные научные исследования по анализируемой проблематике, в том числе данные, полученные из различных источников, которые обеспечили все необходимые условия для проведения объективного комплексного анализа, а также полного и всестороннего изучения современного положительного опыта взаимодействия правоохранителей и общественности за рубежом. В процессе проведенного исследования зарубежного опыта совместной деятельности полиции и населения становится очевидно, что активная поддержка обществом правоохранительных структур в работе по поддержанию правопорядка, с разделением ими ответственности по обеспечению безопасности населения, может быть успешной исключительно при высокой степени доверия граждан. Причем сформированные с учетом обозначенного доверия товарищеские отношения общества и полиции за рубежом выстраиваются и впоследствии базируются на взаимной ответственности, отзывчивости и равных условиях всех участников рассматриваемого сотрудничества. Развитие партнерских и товарищеских взаимоотношений между обществом и правоохранителями, вне всякого сомнения, послужит хорошим подспорьем для повышения авторитета и кредита доверия, предоставляемого представителями народа, служителям закона и правопорядка. Анализ зарубежного опыта по взаимодействию населения и полиции свидетельствует о том, что различные его положительные аспекты вполне могли бы быть внедрены в отечественную практику. Адаптированный к реалиям российских правоохранителей данный вид зарубежной правоохранительной работы в дальнейшем позволит генерировать самые полезные идеи. Учитывая российскую действительность, они вполне бы могли быть реализованы в практической деятельности по поддержанию правопорядка.

Ключевые слова: общественный порядок, правоохранительная работа, зарубежный опыт, содействие полиции, профилактика преступлений, гражданское общество, борьба с преступностью, общественная безопасность

Для цитирования: Кобец П. Н. Практика привлечения общественности для оказания содействия полиции по поддержанию правопорядка (зарубежный опыт) // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 127–133. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-127-133

Research article

PRACTICE OF INVOLVING THE PUBLIC TO PROVIDE ASSISTANCE TO THE POLICE IN MAINTAINING LAW AND ORDER (INTERNATIONAL EXPERIENCE)

Petr N. Kobets

*National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia**pkobets37@rambler.ru* <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Abstract. The relevance of this study is that a comprehensive study of the positive aspects of foreign law enforcement work to provide public assistance to police forces in maintaining law and order can allow us to identify the most effective approaches that will further contribute to the improvement of the law enforcement practice under consideration in our country. Based on the theoretical foundations of this work, the author used modern scientific research on the analyzed issues as its methodological base, including data obtained from various sources that provided all the necessary conditions for an objective comprehensive analysis, as well as a complete and comprehensive study of modern positive experience of interaction between law enforcement officers and the public abroad. In the process of studying foreign experience of joint activities of the police and the population, it becomes obvious that active support by society of law enforcement agencies in the work to maintain law and order, with their sharing of responsibility for ensuring the safety of the population, can be successful only with a high degree of trust of citizens. Moreover, the comradely relations between society and the police, formed taking into account the designated trust, are built abroad and subsequently based on mutual responsibility, responsiveness and equal conditions for all participants in the cooperation in question. The development of partnership and comradely relations between society and law enforcement officers will undoubtedly serve as a good support for increasing the authority and credit of trust provided by representatives of the people to the servants of law and order. An analysis of foreign experience in the interaction of the population and the police shows that its various positive aspects could well be introduced into domestic practice. Adapted to the realities of Russian law enforcement officers, this type of foreign law enforcement work will further generate the most useful ideas. Taking into account the Russian reality, they could well be implemented in practical activities to maintain law and order.

Keywords: public order, law enforcement, foreign experience, police assistance, crime prevention, civil society, fight against crime, public safety

For citation: Kobets PN. The practice of involving the public in assisting the police in maintaining law and order (foreign experience). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1):127-133. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-127-133

Введение

В современных условиях нашему государству необходимо стремиться к обязательному стимулированию и развитию гражданской активности общества, которая должна основываться на естественных стремлениях граждан объединиться для защиты не только себя, но и близких, а также имущества от возможного противоправного посягательства. В настоящее время имеется ряд форм, на основе которых выстраиваются и осуществляются процессы взаимодействия правоохранителей с общественностью для охраны правопорядка [15, с. 171]. В то же время сегодня как никогда повышается важность проблематики, направленной на развитие этих форм взаимодействия для более результативного выполнения задач в сфере борьбы с преступностью. Причем необходимость данного развития определяются различными объективными предпосылками. В частности, к ним следует отнести существующие тенденции, связанные с активным формированием гражданского общества. В связи с этим важнейшим условием, способствующим повышению уровня человеческой жизни, становится обеспечение безопасности

граждан, основанное на эффективной совместной деятельности правоохранителей и населения. Поэтому среди основных принципов правоохранительной работы выступает нацеленность именно на совершенствование партнерских форм работы с обществом [16, с. 125].

Вопросы привлечения общественности к правоохранительной работе в настоящее время активно обсуждается как в нашей стране, так и за рубежом. Подобный подход, в свою очередь, является признаком высокой степени активности и патриотизма гражданского общества [8, с. 36]. Правоохранительная практика зарубежных стран вместе с удачным отечественным историческим опытом в рассматриваемой сфере свидетельствуют об особой важности внедрения негосударственных механизмов по исполнению функционала в сфере обеспечения правопорядка. Вполне очевидно, что за рубежом работа в сфере обеспечения порядка и безопасности в отдельных административных территориях (городах, населенных пунктах и др.) проводится с учетом национальных традиций и на основе своих собственных способов. И поэтому в данной сфере каждое отдельное государство обладает собственным оригинальным опытом,

причем по большей части основанным на определенных национальных традициях. Изучение данных зарубежных основ анализируемой работы позволит не только еще лучше разобраться в современной проблематике взаимодействия правоохранителей и населения, но также вскрыть необходимые закономерности по развитию теоретических и практических положений в рассматриваемой сфере, которые чрезвычайно сложно обнаружить, не проводив глубокий комплексный анализ.

Постановка проблемы

Во многих иностранных государствах общественно-политическая мысль активно развивалась на протяжении ряда столетий, тем самым оказывая существенное воздействие на представителей гражданского общества. В свою очередь, полицейские структуры этих государств, занятые обеспечением общественного порядка, пользовались немалым доверием сознательных и законопослушных граждан, оказывающих определенную помощь правоохранителям [9, с. 201]. Поэтому в современных условиях отечественными правоохранителями зарубежный положительный опыт взаимодействия полиции и населения должен учитываться в полной мере, чтобы давать высокий позитивный результат.

Важность исследования совместной деятельности полиции и населения за рубежом подтверждают научные работы отечественных правоведов, ученых и практиков И. А. Андреевой, М. М. Асланова, И. В. Важениной, Н. Д. Валиева, И. Н. Васильевой, В. И. Внукова, Н. В. Воронковой, Т. В. Гавриловой, Р. Г. Гусева, М. Р. Глушкова, А. В. Губанова, С. Н. Гордеева, О. Н. Дунаевой, Е. А. Зимина, А. П. Зыкова, В. В. Зубенко, А. В. Иващенко, С. В. Иванникова, В. А. Ильченко, А. К. Киселева, Е. А. Клейменова, И. В. Лесовик, В. И. Майорова, Л. В. Медведицковой, И. В. Назаровой, Н. С. Нижник, С. В. Новикова, Л. И. Овчинниковой, О. С. Петровой, С. А. Попова, Н. Ф. Поповой, А. Н. Пряникова, М. Г. Соловьева, А. А. Тарасовой, А. В. Шпака, О. Н. Щербакова и др.

В том числе некоторые из вопросов, касающихся проблематики зарубежной положительной работы в сфере совместного обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью, полиции и общественности, были рассмотрены в трудах различных зарубежных специалистов. В то же время специально хотелось бы отметить, что, как полагают многочисленные эксперты обсуждаемой проблематики, лишь некоторые из аспектов положительного опыта, нашедшие свое отражение в данных научных работах, успешно воплощаются в жизнь [17, с. 39]. По этой причине автор провел анализ наиболее интересных и перспективных зарубежных практик правоохранительной деятельности по данному направлению, чтобы в дальнейшем возможно было их использовать отечественными правоохранителями.

Описание исследования

Сегодня за рубежом происходит активное вовлечение населения и общественных организаций в правоохранительную деятельность. Причем во многих иностранных

государствах такая партнерская деятельность правоохранителей и общественности получила существенную поддержку со стороны властей много лет назад. Так, например, в Королевстве Испания (далее — Испания) в ст. 16 принятого в 1824 г. Королевского указа, который действует и по настоящее время, полицейским подразделениям были сформулированы две задачи. Согласно первой задаче, полицейским подразделениям вменено в обязанности обеспечение реализации гражданами своих прав с обязательным преследованием всех лиц, посягающих на данные права, и последующей передачей виновных не позднее восьми дней с момента их задержания органам правосудия. В соответствии со второй задачей, полицейским структурам необходимо заниматься обеспечением безопасности и благополучия населения, улучшая качество его жизни.

Немаловажным является и то, что в этой стране впервые в мировой правоохранительной практике тщательно проанализировали и внимательно изучили важнейшие психологические аспекты взаимодействия полицейских кадров с общественностью. И как отмечается отечественными экспертами, на сегодняшний день психологические исследования повышения эффективности и компетентности полицейских подразделений превышают даже численность криминологических исследований в рассматриваемой сфере. Зачастую от испанских полицейских при отборе для работы с населением требуют повышение стрессоустойчивости. В процессе их профессиональной подготовки в первую очередь обращают внимание на развитие когнитивных и интеллектуальных качеств. Особая подготовка испанских правоохранителей нацелена на работу с динамичным обществом, а также с гендерно-возрастными категориями населения [19, с. 87].

Не является исключением и Федеративная Республика Германии (далее — ФРГ, Германия), которая, развивая совместную деятельность полиции и населения, с 1997 г. адаптировала модель общественно-ориентированного функционирования правоохранительной деятельности. При таком подходе основу организации работы полицейских структур составляет: работа, направленная на профилактику преступных деяний, являющаяся общей задачей общественности и всего государства; новейшие стратегии в области обеспечения безопасности, направленные на ориентирование общества активнее взаимодействовать с полицейскими; и то что немецкое население становится партнерами правоохранителей. Немаловажно и то, что профилактическая работа в Германии выступает в качестве основы всей немецкой уголовной политики.

Сегодня ФРГ обладает собственными вспомогательными полицейскими силами, которые называются *Freiwilliger Polizeidienst*, либо *Sicherheitswacht*. Подобные структуры с 1963 г. внедрены в ряде земель ФРГ. Эти структуры сформировали в Германии, в первую очередь, для того, чтобы предотвращать массовые волнения. Пройдя двухнедельный курс подготовительных занятий, они привлекаются к выполнению задач

по охране порядка, как правило, когда возникает необходимость усиления регулярной полиции. В настоящее время, как правило, они содействуют сотрудникам немецкой полиции в охране правопорядка при массовых скоплениях граждан. При этом также примечательно, что преимущественно они несут службу путем пешего патрулирования, и лишь иногда могут производить патрулирование на велосипедах. В отличие от сотрудников немецкой полиции, у вспомогательных сил собственная форма одежды, а на левой стороне груди расположена идентификационная карточка с фотографией, также они имеют дополнительные светло-зеленые нашивные повязки [14, с. 24].

Также немаловажно указать на то, что в государствах Европейского союза существует собственная система по обеспечению правопорядка в пределах населенных пунктов. К примеру, в ФРГ низовая структура, обеспечивающая охрану правопорядка в населенных пунктах, представлена пунктами, охраняющими порядок, при этом у них единого названия, и поэтому они могут называться — «главная полицейская вахта, полицейская станция, полицейский пост» [12, с. 17], и др. Подобные пункты охраны правопорядка в ФРГ функционируют в круглосуточном режиме. После прохождения обучения специалистов вспомогательных полицейских сил привлекают к выполнению правоохранительных задач вместе с сотрудниками регулярных полицейских формирований на посты в пункты правопорядка.

Анализируя особенности проблематики по взаимодействию полиции и общественности за рубежом, нельзя не рассмотреть положительный опыт Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее — Великобритания). В настоящее время правоохранители данного государства, также как и полицейские ряда других стран, проводят активную работу с населением для привлечения граждан к сотрудничеству [4, с. 145]. В частности, в рамках рассматриваемой деятельности полицейских Великобритании, отдельно хотелось бы отметить, что ими создаются специальные группы людей, оказывающие реальное воздействие на расселение иностранных рабочих, тем самым воздействуя на улучшение криминогенной обстановки в районах собственного проживания. Большинство полицейских подразделений этой страны стремится на добровольной основе привлекать к совместной правоохранительной деятельности подготовленных граждан. К особенностям сотрудничества английских правоохранителей и населения следует отнести то, что рассматриваемые формирования граждан обладают статусом общественного объединения, который признан на государственном уровне.

В зарубежных источниках литературы, которая специально рассматривает проблематику функционирования полицейских подразделений, непрерывно акцентируется и указывается на то, что большинство успехов данных правоохранительных структур Великобритании находятся в полной зависимости от одобрения этой деятельности общественностью. При этом

английскими экспертами подготовлена специальная методика по оценке отдельно взятого полицейского, в соответствии с которой оценку его работы производят не только с позиции числа выявленных преступных посягательств в течение определенного временного промежутка, но также с учетом сложности раскрытия данных деяний. В этих целях английскими экспертами также была разработана специальная таблица данных коэффициентов, чтобы, используя научный подход, проводить оценку работы правоохранителей [7, с. 101].

Вместе с тем в Великобритании активно функционируют подразделения специальной полиции из специальных констеблей, наделенных рядом прав, которые имеются у кадровых сотрудников полицейских подразделений. Данные сотрудники выполняют функционал вспомогательного резерва регулярных полицейских подразделений. Они контролируют ситуацию, которая складывается в процессе различных публичных мероприятий, а также при пресечении массовых беспорядков. Членом подразделения специальной полиции может стать любой из англичан. Одной из самых авторитетнейших полицейских служб данной страны являются участковые. Все дело в том, что эти сотрудники в первую очередь стремятся к созданию в обществе атмосферы спокойствия и психологического комфорта. Их деятельность направлена на непосредственное налаживание самых хороших контактов с населением, проживающим на территории обслуживания [5, с. 76]. Специально хотелось бы подчеркнуть, что «в образовательных организациях этой страны, занимающихся обучением полицейских, особая роль отводится специальной психолого-педагогической подготовке будущих правоохранителей для налаживания и поддержания контактов с общественностью» [13, с. 199].

Полицейские структуры Французской Республики (далее — Франция) сконцентрированы в двух институтах, обладающих рядом однородных, но не дублирующих друг друга полномочий, а именно Национальной полиции, которая находится в подчинении МВД и является гражданским формированием, функционирующим в населенных пунктах, в которых проживает свыше шестнадцати тысяч человек, и Национальной жандармерии, которая находится в подчинении у Минобороны, но при этом реализует некоторые из полицейских функций малых в поселках и деревнях. В то же время процедуры по применению оружия у обоих этих правоохранительных структур абсолютно идентичны. Услышав первый приказ о необходимости разойтись, правоохранители объявляют предупреждение, а во второй раз используют предусмотренные французским законодательством специальные средства с целью рассеивания толпы, в третий применяют оружие. В то же время эти две правоохранительные структуры находятся в постоянной конкуренции между собой, поскольку у сотрудников жандармерии немного выше социальный статус [6, с. 20].

В середине 1990-х гг. полицейская деятельность Франции подверглась реформированию вследствие воздействия концептуальных положений, связанных

с обеспечением общественного порядка во взаимодействии с гражданами. Согласно этой установке, полицейские структуры становились — близкой полицией, которая должна была функционировать в виде общественной службы, которой оказываются услуги в области обеспечения безопасности, обеспечивающие правопорядок и законность, но не как служба по противодействию преступности [1, с. 116]. Концепция близкой полиции начала реализовываться в конце 1990-х гг. и закончилась в 2002 г., поскольку те виды по социальному партнерству полиции и населения, которые широко внедрялись в ряде европейских стран, США и Японии, не были востребованы во Франции ввиду политико-правовых традиций. Кроме того, власти стремились как можно результативнее совершенствовать координацию совместной деятельности полицейских структур и жандармерии. Однако предпринятые властями шаги не привели к улучшению криминальной обстановки в стране и не снизили виктимизацию различных слоев французского общества. Идеи о социальном партнерстве были в существенной мере дискредитированы, а реформирование правоохранительных структур в свете идей близкой полиции не привели к положительным результатам, поскольку до конца не были приняты ни правоохранителями, ни гражданами [3, с. 83].

В связи с этим с 2002 г. новое французское правительство пошло по традиционному пути — жесткой полиции, которая нацелена на получение конкретных результатов, и данный правоохранительный подход стал гораздо результативнее в процессе противодействия преступных проявлений. В то же время, несмотря на высокие показатели раскрываемости преступлений, заметно стала ощущаться все возрастающая социальная дистанция между гражданами и полицейскими. Поэтому с 2008 г. французские власти приступили к установлению договора по взаимному доверию общественности с полицейскими. В то же время подобный подход пока что не приносит существенного положительного эффекта и результативного успеха во взаимодействии стражей правопорядка и гражданами [18, с. 224]. Более того, из-за недостаточного авторитета большинства правоохранителей в обществе наблюдается небольшой рост различных нападений на сотрудников полиции и жандармерии [2, с. 67]. Каждый год в этой стране погибает не мало полицейских в процессе выполнения своих служебных обязанностей, об этом часто пишут в различных информационных источниках.

Заканчивая анализ положительных аспектов зарубежной правоохранительной деятельности по взаимодействию населения и полицейских структур, нельзя не отметить, что в настоящее время среди основных принципов по взаимодействию между зарубежными правоохранителями и общественностью является выстраивание «концепции коммунально-ориентированной деятельности полиции — „community policing“» [10, с. 34], под которой понимается отведение особого места представителям гражданского общества, влияющим на правоохранительную и управленческую деятельность

полиции. При этом среди отличительных особенностей участия населения в обеспечении правопорядка за рубежом следует указать непосредственное руководство данной работой представителями государственных структур, как правило, правоохранительных, «а также высокий уровень правовой и социальной защищенности общества в сочетании с повышенной ответственностью за соблюдение законодательства» [11, с. 199].

Сегодня зарубежные полицейские в своей профессиональной деятельности стремятся всецело опираться на общественную поддержку. Подобные приемы нужны не только для обладания определенными информационными данными, но и для результативной работы, связанной с предотвращением и расследованием противоправных деяний. Кроме того, выстраивание полицейскими эффективного взаимодействия с местным населением существенно способствует повышению его уровня доверия к ним. В том числе, при помощи подобных подходов к гражданам приходит осознание их личного участия и особой значимости в обеспечении собственной безопасности. Развитие и укрепление подобного партнерства способствует тому, что местное население начинает осознавать собственную особую ответственность за поддержание необходимого уровня жизни и решения различных проблемных ситуаций в местах своего проживания. В дальнейшем отечественным правоохранителям, исследуя положительный зарубежный опыт, также необходимо стремиться к подготовке добровольных общественных формирований, которые будут оказывать содействие в обеспечении правопорядка в пределах семьи и образовательных учреждений, а также в местах проживания.

Заключение

В результате проведенного анализа практики зарубежных правоохранителей по взаимодействию с полицейскими формированиями и общественностью, возможно сделать вывод о том, что, обеспечивая подобное взаимодействие, можно достичь существенных результатов в работе, связанной с обеспечением правопорядка. Также возможны высокие результаты в процессе выстраивания деятельности по эффективному общественному контролю за работой правоохранителей.

В том числе проведенное исследование свидетельствует о том, что среди основных критериев эффективности работы полицейских подразделений за рубежом становятся результаты общественного мнения населения о полиции, которое воспринимает сотрудников данной структуры как своих друзей и помощников. Чтобы добиться подобного положительного эффекта, как правило, отношения населения и полиции должны быть выстроены с учетом интересов всех членов общества, а также когда полицейские действуют и служат в интересах всего населения страны. Одним словом, сегодня в большинстве анализируемых странах налицо рост доверия общества к работе правоохранительных структур, при этом во многих государствах также присутствует особая гражданская позиция самих граждан, вследствие

которой они готовы активно сотрудничать с правоохранителями в деле борьбы с преступностью.

Кроме того, центральным положением во взаимоотношениях полицейских и населения является активное добровольное взаимодействие с гражданами, составляющее основу всего полицейского сотрудничества. Немаловажно и то, что привлечение полицейскими представителей общественности к совместной правоохранительной деятельности благоприятно сказывается и на неформальном общественном контроле в местах, где проживают эти же граждане. Такого рода

подход стал целой новой методикой, перевернувшей полицейское мышление, а также принципиально новым социальным понятием, в соответствии с которым каждому полицейскому необходимо достигать высокого уровня взаимодействия в процессе работы с населением. В результате такого сотрудничества полицейские пришли к пониманию необходимости повышения собственной социальной ответственности перед обществом для того, чтобы выстроить с ним необходимые доверительные отношения, способствующие достижению эффективных результатов работы.

Список источников

1. Андреева И. А. История полиции Франции: к историографии вопроса // Вестник полиции. 2015. № 4 (6). С. 114–123. DOI: 10.13187/vesp.2015.6.114
2. Андреева И. А. Основные положения нового закона о Национальной жандармерии Франции // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 3 (26). С. 65–70.
3. Андреева И. А. Основные направления полицейских реформ в европейских странах на рубеже XX–XXI вв // Социум и власть. 2012. № 5 (37). С. 82–85.
4. Важенина И. В. Полиция и общество в истории Великобритании // Евразийский юридический журнал. 2019. № 1 (128). С. 143–146.
5. Важенина И. В. Теоретические и историко-правовые основы деятельности полиции Великобритании : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. ... канд. юрид. наук / Важенина Ирина Викторовна. Москва, 2019. 228 с.
6. Гаврилов К. Г., Гаврилова Т. В. Полиция, жандармерия, Национальная гвардия: реформа полицейской системы Франции как реализация доктрины «Партнерство во имя безопасности» // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10, № 2 (38). С. 13–23. DOI: 10.21685/2307-9525-10-2-2
7. Гусев Р. Г. Зарубежный опыт разработки критериев и механизмов оценки деятельности правоохранительных органов // Аграрное и земельное право. 2012. № 4 (88). С. 100–103.
8. Кобец П. Н. Историко-правовой аспект участия общественных формирований и граждан в противодействии преступности // История государства и права. 2018. № 4. С. 35–39. DOI:10.18572/1812-3805-2018-4-35-39
9. Кобец П. Н. Положительный опыт японской полиции в сфере охраны правопорядка и профилактики преступности // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 2 (97). С. 199–204.
10. Кобец П. Н. Опыт полиции Республики Польша по взаимодействию с гражданским обществом в сфере охраны правопорядка и поддержания безопасности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 32–35.
11. Лесовик И. В. О практике построения партнерства между полицией и обществом // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1-1. С. 196–200.
12. Майоров В. И. Организация деятельности по охране общественного порядка в США, странах Европы и России. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2003. 50 с.
13. Медведицкова Л. В., Зубенко В. В. Опыт эффективного взаимодействия населения и полиции в зарубежных странах в процессе профилактики и раскрытия преступлений // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1 (56). С. 199–201.
14. Новиков С. В. Добровольные помощники полиции: мировой опыт и российская реальность // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. 2016. № 1 (5). С. 23–26.
15. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А. А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 года) / О. Ф. Акбашев, К. В. Алексеев, В. П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4 (48). С. 158–191.
16. Предупреждение преступности в России : монография / Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев, Ю. Г. Касперович [и др.] ; под ред. проф. Ю. М. Антоняна. Москва, 2014. 344 с.
17. Попова Н. Ф., Овчинникова Л. И. К вопросу привлечения общественных объединений к охране общественного порядка // Российский следователь. 2006. № 10. С. 39–40.
18. Тарасова А. А. Полицейская система Франции: становление и развитие // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы международной научно-теоретической конференции молодых исследователей, Санкт-Петербург, 28 апреля 2017 года. В 2 томах. Том II. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2017. С. 223–225.
19. Цветков В. Л. Полицейская психология: опыт Испании // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 4 (59). С. 86–90.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.11.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.01.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2025.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОРЯДКА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Научная статья

С. 134–139

УДК 343.132

DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-134-139

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХ ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ

Виктория Владимировна Долженко

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия
 miss.dolzhenko@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрен сравнительно-правовой опыт привлечения к уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии. Сделан вывод о том, что в Российской Федерации, по аналогии с Республикой Грузия, на законодательном уровне необходимо рассмотреть вопрос о принятии закона о противодействии организованной преступности, где в общих положениях с целью устранения пробелов в законодательстве и правоприменительной практики разъяснить такие понятия, как «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», признаки данного субъекта, «преступная иерархия», состав преступной иерархии, признаки преступной иерархии, критерии наличия авторитета среди других лиц, совершавших уголовные правонарушения, «воровской мир», «член воровского мира», «репутация вора в законе», «вор в законе», «общак» и т. д.; установить основные принципы противодействия организованной преступности, правовые и организационные основы предупреждения организованной преступности и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений организованной преступности.

Кроме того, предлагается дополнить ст. 210.1 УК РФ квалифицирующим признаком, т. е. усилить уголовную ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст. 210, 210.1 УК РФ.

Ключевые слова: занятие высшего положения в преступной иерархии, уголовный процесс, уголовное преследование, уголовная ответственность

Для цитирования: Долженко В. В. Уголовное преследование лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: сравнительно-правовое исследование на примере Российской Федерации и Республики Грузия // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 134–139. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-134-139

Research article

CRIMINAL PROSECUTION OF PERSONS OCCUPYING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY: A COMPARATIVE LEGAL STUDY ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF GEORGIA

Victoria V. Dolzhenko

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia
 miss.dolzhenko@inbox.ru

Abstract. The article considers the comparative legal experience of bringing to criminal responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy by a person. It is concluded that in the Russian Federation, by analogy with the Republic of Georgia, at the legislative level it is necessary to consider the adoption of the law on counteraction to organised crime, where in general provisions in order to eliminate gaps in legislation and law enforcement practice to clarify such concepts as 'a person occupying the highest position in the criminal hierarchy', signs of this subject, 'criminal hierarchy', the composition of the criminal hierarchy, signs of criminal hierarchy, criteria of having authority among other persons, and the criteria of having authority among other persons.

In addition, it is proposed to supplement Art. 210.1 of the Criminal Code of the RF with a qualifying feature, i.e. to strengthen criminal liability for the occupation of the highest position in the criminal hierarchy by a person who has a criminal record for the commission of offences under Art. 210, 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: occupation of the highest position in the criminal hierarchy, criminal process, criminal prosecution, criminal liability

For citation: Dolzhenko VV. Criminal prosecution of persons occupying the highest position in the criminal hierarchy: a comparative legal study on the example of the Russian Federation and the republic of Georgia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(1): 134-139. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-134-139

Введение

Противодействие организованной и рецидивной преступности является одной из значимых, и вместе с тем, наиболее сложных задач в деятельности не только нашего государства, но и всего мирового сообщества. Особую актуальность имеет пресечение и предупреждение преступлений, связанных с занятием лицом высшего положения в преступной иерархии, поскольку именно данными лицами осуществляется не только координация всей деятельности преступной организации, но и проводится системная идеологическая мотивация потенциально «преступно-ориентированных» лиц.

Наступательная позиция в деятельности всех правоохранительных органов и прокуратуры Российской Федерации заключается в проведении комплекса мер по своевременному выявлению и привлечению к ответственности лиц, занимающих высшую ступень в структуре преступной организации.

Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности»¹ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) дополнен ст. 210.1, предусматривающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Результаты изучения правоприменительной практики позволяют констатировать, что лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, как правило, лично не участвуют непосредственно в совершении преступлений, вследствие чего их преследование достаточно затруднено. Этому способствуют оценочные признаки ст. 210.1 УК РФ, исчерпывающей характеристики которым российский законодатель не дает.

В работах криминологов криминальная иерархия понимается как своеобразная табель о рангах для лиц, исповедующих криминальную идеологию и придерживающихся «воровского кодекса». Высшую ступень в криминальной иерархии, занимаемую «ворами», которые могут делегировать свои полномочия доверенным лицам, составляют «контролеры» и «вожаки». Помимо криминальных авторитетов, субъектом преступления по ст. 210.1 УК РФ предлагается считать также «контролеров», «вожаков», держателей «общака» и «доверенных лиц» [1, с. 27].

В настоящее время практика применения ст. 210.1 УК РФ находится в стадии формирования. Имеются определенные сложности в суде, связанные с толкованием

оценочных понятий, используемых в диспозиции статьи, касающихся преступной иерархии и высшего положения в ней. Помимо этого, имеются определенные трудности в доказывании времени, места, способа и факта приобретения виновным соответствующего криминального статуса.

В силу новизны отдельных положений указанных институт преступлений нуждается не только в разностороннем исследовании качества и полноты содержания с точки зрения внутреннего национального законодательства, его исторического генезиса и правопреемства, но и объективно требует соотношения со схожими нормами, закрепленными в уголовном законе Республики Грузия. Общеизвестно, что обращение к анализу зарубежного законодательства позволяет лучше познать право своей собственной страны, почерпнуть новые идеи и аргументы, которые могли оставаться вне поля зрения национального законодателя. Также считаем, что сравнительно-правовое исследование отечественных и зарубежных норм, устанавливающих уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, поможет лучше понять то, что российский законодатель при реформировании рассматриваемого института руководствовался не только объективными потребностями защиты национальных интересов, но и опирался на правовой опыт иных законодательных систем [2, с. 187].

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты Российской Федерации и зарубежных стран, регламентирующие вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, специальная литература по предмету исследования, материалы, размещенные в СМИ.

В качестве специальных правовых научно-исследовательских методов использованы: формально-юридический метод, метод правового прогнозирования, метод правовой герменевтики.

Сравнительно-правовой анализ применялся при исследовании зарубежного опыта уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, его сопоставления с российским опытом и выявления возможных направлений обмена опытом.

Описание проводимого исследования

Первое упоминание о криминальном авторитете как о субъекте преступления относится еще к 2009 году — к моменту появления ч. 4 ст. 210 УК РФ. За прошедшее время в научном сообществе неоднократно поднимался вопрос об оценочном характере введенного понятия, его абстрактности и отсутствии его толкования в нормативно-правовой базе [3, с. 159].

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 14 (часть I). Ст. 1459.

Ученые неоднократно предлагали включить в постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»¹ ряд признаков и критериев такого субъекта.

При этом мнения исследователей расходятся относительно того, кого именно следует относить к рассматриваемой категории лиц.

Так, А. Н. Мондохонов считает, что «предложенная законодателем формулировка должна охватывать «воров в законе», а также криминальных лидеров организованных преступных объединений, не относящихся к воровской среде. Исходя из данной позиции, к лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии, можно отнести не только «воров в законе», но и иные категории преступных авторитетов, которые имеют соответствующий статус и так или иначе могут оказывать негативное воздействие как на преступный контингент, так и на законопослушных граждан» [4, с. 54].

Изложенное позволяет заключить, что в теории уголовного права до сих пор не сформировано единого подхода к толкованию понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Верховный Суд РФ каких-либо четких рекомендаций такого толкования также не выработал, что означает передачу решения этого вопроса на усмотрение суда, который рассматривает или будет рассматривать дело. Такое положение, безусловно, требует исправления. Возникает необходимость в разработке закона о борьбе с организованной преступностью, регламентирующего признаки и критерии отнесения лиц к рассматриваемой категории. До его принятия такую терминологию, в том числе и с использованием определений соответствующих лиц на принятом в криминальной среде языке, который не может быть применим в законе, необходимо растолковать в постановлении Пленума Верховного Суда РФ [3, с. 162].

Занять высшее положение в преступной иерархии лицо может только осознанно. На это указывает осуществление данным лицом активной криминальной деятельности, посредством которой оно продвигается внутри криминальной иерархии. Поэтому с субъективной стороны новое преступление предполагает только прямой умысел лица на занятие высшего положения в преступной иерархии.

В 2019 году УК РФ дополнен ст. 210.1 об уголовной ответственности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, что вызвало неоднозначную реакцию и обоснованную критику со стороны научного сообщества. Суть претензий заключается в том, что статус лица в преступном мире не может быть основанием уголовной ответственности.

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 // Российская газета. 2010. 17 июня (№ 130).

Отметим, что основанием уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ, является не сам статус лица в преступной иерархии, а общественно опасная управленческая деятельность, основанная на его авторитете в преступной среде, направленная на обеспечение функционирования организованной преступности.

Для этого необходимо установить, что лицо имеет влияние на лиц, занимающих более низкий статус в преступной иерархии, ведет активную организационно-распорядительную деятельность, направленную на поддержку организованной преступности.

Для привлечения к ответственности по ст. 210.1 УК РФ, следователь и суд не должны ограничиваться формальным установлением положения лица в преступной иерархии. Необходимо доказать, что виновный, используя свой криминальный авторитет, активно осуществляет управленческую деятельность в преступных сообществах на свободе и в местах лишения свободы, участвует в разработке и принятии политических решений, обязательных для членов организованных преступных групп, а также негативно настроенных осужденных в исправительных учреждениях.

По справедливому замечанию А. Н. Мондохонова, «...у правоприменителя возникают закономерные вопросы о том, какой уровень существующей „преступной иерархии“ следует признавать высшим? Ведь значимость и авторитет лидеров различных организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций) относительно, всегда кто-нибудь занимает положение выше другого, а конкретное региональное преступное сообщество (преступная организация) может выступать в качестве структурного подразделения другого, например, межрегионального преступного сообщества (преступной организации)» [4, с. 56].

Следует согласиться с позицией Е. В. Саньковой, которая отмечает, что для отнесения лица к числу занимающих высшее положение в преступной иерархии, наименование его статуса, например, «вор в законе», не является определяющим, ключевое значение имеют следующие критерии: функция координации элементов структуры преступного мира с целью обеспечения его стабильного функционирования, авторитет в преступной среде, объем полномочий по отношению к другим ее субъектам [5, с. 173].

Отметим, что придание или получение высшего статуса в преступной иерархии квалифицируется как формальные преступления, поэтому эти действия считаются оконченными с момента предоставления возможности осуществлять функции обладателю высшего статуса в криминальной иерархии или получения такой возможности. Наличие оконченного преступления не требует, чтобы лицо, которому присвоен такой статус, действительно совершило какое-либо деяние, подпадающее под понятие «высшее положение в преступной иерархии».

Определенный интерес вызывает зарубежный опыт уголовного преследования лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Так, в результате принятия определенных законодательных решений, направленных на борьбу с организованной преступностью, правоохранительным органам Республики Грузия удалось добиться положительных результатов в борьбе с криминальными авторитетами.

20.12.2005 года по инициативе действующего на тот момент президента Грузии М. Н. Саакашвили, парламентом Грузии был принят Закон «Об организованной преступности и рэкете»¹. Одним из преимуществ данного нормативно-правового акта является то, что в нем определены основные понятия, необходимые для осуществления борьбы с организованной преступностью (воровское сообщество, деятельность воровского сообщества, член воровского сообщества, криминальный авторитет, воровская разборка, воровская сходка).

Предпосылками для криминализации самого статуса «вор в законе» стало то, что уровень организованной преступности в Грузии постоянно рос, а непосредственной причиной такого роста было то, что на территории Грузии действовала целая иерархическая система во главе с «ворами в законе». и, несмотря на скептицизм и сомнения по поводу действенности внедрения института уголовной ответственности за наличие статуса «вора в законе», организованная преступность в Грузии благодаря этому закону фактически была ликвидирована.

В соответствии со ст. 3 указанного закона, «вор в законе» — лицо, которое в какой-либо форме руководит и организует «воровское сообщество» или определенную группу лиц, использующую методы деятельности «воровского сообщества»². Общественная опасность нахождения в статусе «вора в законе» связана с его управленческой и организационной деятельностью в преступных сообществах. Такое толкование понятия «вор в законе» вполне соответствует ст. 7 Уголовного кодекса Грузии, в которой указано, что основанием уголовной ответственности является противоправное и виновное деяние³.

При этом воровской мир определяется как «любое сообщество лиц, действующих по установленным/признанным им правилам и целью которого является путем запугивания, угрозами, круговой порукой, воровской разборкой, вовлечением в противозаконные действия несовершеннолетних, достижение выгоды для собственных членов или других лиц за счет преступных действий или путем побуждения к таким другим». Членом воровского мира считается «любое лицо, признающее воровской мир и активно действующее для достижения целей воровского мира». Понятие «вор в законе» определяется как «член воровского мира, который по особым

правилам воровского мира, в хоть какой форме управляет им, либо/и организует воровской мир, либо определенную группу лиц»⁴.

28.04.2006 Уголовный кодекс Грузии дополнен ст. 223.1, предусматривающей ответственность за членство в воровском сообществе (ч. 1) и нахождение в положении «вора в законе» (ч. 2). За нахождение в положении «вора в законе» установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 10 лет со штрафом, что в соответствии с ч. 3 ст. 12 Уголовного кодекса Грузии соответствует категории тяжкого преступления.

Примечательно, что отличительной чертой грузинского законодательства о борьбе с организованной преступностью является то, что оно ориентировано исключительно на борьбу с «ворами в законе». В российском уголовном праве для характеристики субъекта преступления по ст. 210.1 УК РФ, используется более широкое понятие, лицо, занимающее высшее положение в уголовной иерархии.

Кроме того, в 2018 году Уголовный кодекс Грузии дополнен статьями, предусматривающими уголовную ответственность и за обращение к члену воровского мира (любое лицо, которое обращается к члену воровского мира или законному вору с целью повлиять на разрешение спора и/или решение); поддержку воровского мира (любые действия, способствующие осуществлению деятельности воровского мира); организацию воровской сходки или участие в ней.

Обратимся к судебной практике Грузии. 27.03.2007 в рамках борьбы с организованной преступностью, городской суд Батуми признал виновными гражданина И. за членство в «преступном сообществе». Приговором суда гражданину И. назначено наказание в виде 7 лет лишения свободы по обвинениям за принадлежность к «воровскому миру» в соответствии с законодательством Грузии под этим понятием понимают «лиц, признающих особые правила воровского мира и активно способствуют достижению целей этого воровского мира»⁵.

10.07.2007 года Апелляционный суд Кутаиси отклонил апелляционную жалобу И., а решением от 29 февраля 2008 года Верховный суд Грузии отклонил его кассационную жалобу как неприемлемую⁶.

Осужденный И. свою вину не подтвердил, однако суд признал его виновным по ст. 233.1 Уголовного кодекса Грузии по трем эпизодам, которые согласно грузинскому законодательству квалифицируются как уголовно-уголовные деяния, совершающие «воры в законе»: внесудебное урегулирование спора уголовным авторитетом, вымогание платы путем принуждения.

Гражданин И. обратился с жалобой в Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), в которой

¹ Об организованной преступности и рэкете : Закон Грузии от 20.12.2005 № 2354 // Законодательный Вестник Грузии. 2005. 29 дек. (№ 57). URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1> (дата обращения: 24.12.2024).

² Там же.

³ Уголовный кодекс Грузии : от 22.07.1999 № 2287 // Законодательный Вестник Грузии. 1999. 13 авг. (№ 41 (48)). URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=263> (дата обращения: 24.12.2024).

⁴ Об организованной преступности и рэкете : Закон Грузии от 20.12.2005 № 2354.

⁵ Case of Ashlarba v. Georgia (Application no. 45554/08) : Judgment, 15 July 2014. Strasbourg // ECHR. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145572> (дата обращения: 24.12.2024).

⁶ Там же.

отметил, что определение понятия «вор в законе» в Уголовном кодексе Грузии носит общий характер, и он не знал, что его поведение и высказывания могут иметь негативные последствия — уголовное преследование со стороны государства и выдвижение против него обвинительный приговор¹.

И. мотивировал свое заявление тем, что ст. 7 Европейской конвенции по правам человека определено, что никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного правонарушения на основании какого-либо действия или бездействия, которое на момент его совершения не являлось преступлением².

Правительство республики не возражало против обоснованности жалобы.

ЕСПЧ постановил, что «принятый в 2005 году пакет законов против «воров в законе» не является нарушением Европейской конвенции по правам человека».

ЕСПЧ указал, что благодаря удачным законодательным изменениям 20.12.2005 года Республика Грузия смогла эффективно преследовать и привлечь к ответственности более 180 лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, 20 из которых были признаны виновными за наличие статуса «вор в законе».

Из решения ЕСПЧ следует, что «исследования, проведенные правительством о влиянии преступного мира, ясно показывают, что это преступное явление имело глубокие корни в обществе и что понятия «преступный мир» и «воры в законе» были широко известными», — заявил Европейский суд, добавив, что концепции, отраженные в закон — «Воровской мир» и «воры в законе» — смысл был уже хорошо известен широкой публике на момент принятия закона³.

Европейский суд также отметил, что это положение указанного закона является частью более широкого законодательства, которое включает «подробные определения» таких терминов, как «воры» и «вор в законе».

«Соответственно, суд пришел к выводу, что даже если бы заявитель не понимал эти преступные концепции с помощью общих знаний, основанных на сообществе, в рамках более широкого законодательства, действовавшего в то время, он мог бы легко предвидеть это, если бы это было необходимо, с помощью адвоката». Действия заявителя подлежат уголовной ответственности. Таким образом, суд пришел к выводу, что нарушения статьи 7 Конвенции не установлено⁴, — указано в решении ЕСПЧ.

В связи с чем, ЕСПЧ отклонил жалобу заявителя и подчеркнул, что принятие закона о борьбе с «ворами в законе» необходимо для Республики Грузии, учитывая

определенные исторические факты, например: наличие в Республике «воров в законе» повлияло на формирование преступных структур власти в грузинском обществе и тюремном мире, начиная с советских времен; грузинские «воры в законе» считались одними из самых мощных и влиятельных этнических групп среди своих современников в криминальной элите по всему Советскому Союзу (согласно статистическим данным, грузинские «воры в законе» составляли 31,6 % общего количества преступников, имеющих указанный статус и были вторыми этнической группой после российских «воров в законе»⁵).

Таким образом, Грузинская Республика является единственной страной постсоветского пространства, которая установила уголовную ответственность за пребывание лица в статусе «вор в законе» и дала определение данному понятию. В Республике благодаря принятию закона «Об организованной преступности и рэжете» к уголовной ответственности привлечены несколько сотен воров в законе и изъято имущество, нажитое преступным путем.

Заключение и вывод

К сожалению, в российском законодательстве, в отличие от грузинского, не закреплены какие-либо критерии отнесения того или иного представителя преступной среды к лицам, занимающим в ней более высокое положение, эти понятия являются частью преступного мира, с которым правоохранительные органы должны бороться.

Полагаем, что свободная трактовка уголовного законодательства недопустима, а потому введение заранее к нему оценочных понятий, которые можно трактовать самостоятельно и не всегда однозначно лицо, применяющее такие нормы, явно нарушает права человека, которое будет объектом уголовных преследований. Думается, что в Российской Федерации, по аналогии с Грузией, на законодательном уровне необходимо рассмотреть вопрос о принятии закона о противодействии организованной преступности, где в общих положениях, с целью устранения пробелов в законодательстве и правоприменительной практики, разъяснить такие понятия, как «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», признаки данного субъекта, «преступная иерархия», состав преступной иерархии, признаки преступной иерархии, критерии наличия авторитета среди других лиц, совершавших уголовные правонарушения, «воровской мир», «член воровского мира», «репутация вора в законе», «вор в законе», «общак» и т. д., установить основные принципы противодействия организованной преступности, правовые и организационные основы предупреждения организованной преступности и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений организованной преступности.

Кроме того, предлагается дополнить ст. 210.1 УК РФ квалифицирующим признаком, т. е. усилить уголовную ответственность за занятие лицом высшего положения

¹ Civil Georgia. URL: <https://civil.ge/ka/archives/153266> (дата обращения: 24.12.2024).

² Там же.

³ Ashlarba v. Georgia — 45554/08 : Judgment 15.7.2014 [Section IV] // ECHR. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{«itemid»: \[«002-9592»\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{«itemid»: [«002-9592»]}) (дата обращения: 24.12.2024).

⁴ Страсбургский суд заявляет, что закон против преступного мира не нарушает Конвенцию // Civil Georgia. URL: https://civil-ge.translate.google/ka/archives/153266?_x_tr_sl=ka&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 24.12.2024).

⁵ Ashlarba v. Georgia — 45554/08 : Judgment 15.7.2014 [Section IV].

в преступной иерархии, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 210, 210.1 УК РФ.

Высказанные предложения помогут повысить эффективность борьбы с организованной преступностью на территории Российской Федерации.

Список источников

1. Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3 (21). С. 26–31.
2. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права (фрагменты) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 5. С. 187–188.
3. Пантюхина И. В., Ларина Л. Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lexrussica. 2020. Т. 73, № 10. С. 159–169.
4. Мондохонов А. Н. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в ней (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 53–57.
5. Санькова Е. В. Определение круга возможных субъектов преступления, предусмотренного ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии : сборник трудов межведомственной научно-практической конференции / под науч. ред. А. В. Парфенова, Г. Г. Саркисяна. Москва : Академия управления МВД России. 2023. С. 170–173.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.01.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.02.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.02.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

АЛЕКСАНДРИНА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Нижегородская академия МВД России.

603950, Нижний Новгород, БОКС — 268, Анкудиновское шоссе, д. 3.

aleksandrinan.m@gmail.com

NATALIA M. ALEKSANDRINA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

3 Ankudinovskoye shosse, BOX — 268, Nizhny Novgorod 603950, Russia.

aleksandrinan.m@gmail.com

АЛИПОВА АННА МИХАЙЛОВНА

Секретарь судебного заседания. Автозаводский районный суд г. Тольятти (Самарская область); магистрант кафедры «Уголовное право и процесс». Тольяттинский государственный университет.

445020, Самарская обл., Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.

alip0va.a@yandex.ru

ANNA M. ALIPOVA

Secretary of the court session. Avtozavodsky District Court of Togliatti (Samara Region); Master's student of the Department of "Criminal Law and Process". Togliatti State University.

14 Belorusskaya str, Togliatti 445020, Russia.

alip0va.a@yandex.ru

АРТЁМЕНКО НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанский филиал Российского гос. университета правосудия.

420088, Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7А.

pomad2@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7693-3873>

NATALIA N. ARTEMENKO

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Kazan Branch of the Russian State University of Justice.

7 vtoraya Azinskaya str, litera A, Kazan 420088, Russia.

pomad2@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7693-3873>

БАДИКОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и предварительного следствия в ОВД, Орловский юридический институт МВД РФ им. В. В. Лукьянова.

302027, Орел, ул. Игнатова, д. 2.

dibad008@yandex.ru

DMITRY A. BADIKOV

Candidate of Legal Science, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov.

2 Ignatova str, Orel 302027, Russia.

dibad008@yandex.ru

БУКРЕЕВ СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ

Студент, 2 курс, институт прокуратуры, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

bukreev2005@mail.com

SERGEY A. BUKREEV

2nd year student of the Institute of Public Prosecutor's Office, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

21 Komsomolskaya str, Yekaterinburg 620000, Russia.

bukreev2005@mail.com

ГРЕШНОВА ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса, Нижегородская академия МВД России; доцент кафедры конституционного и административного права, Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС.

603950, Нижний Новгород, БОКС — 268, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Galina.q2014q@yandex.ru

GALINA V. GRESHNOVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Process of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Nizhny Novgorod Institute of Management — branch of RANEPА.

3 Ankudinovskoye shosse, BOX — 268, Nizhny Novgorod 603950, Russia.

Galina.q2014q@yandex.ru

ДОЛЖЕНКО ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Аспирант, Университет прокуратуры Российской Федерации.

123022, Москва, 2-я Звенигородская ул., д. 15.

miss.dolzhenko@inbox.ru

VICTORIA V. DOLZHENKO

Postgraduate Student, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,

15 vtoraya Zvenigorodskaya str, Moscow 123022, Russia.

miss.dolzhenko@inbox.ru

ДРАГУН ОКСАНА ВИТАЛЬЕВНА

Курсант, Кузбасский институт ФСИН России.

654066, Кемеровская область — Кузбасс, Новокузнецк, проспект Октябрьский, д. 49.

oksana.dragun.01@bk.ru

OKSANA V. DRAGOON

Cadet, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

49 Oktyabrskiy ave., Novokuznetsk 654066, Kemerovo Region — Kuzbass, Russia.

oksana.dragun.01@bk.ru

ЗУЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной и правоохранительной деятельности, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Челябинский государственный университет.

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 79.

zuevsergej@inbox.ru

SERGEY V. ZUEV

Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Judicial and Law Enforcement Activity, South Ural State University (NRU); Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Chelyabinsk State University.

79 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.

zuevsergej@inbox.ru

КАБАНОВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный ун-т им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

420111, Казань, ул. Московская, д. 42.

kabanovp@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>

PAVEL A. KABANOV

Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, V. G. Timiryasov Kazan Innovation University (IEUP).

42 Moskovskaya str., Kazan 420111, Tatarstan, Russia.

kabanovp@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>

КОБЕЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник, Всероссийский
научно-исследовательский институт МВД России.

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

pkobets37@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

PETR N. KOBETS

Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher,
All-Russia Scientific-research Institute
of the Russian Ministry of Internal Affairs.

25 Povarskaya str., building 1, Moscow 121069, Russia.

pkobets37@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

КОНДРАТЮК СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин. Луганский юридический
институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации ; доцент кафедры «Уголовное
право и процесс». Тольяттинский государственный
университет.

291034, Россия, Луганская Народная Республика,
Луганск, кв. Молодежный, д. 20а.

kondratyuk.serzh@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

SERGEY V. KONDRATYUK

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Criminal Law Disciplines.
Lugansk Law Institute (branch) of the University of the
Prosecutor's Office of the Russian Federation; Associate
Professor of the Department of "Criminal Law and Process".
Togliatti State University.

20A kvartal Molodezhny, Lugansk 291034, Russia.

kondratyuk.serzh@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

КОРСИКОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры гражданского права, Санкт-Петербургский
государственный университет аэрокосмического
приборостроения.

190121, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская д. 67.

korsikova-nataly@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1565-3464>

NATALIA A. KORSIKOVA

Candidate of Legal Science, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Civil Law, St. Petersburg
State University of Aerospace Instrumentation.

67 Bolshaya Morskaya str., St. Petersburg 190121, Russia.

korsikova-nataly@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1565-3464>

КОЧЕДЫКОВА ВИКТОРИЯ МАРАТОВНА

Юрист; аспирант, Челябинский государственный
университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

v.koched@mail.ru

VICTORIA M. KOCHEDYKOVA

Lawyer; Graduate student at Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

v.koched@mail.ru

ЛОБАЧ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории
и истории государства и права, Дальневосточный
юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации.

690091, Владивосток, ул. Суханова, д. 8.

dimaved85@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7229-439X>

DMITRY V. LOBACH

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Department of Theory and History of State and Law,
Far Eastern Law Institute (branch), University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

8 Sukhanova str., Vladivostok 690091, Russia.

dimaved85@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7229-439X>

МАХРОВА ТАТЬЯНА КИМОВНА

Доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права, трудового права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

lotto@list.ru

TATYANA K. MAKHROVA

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law, Labor Law, South Ural State University (National Research University).

76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.

lotto@list.ru

МОРОЗОВ МАКСИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ».

630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56.

kaf-upnb@nsuem.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3295-4998>

MAXIM V. MOROZOV

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and National Security, Novosibirsk State University of Economics and Management.

56 Kamenskaya str, Novosibirsk 630099, Russia.

upnb@nsuem.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3295-4998>

МОРУГИНА НАДЕЖДА АНАТОЛЬЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Воронежский институт МВД России.

394065, Воронеж, пр-т Патриотов, д. 53.

moruginy@mail.ru

NADEZHDA A. MORUGINA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the chair of Criminal Procedure. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

53 Prospect Patriotov, Voronezh 394065, Russia.

moruginy@mail.ru

НЕЧКИН АНДРЕЙ ВАДИМОВИЧ

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

super.nechkin@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3032-9240>

ANDREY V. NECHKIN

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg 620000, Russia.

super.nechkin@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3032-9240>

ПАНЬКИН СТАНИСЛАВ ИГОРЕВИЧ

Кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные и естественно-научные дисциплины», Финансовый университет при Правительстве РФ, Уральский филиал.

454084, Челябинск, ул. Работниц, д. 58.

pstanislav78@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6309-4206>

STANISLAV I. PANKIN

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department "Social-Humanitarian and Natural-Science Disciplines", Financial University under the Government of the Russian Federation, Ural branch.

58 Rabotnits str, Chelyabinsk 454084, Russia.

pstanislav78@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6309-4206>

ПЕСТЕРЕВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, Московский финансово-промышленный университет «Синергия».

129090, Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1.

pestereval3@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6363-7496>

JULIA S. PESTEREVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Law and Digital Law at the Moscow Financial and Industrial University "Synergy".

9/14 Meshchanskaya str, bldg. 1, Moscow 129090, Russia.

pestereval3@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6363-7496>

ПЕТРЕНКО ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Прокурор отдела прокуратуры Краснодарского края, выпускник факультета подготовки научных кадров Университета прокуратуры Российской Федерации.

350000, Краснодар, ул. Советская, д. 39.

p_v.v@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4528-9448>

VALERY V. PETRENKO

Prosecutor of the District Prosecutor's Office of Краснодар Territory, Postgraduate of the Faculty of Training Scientific Personnel of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

39 Sovetskaya str., Krasnodar 350000, Russia.

p_v.v@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4528-9448>

ПОШЕЛОВ ПАВЕЛ ВИКТОРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Сибирский юридический университет.

644010, Омск, ул. Короленко, д. 12.

poshelov@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5233-9116>

PAVEL V. POSHELOV

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Siberian Law University.

12 Korolenko str., Omsk 644010, Russia

poshelov@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5233-9116>

ПУЧКОВ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права им. С. С. Алексеева, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

argun061@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5039-0594>

OLEG A. PUCHKOV

Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law named after S. S. Alekseev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

21 Komsomolskaya str, Yekaterinburg 620000, Russia.

argun061@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5039-0594>

РАССОХИН АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, профессор Академии военных наук РФ; доцент кафедры социальных гуманитарных дисциплин, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

anatolii.rassohi@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5819-8967>

ANATOLY V. RASSOKHIN

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor at the Academy of Military Sciences of the Russian Federation; Associate Professor, Department of Social Humanities, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

21 Komsomolskaya str, Yekaterinburg, 620000, Russia.

anatolii.rassohi@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5819-8967>

РЕМИЗОВ ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права и процесса, Нижегородская академия МВД России.

603950, Нижний Новгород, БОКС — 268,
Анкудиновское шоссе, д. 3.

pasha5225@yandex.ru

PAVEL V. REMIZOV

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy head of the department of administrative law and process of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

3 Ankudinovskoye shosse, BOX — 268,
Nizhny Novgorod 603950, Russia.

pasha5225@yandex.ru

РУДЕНКО ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук.

620049, Екатеринбург, ул. Первомайская, д. 91.

emikh.valentina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6641-691X>

VALENTINA V. RUDENKO

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

91 Pervomayskaya str., Yekaterinburg 620049, Russia.

emikh.valentina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6641-691X>

СТЕПАНОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА

Кандидат экономических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал.

454135, Челябинск, ул. Энергетиков, д. 63.

mns017@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-3562-8705>

MARINA N. STEPANOVA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the Ural Branch of the Russian State University of Justice.

63 Energetikov str., Chelyabinsk 454135, Russia.

mns017@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-3562-8705>

СУЧКОВА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА

Адъюнкт кафедры криминалистики и предварительного следствия в ОВД, Орловский юридический институт МВД РФ им. В. В. Лукьянова.

302027, Орел, ул. Игнатова, д. 2.

andrukh.liza@mail.ru

ELIZAVETA A. SUCHKOVA

Adjunct of the Department Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov.

2 Ignatova str., Orel 302027, Russia.

andrukh.liza@mail.ru

ТИЩЕНКО ВАЛЕРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права, трудового права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

tishchenkovg@susu.ru

VALERY G. TISHCHENKO

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Labor Law, South Ural State University (National Research University).

76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.

tishchenkovg@susu.ru

ФИЛИПЬЕВ РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ

Кандидат технических наук, начальник кафедры организации охраны и конвоирования, Кузбасский институт ФСИН России.

654066, Кемеровская область-Кузбасс, Новокузнецк, проспект Октябрьский, д. 49.

filipiev@live.ru

ROMAN A. FILIPYEV

Candidate of Technical Sciences, Head of the Department of Organization of Security and Escort of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

49 Oktyabrskiy ave., Novokuznetsk 654066, Kemerovo Region — Kuzbass, Russia.

filipiev@live.ru

ХЛЕБУНОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

tvkh1954@mail.ru

SVETLANA A. KHLEBUNOVA

Candidate of Legal Science, Senior Lecturer at the Department of Prosecutor's Supervision and Organization of Law Enforcement Activity, Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

tvkh1954@mail.ru

ШАГЛАНОВА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, Московский финансово-промышленный университет «Синергия».

129090, Москва, ул. Мещанская, д.9/14, стр. 1.

shaglanova.a@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6741-3243>

ALEXANDRA N. SHAGLANOVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Public Law and Digital Law of the Moscow Financial and Industrial University "Synergy".

9/14 Meshchanskaya str, bldg. 1, Moscow 129090, Russia.

shaglanova.a@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6741-3243>

ШАКЛЕИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Начальник управления Госавтоинспекции Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Магаданской области.

685000, Магадан, ул. Гагарина, д. 39/21.

shaklein83@mail.ru

SERGEY N. SHAKLEIN

Head of the Department of the State Traffic Inspectorate of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Magadan region.

39/21 Gagarin str, Magadan 685000, Russia.

shaklein83@mail.ru

ЮЗИХАНОВА ЭЛЬВИРА ГУМЕРОВНА

Доктор юридических наук профессор, начальник кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД России.

198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова д. 1.

uzikhanovaeg@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4864-9020>

ELVIRA G. YUZIKHANOVA

Doctor of Legal Science, Professor, Head of the Department of Criminology of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

1 Letchika Pilyutova str, St. Petersburg 198206, Russia.

uzikhanovaeg@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4864-9020>